

Евгений Мазепинъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

изъ сельской жизни.

Надниковъ.
Типографія М. П. Киселевскаго
1906.

Печатать дозволено. Москва 2-го мая 1906 года.

Оглавление.

	стр.
1. Въ неволѣ. Повѣсть	5.
2. На волѣ. Повѣсть	79.
3. Сельскій Староста. Повѣсть	186.
4. Волостной Старшина. Рассказъ	228.
5. Петруша и Параня. Рассказъ	233.

ВЪ НЕВОЛЪ

ПОВѢСТЬ.

Часть первая.

I.

Кругомъ въ лѣсу, невдалекѣ другъ отъ друга, находятся двѣ деревни: Чернухино и Житьево. Чернухино принадлежитъ помѣщицѣ Постоянной, а Житьево Баринову.

Постояннова живетъ въ своей усадьбѣ при Чернухинѣ, а Бариновъ въ другой губерніи и управляетъ своей деревней черезъ старость.

Усадьба Постоянновой расположена на краю Чернухина, на холмѣ, у небольшой рѣчки.

Господскій съ мезаниномъ домъ одноэтажный, деревянный, обширный—двѣнадцать оконъ по лицу и десять съ боку. Посрединѣ дома находятся, одно противъ другого, два крыльца—широкое съ навѣсомъ парадное и черное.

Парадное крыльцо ведетъ въ прихожую. Направо отъ прихожей находится гостинная—просторная комната, уставленная деревянными, некрашенными, съ высокими спинками стульями и столами. На столахъ пост-

даны белыя, тканыя узоромъ, шапками, скатерти. Два дорогихъ зеркала занимали по простынику между окнами и тянулись отъ потолка до полу. Среди гостинной висѣла люстра со свѣчами, а на столахъ стояли мѣдные подсвѣчники. Стѣны неоклеены; полъ некрашенъ; стѣны и полъ вездѣ очень чисты.

Одна дверь изъ гостиной вела въ зало, почти въ такую же комнату съ фортепианомъ, а другая въ коридоръ, проходившій вдоль дома.

По ту и другую сторону коридора находились: столовая, съ длиннымъ посрединѣ столомъ и буфетомъ, спальни—Постоянновой, ея мужа и двухъ дочерей, девичья, кухня и лодекая съ яроснами для тканія холста.

Подъ домомъ помѣщался подвалъ, гдѣ хранили картофель, морковь, капусту и другія овощи; рядомъ съ подваломъ держали индюшекъ, утокъ и гусей.

Домъ окружала аллея, усаженная березами. Вблизи находились три хлѣбныхъ амбара, погребъ съ ледникомъ, два длинныхъ хлѣва—одинъ для лошадей, а другой для коровъ. На верху хлѣвовъ устроены сараи; въ нихъ хранили кормъ для скота—сено и овсяницу. На полу сараевъ прорублены дыры, въ которыхъ спускали кормъ прямо въ ясли скоту. Около хлѣвовъ стояла скотня; въ скотней жили два скотника съ женами и дѣтьми и старушка, ухаживавшая за птицами; къ скотней примыкала овечий хлѣвъ и помѣщеніе для курницъ. На отставѣ стояли двѣ мякинницы и два длинныхъ гуменика.

Черезъ дорогу находился обширный садъ, состоявший изъ разныхъ деревьевъ и кустарниковъ: березъ, пихты, елей, сосенъ, рябинъ, черемухъ, ивъ, смородины, крыжовника, малины, шипицы и другихъ. Дорожки усыпаны пес-

скомъ; весь садъ тщательно вычищенъ.

Къ саду примыкаль огородъ; въ немъ садили картофель, капусту, морковь, лукъ, свеклу, и тутъ же были парники для огурцовъ.

На барскомъ дворѣ держали 16 лошадей, 57 коровъ, 7 теленковъ, 42 овцы, 183 куры, 32 утки, 28 гусей и 14 индюнокъ.

Три амбара были полны хлѣбомъ. Въ деревнѣ Чернухинѣ Постоянновой принадлежало двадцать пять душъ.

Сама владѣлица этого имѣнія, Постояннова, была полная энергичная женщина лѣтъ сорока пяти. Мужъ ея, однихъ съ ней лѣтъ, бытъ толстый, рыжій, добродушный, всегда брившій бороду и усы. У нихъ были девъ молоденькия дочери—гордая Наташа и лѣтъ пятнадцати добрая душой и красивая изъ себя Саша, да сынъ Коля, здоровый мальчикъ лѣтъ десяти.

Для наблюденія за полевыми работами у нихъ жиль управляемой Клавдій, жестокій въ обращеніи съ крестьянскими; онъ постоянно носилъ съ собой плетку и его несколько не трогало страданіе другихъ. Но зимамъ онъ щедрѣлъ къ себѣ на родину; крестьяне безъ него хоть немного вздыхали.

Домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала злая ключница. Кухарка была вдова, жившая на кухнѣ съ тремя маленькими дѣтьми. Рослый лакей, кучеръ, четыре молоденькия девушки для комнатныхъ услугъ, одна для барыни, другая для барина и двѣ для дочерей, и шесть бабъ помогавшихъ въ хозяйствѣ, составляли дворно Постоянновой.

Мужики платили казенную подать за свою землю и работали на помѣщицу четыре, а на себя два дня въ недѣлю.

Вся лѣтняя работа барыни въ обширныхъ поляхъ и лугахъ исполнялась даровыми трудомъ своихъ крѣпостныхъ. Въ свободное время они драли ей бересту. Зимою же доставляли кормъ для скота, дрова, выгоняли деготь и производили для продажи заготовку лѣса. Лѣсъ вывозили на рѣку и весною отправляли плотами, бревенъ по семидесяти, толщиною ииести и семи вершковъ, а длиною десяти аршинъ, внизъ по рѣкѣ на ярмарку и продавали каждый плотъ отъ десяти до пятнадцати рублей.

Кромѣ того, осенью каждая баба должна набрать и доставить своей барынѣ по два фунта сухой малины и черники, четыре рѣшиета бруски, два клюквы, четыре корзины рыжиковъ и одинъ фунтъ бѣлыхъ грибовъ, а каждый мужикъ несъ за себя курицу и пѣтуха, а со своего дома два фунта коровьяго масла.

Дворня же была набрана изъ своихъ крѣпостныхъ и служила бесплатно.

II.

Въ полѣ носиѣла рѣна, которая удалась на славу— крупная, сочная. Двѣ дѣвочки соблазнились господской рѣной. Онѣ, низко нагибаясь надъ полосами, второпяхъ рвали рѣну. Ихъ увидѣлъ Коля и закричалъ:

— Зачѣмъ вы воруете нашу рѣну—я мамѣ нажалуюсь!

Дѣвочки отъ испуга просто остолбенѣли. Рѣна у нихъ посыпалась. Онѣ не знали что и дѣлать. Немного опомнившись, онѣ стремглавъ полетѣли въ деревню, только линь засверкали ихъ пятки босыхъ ногъ.

Коля побѣжалъ домой.

— Мама, мама,—кричалъ онъ задыхаясь отъ бѣга,— деревенскія дѣвочки сейчасъ воровали нашу рѣну!

— Неужели? — удивилась мать.

— Вѣрно, мама. Я самъ видѣть, какъ онѣ ее рвали. Когда я закричала на нихъ, зачѣмъ онѣ воруютъ нашу рѣну, то онѣ высыпали ее и сами уѣзжали домой!..

— Да ты не кричи. Просто оглушили меня. Можно вѣдь говорить и потихоньку. Ты не знаешь ли, чьи онѣ дѣвчонки?

— Одна ровно Селезня, а другую не могу узнать.

— Хорошо когда. Настюшка! — крикнула барыня горничную.

Въ комнату уѣзжала дѣвка лѣтъ двадцати и, стоя руки на пивамъ, почтительно спросила:

— Что угодно, барыня?

— Сходи за Клавдіемъ и скажи ему, чтобы онъ сейчасъ же пришелъ сюда.

— Хорошо, барыня.

Вскорѣ принцель управляющій.

— Что прикажете, барыня? — низко поклонившись, спросилъ онъ.

— Клавдій, — обратилась къ нему барыня, — ты плохо смотришь за хозяйствомъ. Кажется, растащать у меня все имущество. Ты совсѣмъ распустилъ людей.

— Но мѣрѣ силъ своихъ я стараюсь служить вамъ. Не знаю даже чѣму и приписать ваши слова: я неуспѣнно наблюдаю за всѣми, не даю никому потакки, и совсѣмъ даже себѣ представить не могу, чтобы кто постыдѣлся дотронуться до барскаго добра.

— Напротивъ, смѣютъ, даже и днемъ не стѣсняются воровать мое добро.

— Кто же это посмѣть сдѣлать?

— Ты управляющій, который приставленъ следить за моимъ добромъ, ничего не знаешь, а я вотъ сама

про кражу знаю. Мой Коля видѣлъ, какъ двѣ дѣвчонки воровали нашу рѣпу.

— Гдѣ же, барыня, успѣхъ за каждымъ пустякомъ?

— Для тебя это пустяки, а для меня такъ нѣтъ.—Рѣзко замѣтила ему барыня.—Всегда начинаютъ воровать съ маленькихъ, а потомъ доходить и до большого. Да, вотъ дѣти крадутъ рѣпу, а взрослые навѣрно воруютъ мой хлѣбъ и ты про это ничего не знаешь? Я сама, изъ-за управляющаго и должна следить за сохранностью своего имущества?

— Хлѣба-то во всякомъ случаѣ они не посмѣютъ воровать: для этого у меня есть на лодѣй плетка, да и рожи предупреждаютъ воровство.

— Напрасно бы, еще я сама достовѣрно узнала бы о кражѣ хлѣба: тогда бы я ни одного часа не стала бы тебя держать... Ты вотъ что лучшее сдѣтай: одна дѣвчонка Селезня, а другую не знаю, то ты ее узнай и приведи ихъ обѣихъ сюда вмѣстѣ съ матерями. Я распоряжусь съ ними своимъ судомъ.

— Хорошо, барыня, будетъ исполнено.

„Черти проклятые!—выйдя на улицу, ругался управляющій,—мало еще вами, дьяволамъ, достается отъ моихъ рукъ. Пороть васъ надо каждый день, тогда будете умнѣе!“

Мужики и бабы, находившіеся на улицѣ, замѣтивъ управляющій, заперенѣцывались между собою: „Управляющій идетъ, да видать что и злой.“

Подойдя къ избѣ Селезня, управляющій крикнулъ:

— Кто дома?!

— Я, голубчикъ, я,—высунувшись изъ окна, отвѣтчила Дарья, жена Селезня, уже пожилая баба.

— Выходи сюда.

— Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ.

— Гдѣ у тебя дѣвка?—спросилъ управляющій, когда Дарья показалась на улицѣ.

— Которая? У меня ихъ много—четверо, легко только сказать.

— А которая воровала барскую рѣшку?

— Ну, вотъ и не знаю, батюшка: у меня дѣвки не воровки.

— Чего тутъ разговаривать, танцы ихъ сюда—мы сейчасъ разберемъ.

— Дѣвки, эй дѣвки, идите вы сюда,—крикнула Дарья,—вась управляющій зоветъ!

Выглядывавши со страхомъ изъ-за простѣнковъ въ оконко, вышли двѣ дѣвочки, одна трехъ, а другая пяти лѣтъ, въ одинѣхъ толстаго грубаго холста замаранныхъ рубашонкахъ и робко подошли къ матерямъ.

— Которая изъ васъ воровала барскую рѣшку?—обратился къ нимъ управляющій.—Сказывайте, а не то васъ запорю.

— Я не воровала,—сказали дѣвки обѣ вдругъ, а у самихъ такъ слезы и показались на глазахъ; плакать же они боялись.

— Какъ не воровали, если самъ барченокъ видѣлъ одну изъ васъ. Да впрочемъ, ты говорила, что у тебя ихъ четыре,—обратился къ Дарьѣ управляющій,—а тутъ у тебя двѣ, а гдѣ остальные?

— Настюшка живетъ у барыни въ двориѣ, ты вѣдь и самъ ее знаешь...

— Ну а четвертая-то гдѣ?

— Не знало гдѣ она и есть,—предчувствуя бѣду, чуть не съ плачемъ говорила Дарья.—Вы, дѣвки, не видѣли Анюшку-то?—обратилась она къ дочерямъ.

— Нѣть, не видали,—отвѣчали тѣ.

— Она вѣрно напроказила, а теперь и спряталась. Їй, вы, чего тутъ рты-то разѣли,—крикнуль управляющій на собравшихся мужиковъ и бабъ,—бѣгите разыскивать дѣвчонку и приведите ее сюда!

Мужики и бабы разсыпались по деревнѣ. Но елѣ долгиихъ поисковъ они обѣихъ дѣвченокъ нашли въ овинѣ и притащили ихъ къ управляющему.

Дѣвчонки были—Людмила Селезня лѣтъ девяты, а другая ее немножко постарше, обѣ босыя, безъ платковъ, въ однѣхъ грязиныхъ рубашенкахъ и лица ихъ замараны сажей.

— Сказывайте: воровали вы барскую рѣчу?—обратился къ нимъ управляющій.

— Меня Дунька сманила,—съ плачомъ говорила Людмила,—пойдемъ, да пойдемъ за рѣбой, толковала она: рѣча-то у барыни болно хороша. Я и пошла.

— Тащите ихъ обѣихъ къ барынѣ,—приказалъ управляющій.

Ревущихъ дѣвочекъ, награждаемыхъ подзатыльниками и теребками своихъ матерей, потащили къ барынѣ.

— Чего вы тутъ ровно за медвѣдемъ идете!—крикнуль управляющій на мужиковъ и бабъ, сопровождавшихъ шествіе.—Убирайтесь всѣ домой, безъ гаекъ здѣсь дѣло обойдется!

Съ дѣвочками остались однѣ матери, которыхъ и сами заревѣли съ ними.

— Полно рамъ тутъ оратъ-то,—сказать имъ управляющій.

Всѣ пріумолкли. Только изрѣдка слышались всхрипыванія

— Барыня, голубушка, не погуби,—съ плачомъ по-

валились бабы въ ноги своей госпожѣ.—Не съ разума, а съ глупости онѣ потаскали вашу рѣну.

— Тутъ-такъ—не погуби,—отвѣчала барыня,—а какъ присмотрѣть за ребятами, чтобы они не проказили, у вѣсъ этого нѣтъ. Вы пуще ока своего должны отъ чужихъ беречь мое добро, а между тѣмъ ваши ребята тащатъ его. Взять ихъ отъ вѣсъ, да отдать въ услуженіе въ городъ, тогда и узнаете каково похиндать барское добро.

— Ой, барыня, не отымай отъ насть ребятокъ-то,—благимъ матомъ завоили матери.—Вѣкъ будемъ за тебя Бога молить. Да кланяйтесь гы, безпытуя,—толкая въ шею своихъ дѣвченокъ, говорили онѣ,—и просите у нея прощенія.

— Дѣвочки, поопиряясь подзатыльниками своихъ матерей, упали барынѣ въ ноги и, едра выговаривая отъ слезъ, просили у нея прощенія.

— Будете впередь воровать?—обратилась къ нимъ барыня.

— Нѣтъ... Не будемъ.

— Ужъ я отдавать вѣсъ чужіе люди покамѣстъ не буду, а наказаніе же вамъ, за вань худой поступокъ, назначу: на шею вамъ повѣсять по рѣнѣ и вы должны ходить съ ними по деревнѣ весь день, чтобы все знали, что вы воровки.

— Благодарите барыню,—сказали бабы и вмѣстѣ съ дѣтьми повалились ей въ ноги.

На дѣвочекъ повѣсили на грудь по рѣнѣ и музыкѣ ихъ водилъ по деревнѣ. Дѣвочки, опустивъ глаза внизъ, горько плакали.

Ихъ увидала Саша, сжалась надъ ними, пришла домой и сказала матери:

— Мама, зачѣмъ ты велѣла повѣсить дѣвочкамъ рѣ-

ны, вѣдь такъ стыдно имъ ходить по деревнѣ.

— Я приказала повѣсить рѣны потому, чтобы отучить ихъ отъ воровства: эти рѣны дѣвчонки воровали у меня.

— Ну, мама, онѣ еще маленькия—можно имъ и простить.

— Нельзя, моя милая, не наказывать людей за худые поступки, иначе совѣтъ распуститъ ихъ, такъ что съ ними послѣ и не справиться.

— Съ дѣвочекъ довольно и этого наказанія. Ты имъ прости—вѣли имъ снять рѣны. Мама, онѣ горько плакутъ—мнѣ больно жалко ихъ. Если не для нихъ, то для меня это сдѣлай.

— Ты у меня добрая, хорошая дѣвочка. Иди сюда, я тебя поцѣлую. Ну, вотъ такъ. Для тебя я ихъ прощу.

Съ дѣвочекъ сняли рѣны и онѣ побѣжали домой.

Саша увидала Колю и сказала ему:

— Нехорошо тебѣ ябѣдничать—за это тебя никто не похвалить, а всякий назоветъ тебя ябѣдникомъ.

III.

На другой годъ Анюшка Селезня стерегла барскихъ индюшекъ.

Къ ночи индюшекъ заставали въ избунику, дверь въ которую спускалась сверху внизъ. Анюшка пропускала индюшекъ, доска нечаянно спустилась и придавила голову молоденькой индюшкѣ. Та растянулась.

Анюшка не знала что дѣлать. Она схватила индюшку и стала ее съ плачемъ откачивать; но индюшка уже была мертвая. Анюшка ее сирятала въ избунику и сама все время громко плакала.

Пришла ключница и стала провѣрять индюшекъ.

— Одной нѣть,—сказала она.—Куда ты ее дѣвала?

— Виновата,—со слезами проговорила Анююшка.—Я ихъ загоняла въ избунку, доска упала и прямо индюшкѣ на голову и ее убила. Индюшку я спрятала въ иззуху. Вотъ она:

— Такъ ты и хранишь господское добро. Я сейчасъ пойду къ барынѣ и скажу ей, что ты перевела одну индюшку. Она задастъ тебѣ ходу: впередъ получше будешь слѣдить за индюшками.

Барыня приказала Аниюшку выдрать. Ключница наломала березовыхъ вицъ и такъ отстегала ее, что долго у нея оставались на тѣлѣ кровяные рубцы.

Осеню же барыня отдала Аниюшку въ услуженіе въ городъ на четыре года заживать господскій долгъ. Аниюшкѣ господа понравились очень хороши, любили ее, и жизнь въ чужихъ людяхъ ей была лучше чѣмъ дома. Но она тосковала по родинѣ и ждала съ нетерпѣніемъ, когда кончится ей срокъ и она опять будетъ въ своей деревнѣ.

Дома же она недолго пожила: ее взяли въ дворню ходить за барышней Сашей. Обязанность ея была: одѣвать и раздѣвать барышню, исполнять разныя ея прихоти, а передъ сномъ чесать вмѣстѣ съ Настюшкой у барышень ноги.

Кормили дворню плохо; почти постоянно на столь подавали капусту, рѣдьку, крупянку, картошку, въ скромныя дни творогъ и остатки съ барскаго стола.

Кухарка, украдкой отъ господь, приготовляла себѣ особнякъ: пирожокъ, яичницу, или что-нибудь другое, хорошенькое. Иногда дворовые дѣвки провѣдаютъ, что у кухарки приготовленъ особнякъ и станутъ его. Кухарка была безнамѣтная, она забудетъ, куда спрятала приготовленный особнякъ и долго разыскиваетъ его.

Нигдѣ не найдя, догадывается, что, должно-быть, дѣвки у нея стянули, и цѣлый день ворчить на нихъ, придираясь къ каждому пустяку; а тѣ только надѣй подсмѣиваются.

Провизія дворнѣ отпускалась помѣсячно. Когда выдавала сама барыня, дворнѣ не перенадало линней кроники, а когда отпускала баринъ, то дворня выправливала у него линнее.

Барыня не любила своего мужа, смотрѣла на него съ пренебреженіемъ и держала его въ домѣ линь потому, что онъ ей мужъ и прогнать его изъ дома ей было совѣстно.

Баринъ былъ добрый, слабохарактерный, легко поддавался увлеченію; какъ-то, живя на службѣ въ городѣ, увлекся молоденькой прислугой и прижилъ ей ребенка.

Барыня узнала про это и сильно оскорбилась, такъ что первое время не пускала его къ себѣ даже на гла-за, хотя онъ, повидимому, горько раскаялся въ своей ошибкѣ и на колѣньяхъ просилъ у нея прощенія.

Вскорѣ баринъ повредилъ себѣ ногу. Нога разболѣлася. Онъ поселился въ усадѣбѣ своей жены и лѣчили ногу года два, а потомъ уже пооблѣнился, служить ему не захотѣлось и жить у своей жены нахлѣбникомъ.

Дворня, зная доброту барина и что барыня не очень благосклонно относится къ своему супругу, почти его нисколько не боялась и вмѣстѣ съ нимъ иногда обманывала барыню.

Выѣдетъ барыня изъ усадѣбы въ городъ, дворовыя дѣвки ужъ приступаютъ къ барину:

— Баринъ, голубчикъ, отпусти намъ бѣлой мучки и немного мастица.

— Вотъ, тутъ такъ и барина напили, а какъ ранѣе, то все съ ребятами возились; нѣтъ чтобы барина по-

цѣловать. Теперь и старый баринъ стать голубчикъ. Нѣть, меня не проведень; убирайтесь вы все къ чорту, къ своимъ парнямъ.

— Мы вѣдь, баринъ, тебя любимъ.

— Обманываете, курвы, чтобы у меня муки и масла вытурмомить.

— Право, не обманываемъ, вѣрно, любимъ.

— Если любите, то поцѣлуйте.

— Мы бы поцѣловали, да какъ-да барыня узнаетъ; она наасъ заиореть.

— Гдѣ ей узнать—не узнаетъ.

— Нѣть, баринъ, мы боимся.

— Чего бояться? Не узнаетъ. Давайте, подставляйте губы.

Дѣвки стали перетыкаться между собою: ни которой не хотѣлось первой поцѣловать. Наконецъ, Настюшка, какъ побойчее всѣхъ, поцѣловала его, а за ней и остальныя.

Баринъ такъ и растаялъ—отпустилъ дѣвкамъ муки и масла.

Безъ барыни дѣвки приглашали къ себѣ парней, въ людской пѣли пѣсни и плясали; у всѣхъ была душа на распашку.

Передъ прѣздомъ барыни веселье кончалось; все приготавливались къ еї естрѣчѣ; гэздѣ наступала тишина.

Баринъ приходилъ въ людскую и говорилъ дѣвкамъ:

— Ага, попались, стрекозы, я на васъ барынѣ нажалуюсь: вы цѣлые дни и вечера ничего не дѣлали, только пѣли да плясали.

— Баринъ, голубчикъ, не сказывай, будь добренъ-кій,—уирашивали дѣвки.

— Тутъ такъ добренький; а ранѣе нѣть, чтобы прийти, да поцѣловать меня; со своими ребятами забыли и барина.

— Ну, баринъ, будь хороший—не сказывай.

— Ладно, ладно, когда не скажу, да и вы, сороки, ничего не болтайте.

— Ничего, баринъ, не скажемъ.

Безъ жены баринъ потягать сильно водочку—онъ боялся, чтобы супруга про это не провѣдала.

О пріѣздѣ барыни обыкновенно извѣщали вѣстникъ изъ деревни Житьевъ, которая стояла на горѣ, а дорога была прямая, такъ что далеко было видно, если ктоѣхалъ.

Парнишка или дѣвченка, услышавъ колокольчикъ, или завидѣвъ издали экипажъ чернухинской барыни, со всѣхъ ногъ бѣжалъ въ ея деревню сказывать, что барыняѣдетъ.

Тамъ, эта вѣсть мигомъ облетала всю дворню, и всѣ, приготовившись, выходили встрѣтить барыню, низко ей кланяясь.

Барыня обо всемъ разспрашивала, что происходило безъ нея въ усадьбѣ и какъ идетъ работа.

Ей подробно сообщали всѣ новости, конечно, большую частью умалчивая о томъ, что бы могло навлечь ея гневъ на дворню.

Всѣ прихоти барыни исполнялись безирекословно; дворня не смѣла не только что возразить, но даже неласково посмотреть на свою барыню, которая какъ хотѣла, такъ съ ней и обращалась.

Дѣвки, убирая комнаты, по два дня позабывали вынести воду, стоявшую въ гостинной передъ зеркаломъ. Барыня это замѣтила. По приказанію ея всѣ дѣвки со-

брались въ гостинной и кланяясь въ поясъ передъ зеркаломъ водѣ, говорили вслухъ: „Водица-матушка, уйди сама со стола.“

— Ну, что, слушается-ли въсъ вода, уходить-ли она сама со стола? — спросила барыня.

— Нѣть, барыня, не слушается. — сказали дѣвки, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Не уходить, такъ надо се отсюда въамъ убирать. Ступайте, да впередъ еще такъ поубирайте у меня комнаты, тогда я въамъ покажу.

Дѣвки, завернувшись за двери, съ хохотомъ побѣжали въ людскую, и едва успокоились отъ смѣха при одномъ воспоминаніи наць сценой, гдѣ онѣ передъ зеркаломъ кланялись водѣ.

Въ одной комнатѣ съ барыней спала Настюшка. Барыня лежитъ, долго ворочаясь съ боку на бокъ, не можетъ заснуть.

— Сходи-ка, Настюшка. — обращается барыня, — назви дѣда Опухонца: пусть онъ поговорить мнѣ сказки, тогда я, можетъ-быть, скорѣе усну.

Приходитъ дѣдъ Опухонецъ и сказываетъ сказки. Барынѣ онѣ надоѣдаются:

— Иди домой, я уже довольно наслушалась. — говоритъ она старику.

Кряхтя, старикъ поднялся и отправился домой.

— Не вышли-ли мы съ тобой по рюмочкѣ, — обращается барыня къ Настюшкѣ, — что-то скучно гадунѣ, не спится.

— Воля вана, барыня, — отвѣчаетъ та.

Онѣ встаютъ и вышиваютъ по рюмочкѣ наливочки и опять ложатся.

Настюшка заснула, а барыня все еще ворочается съ боку на бокъ.

- Ты спишь? — обращается барыня.
- Нѣтъ, не силю, — сквозь сонъ отвѣтствуетъ Настюшка.
- Подай мнѣ носовой платокъ.
- Сейчасъ, барыня.

Настюшка встаетъ и подаетъ барынѣ носовой платокъ, хотя онъ лежалъ возлѣ самой барыни, на стулѣ, но ей самой не хотѣлось протянуть руку, чтобы взять платокъ.

Барыни же были, особенно Саша, для дворни очень добрыя, заступались за нихъ, украдкой отъ матери ссужали ихъ чаемъ, сахаромъ и провизіей, но нестѣсненныя ни чѣмъ и имѣя постоянно дѣвокъ въ полномъ своемъ распоряженіи, гдѣ человѣкъ быть рабомъ другого, бывало, что и за небольшую оплощность при одѣваніи ихъ, били дѣвокъ по головѣ и по лицу даже банимакомъ; только это случалось очень рѣдко, но все-таки случалось.

До чего въ полномъ подчиненіи были крѣпостные у своихъ господъ, можно судить потому, что барыня не допускала даже мысли, чтобы крѣпостные могли оскорбить своихъ господъ или ихъ дѣтей.

Когда еще Коля былъ маленькимъ, разъ ужъ очень онъ надоѣдѣлъ своими проказами Настюшкѣ, и она выведенная изъ терпѣнія, толкнула его. Барченокъ нажаловался своей матери, находившейся въ соседней комнатѣ.

- Зачѣмъ ты толкаешь Колю? — обратилась барыня.
- Что вы, барыня, — отвѣтствовала Настюшка, — смѣю-ли я толкать вашего сына.
- Ну, вотъ, Коля, ты врѣшилъ: она не посмѣеть толкать тебя.

Коля оиять начать, надоѣдѣть Настюшкѣ, и она

его теребнула.

— Мама, она не только толкается, но даже еще и теребится,—жаловался барченокъ.

— Все вреть онъ, барыня: я до него не смѣю, да боюсь пальцемъ дотронуться,—оправдывалась Настюшка.

— Коля, ты мнѣ надоѣдаешьъ своими несправедливыми жалобами: Настюшка никогда не посмѣть тебѣ теребнуть.

— Право, мама, ова теребнула.

— Ну, ну, ври больше, такъ я тебя въ уголь поставлю.

Коля ужъ не посмѣть болѣе убѣждать свою мать, что Настюшка его толкнула и теребнула.

За оскорблениѣ себѣ и за проявленіе своей воли, барыня очень жестоко наказывала крѣпостныхъ.

Какъ-то она въ воскресеніе заставила ихъ чистить садъ: бабы, ребятишки стребали и сметали въ груды мусоръ, убирали его, подчищали дорожки, носили въ корзинкахъ песокъ и посыпали ими дорожки.

Дарья, не замѣтивъ, что невдалекѣ идетъ барыня, сказала:

— Полноте, бабы, работать, виши, она, косая и въ воскресеніе не даетъ намъ отдыху.

Барыня услыхала это и всыпила. Она позрала двухъ мужиковъ и приказала имъ отодрать Дарью. Барыня сама смотрѣла за исполненіемъ наказанія и еще со злости поопиряла мужиковъ:

— Подбивьте ей еще: пусть она знаетъ, каково оскорблять своихъ господъ!

Мужики такъ отстегали бабу, что она поспѣѣ двѣ недѣли провалилась въ постели.

Въ сѣнокость же барыня послала всѣхъ бабъ гре-сти сѣно на пожнѣвъ, находящейся отъ усадьбы за де-сять верстъ.

У Дарьи бытъ грудной ребенокъ одного года, ко-торый уже понималъ свою мать. Дарья пришла къ ба-рынѣ и робко обратилась къ ней:

— Я къ вашей милости.

— Что надо?

— Управляющій посыпаетъ меня на сѣнокость, а у меня грудной ребенокъ, то нельзя-ли меня оставить дома, я лучше вамъ здѣсь что нибудь поработаю. А то ребенокъ отъ меня не отстаетъ, нянька еще дома маленькая, шести годковъ, ей не утѣшить ребенка, онъ обревится безъ меня.

— Норевитъ, да отстанетъ, невелика важность. Да, кажется, у тебя ребенокъ-то ужъ порядочный?

— Только-что ему годокъ минула.

— Ну-у, давно бы пора тебѣ отсаживать его отъ груди; теперь вотъ изъ-за такого теленка ты и будешь сидѣть дома, сложа руки? Безъ разговоровъ отправляй-ся на сѣнокость.

Дарья, опустивъ низко голову, уныло поплелась на сѣнокость.

Ребенокъ хватился матери и стала ревѣть, что есть мочи; нянька растерялась, не знала какъ его утѣшить и сама съ нимъ заревѣла... и ребенокъ къ вече-ру померъ.

Придя домой, Дарья долго причитала надъ своимъ дѣтищемъ, но его уже было не воротить.

По одно лѣто сынъ Дарьи, Васька, лѣтъ двѣнад-цати, пасъ барскихъ овецъ. Ягненка онъ потерялъ и нигдѣ не могъ его отыскать.

— Барыня, сегодня Васька не пригналъ одного ягненка,—додожила ключница.

— Позови его сюда.

Пришелъ босой Васька, безъ картуза, въ холстинной толстой рубашкѣ и въ обитыхъ коротенькихъ портченкахъ; ноги отъ грязи у него даже изсѣклись.

— Что ты плохо смотринъ за овцами, скоро ихъ всѣхъ растеряешь,—строго обратилась къ нему барыня.

— Я хорошо за имъ слѣжу, да сегодня Трезорко да Валетко бросились на овецъ и у меня ихъ всѣхъ разогнали. Я бѣгать, бѣгать, едва ихъ собралъ, а ягненка не могъ нигдѣ отыскать; не знаю, куда онъ и дѣвался.

— Гдѣ хочень возьми, а завтра мнѣ ягненка отыщи,—иначе я тебя запорю. Убираися, да еще такъ похрани моихъ овецъ, тогда я всю твою шкуру спущу!

Васька съ ревомъ пришелъ домой.

— Что сдѣлалось?—спросила его мать.

— Овецъ разогнали собаки... Ягненка я... не пригналъ,—отвѣчать, рыдая, Васька,—а барыня велѣла найти... Если не найду... то всю шкуру мою обѣщалась мнѣ спустить.

У матери сердце упало. Ей стало жаль Васьки, который былъ славный, послушный мальчикъ.

— Ну, не плачь, дурень,—утѣшила она его.—Ноѣшь лучшее молока, поди проголодался?

— Я, мамка, почти весь день не ёдалъ, все бѣгать, ягненка искалъ; едва добрелъ до дому.

— Вотъ поѣшь, да отдохнешь, то весь устатокъ у тебя пройдетъ. А завтра я подсоблю тебѣ разыскать ягненка-то.

Васька, набивая себѣ полный ротъ, хлебать моло-

ко съ накрошеннымъ въ него хлѣбомъ. Закусивъ, онъ побѣжалъ на улицу, гдѣ вскорѣ раздался его звонкій смѣхъ.

Съ самаго ранняго утра и до вечера Дарья искала съ Васькой ягненка, но нигдѣ не могла его найти. Васька стала горько плакать.

— Полно, дурень, плакать-то, я сейчасъ найду.

— Гдѣ его розыщешь-то? Вотъ сколько поры мы съ тобой искали, да не могли найти.

— Какой онъ шерсти-то былъ?

— Весь сѣрый, во кудать какъ этотъ ягненокъ,— говорилъ Васька, указывая на одного ягненка изъ своего стада.

— Ты побудь здѣсь недолго, а я пойду одна, авось, поскорѣе его розыщу.

Дарья побѣжала въ деревню Житьево, гдѣ овцы паеслись безъ пастиха. Она выбрала ягненка, по приѣтствуя похожаго на утеряннаго, схватила его на руки и потащила къ Васькѣ.

Увидавъ издали матерь съ ягненкомъ, Васька стремглавъ полетѣлъ къ ней.

— Неужели нашла?—не довѣря своимъ глазамъ, кричалъ онъ.

— Однако видишь и самъ, еще не совсѣмъ ты осѣлъ.

— Слава Богу, мамка, что онъ хоть напелся-то, а то меня барыня задрала бы... Да, мамка, ровно этотъ ягненокъ-то не нашть: у того на ухѣ было, кажется, черное пятнышко, а у этого нѣть.

— Ври большие, дуракъ,—прикрикнула мать,—ты оглядѣлся, никакого пятнышка у ягненка не бывало. Ты бы крестился обѣими руками, что напелся яgne-

ночь-то, а то всю бы пикуру тебѣ спустили, а ты еще вздумаешь пятнышки разбирать. Тотъ ягненокъ—да и все.

Васька повѣрилъ матери, но его всю дорогу брали сомнѣніе: „Какъ такъ, думалъ онъ: тотъ ягненокъ былъ сть пятнышкомъ, а у этого нѣть. Куда дѣвалось пятнышко-то?“

— Ну, что, напечь ягненка-то?—встрѣтила его ключница.

— Сегодня все,—бодро отвѣтилъ Васька.

Ключница пересчитала овецъ и сказала:

— Счастливъ, что сегодня приналь есѣхъ овецт, а то бы выдralи тебя какъ сидорову козу.

IV.

Очень тяжела была жизнь крѣпостныхъ деревни Чернухина барыни Постоянной. Работая на себя только треть года, еще вдобавокъ стдавая бесплатно работниковъ въ дворню, они едва могли сть грѣхомъ пополамъ прокормиться и кое чѣмъ прикрыть грѣхиное свое тѣло.

Ихъ деревня Чернухино выглядела очень бѣдной и имѣла самый жалкій плачевный видъ. Одни дома покривились, другіе почериѣли отъ старости, такъ что косяки оконъ поднерты кольями, чтобы ихъ совсѣмъ не выперло на улицу; дома крыты на одинъ скатъ, у многихъ отъ течи во время дождя накиданы кое-какъ доски: тутъ увидаешь и новыя, замѣтишь и старыя; окна узкія, продолговатыя, сть водвижными въ бокъ рамами; зимнихъ рамъ не вставлялось.

Въ избахъ грязно; у иныхъ онѣ никогда не мылись, сколько ужъ грязи возметь вѣнникъ или голікъ; стѣны прокопчены дымомъ, такъ что около потолка сажа ви-

съла ключьями, по зимамъ съ оконъ лились потоки воды. Тьмъ еще подбавляя болѣе сырости, которой въ избѣ было и безъ того очень много отъ нагрѣваемой для скотины воды, такъ какъ паша вмѣстѣ съ чадомъ во время топки шелъ въ избу—печки были безъ трубъ. Подъ издомъ блеяли овцы и телята, оттуда пахло навозомъ; деревянная грязная лоханка, никогда нечистившаяся, кромѣ выколаскиванія изъ нея, всеняла; съ полу, пропитавшагося навозомъ, грязью, принесенною на лаптяхъ и отъ испражненія ребятъ, во время неубираемаго, несло зловоніе. Полчища блохъ, таракановъ, а лѣтомъ мухъ, иногда жившихъ всю зиму, находили въ этихъ избахъ себѣ прекрасный пріютъ, размножались и не думали покидать его. Къ ночи приносили соломы, расстилали на полу и всѣ, и старые и малые, и мужчины и женщины, сидѣли въ рядовую, только девки ложились отдельно другъ съ другомъ; окутывались какимъ-либо тряпьевъ или одѣждой, рѣдко одѣялами.

Одежда вся была изъ грубаго холста, вытканнаго своими же бабами. Мужчины носили рубаху и порты, весною и осенью поддевки, двухшовки и трехшовки, зимою овчинныя полушубки и шубы, а нѣкоторыя бѣдныя даже кудельные; верхняя одежда женщинъ была почти также самая, что и у мужчинъ, а нижня состояла изъ холстинной рубахи, юбки и платка. На ноги осенью, зимою и весною одѣвали лапти, обернувъ ноги въ портянки, а лѣтомъ ходили босикомъ. Холстина на одѣждѣ была у однихъ синяя, а у другихъ некрашенная; при грязной крестьянской работѣ, около земли и навозу, она сильно начкалась, чистить или мыть верхнюю одѣжду не было даже обыкновенія, то холстина на одѣждѣ у нѣкоторыхъ потеряла свой первоначальный видъ и походила скорѣе на сильно загрязненную тряпку. Рубашка и порты снимались, такъ, разъ въ мѣсяцъ, даже

въ два и болѣе, а нѣкоторые носили до тѣхъ порть, пока они не сваливались съ плечъ: тогда будто бы грязь менѣе лѣтъ тѣло. Мылись въ печкахъ одной водой безъ мыла: попарятся вѣникомъ. линия грязь у нихъ и поотопрѣеть, а окачиваться и зимою, хотя и въ морозъ, выходили на повѣтъ, гдѣ у нѣкоторыхъ даже свободно гулять вѣтеръ.

Пища была самая плохая, болышею частью одна крушнянка, картошка, капуста и рѣдька; держали по одной и по двѣ коровенки, дававшихъ фунтовъ по шести по восьми молока въ сутки и съ новотелу, да и то у многихъ уходило ребятамъ; взрослымъ же совсѣмъ его мало попадало.

Въ посты—Вѣликій, Петровъ, Успенскій. Рождественскій, по средамъ и пятницамъ щли взрослые и дѣти, такъ лѣтъ отъ пяти, обязательно постную пищу: считалось болынимъ грѣхомъ въ эти дни оскоромниться. Если кто въ эти дни щль скоромное, то на того смотрѣли какъ на великаго грѣшника. Нѣкоторые больные, умирая въ посты, не вкушали скоромной пищи, хотя грубая пища иногда ихъ несвоевременно отправляла на тотъ свѣтъ.

Своимъ каторжнымъ трудомъ крѣпостные, при господской работе, кое-какъ вели свое хозяйство, и заботываться деньги на сторонѣ имъ было совсѣмъ некогда. Да и добывать деньги на сторонѣ было очень трудно,—поденница мужику съ лошадью была: въ лѣтнее время двадцать конѣекъ въ день, безъ лошади десять, а въ зимнее время, гдѣ приходилось работать по полямъ въ снѣгу, пятнадцать конѣекъ съ лошадью,—поэтому крѣпостнымъ волей-не-волей приходилось иронимататься пищей и одеждой, добытыми сами же; даже огонь доставали посредствомъ кремния, стальной пластинки и трюта. Вечеромъ во всѣхъ избахъ свѣтилась воткнутая

въ желѣзный свѣтъ березовая луцина. Когда крѣпостные находились на барской работѣ, то у нихъ содержаніе было свое. Иногда придутъ они домой, а дома и перекусить нечего. Бабы надѣнуть на руки корзинки и ночью побѣгутъ въ деревню Житьево просить милостынью.

Житьевскіе мужики жили зажиточно, они съ участіемъ относились къ бѣдствующимъ своимъ собратамъ, никогда имъ не отказывали въ милостынѣ и иногда помогали имъ и другимъ.

Чернухинскіе насбираютъ милостыни на два, на три дня и опять работаютъ у барыни. Барыня иногда узнавала про этотъ сборь, запрещала впередъ ходить, а нѣкоторыхъ за милостынью даже наказывала, потому что считала, что мужики голодны изъ-за своей лѣни.

Не только врачебныхъ, но даже фельдшерскихъ пунктовъ во всемъ уѣздѣ не было; единственная лѣчебница находилась при городѣ, отстоявшемъ отъ Чернухина въ ста восмидесяти верстахъ, почему больные, за дальностью разстоянія, не могли обращаться туда. Ихъ лѣчили свои знахари и знахарки заговорами, вспрysкиваніемъ водой и собранными самими же травами, давали пить наговоренную воду, прикладывали къ ранамъ, для остановки кровотеченія, паутину, а нѣкоторые останавливали кровь заговоромъ, чemu даже очень вѣрили крестьяне. Случалось, что ихъ лѣченіе, вместо пользы, лишало больныхъ жизни.

Училищъ не было. И въ обѣихъ-то деревняхъ числилось только трое грамотныхъ, умѣвшихъ разбирать и кое-какъ писать.

Хотя деревня за десять находилась при церкви Никола, но она только влачила несчастное свое существованіе и болѣе числилась на одной бумагѣ; даже

изъ ближнихъ деревень ребятишки отказывались посѣщать школу, потому что въ нее въ недѣлю раза два, много три заглядывать не учить, а скорѣе побить ребятишекъ, сынъ иона, пьяница, котораго выгнали изъ духовнаго училища и даже ни гдѣ не держали въ монастыряхъ.

Помѣщицамъ же болѣе нравились неграмотные, безответственные люди: они смотрѣли на своихъ крѣпостныхъ какъ на рабочую силу, которая должна имъ приносить какъ можно больше пользы своимъ физическимъ трудомъ, а грамота должна отнимать часть этой силы, что было не въ интересахъ помѣщикомъ.

Своей же духовной жизни кромѣ, у болыниства, механическаго исполненія обрядовъ церкви, у крѣпостныхъ не было: вся ихъ воля находилась въ полномъ подчиненіи своей госпожи, которая нерѣдко вмѣнивалась даже въ семейную ихъ жизнь, заставляя ихъ жить по своему усмотрѣнію, хотя иногда случалось, что ея распоряженія дѣлали крѣпостныхъ несчастными на всю жизнь.

Такъ, старинный сынъ Дарьи, Иванъ, слюбился съ своей сосѣдней девушкой Марфой и просилъ барыню разрешить взять ее замужъ.

Барынѣ не понрави1лось, что молоденький мальчишка выбираетъ невѣсту по своему усмотрѣнію. Она наотрезъ отказалась ему, дала ему хороший нагоняй, чтобы онъ не смѣть лѣзти къ ней съ такими просьбами, и велѣла жениться ему уже на пожилой, лѣтъ тридцати, некрасивой Овдотьѣ.

Иванъ не смѣть ослушаться, женился на Овдотьѣ; но свыкнуться съ ней не могъ: она казалась ему противнѣе чорта. Съ горя онъ совсѣмъ потерялъ голову, не сталъ радѣть о своемъ новомъ заведеніи и хозяинѣ.

ствѣ, такъ что его вовсе запустить.

Барыня нѣсколько разъ его наказывала, порола, но парню ничего ни ило впрокъ: онъ даже тянулъ имѣніе изъ дома и прбживалъ, а жену безпощадно билъ. Выведенная изъ терпѣнія, барыня сдала его въ солдаты теперь лямку цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ.

V.

Въ господскомъ домѣ вся семья барыни собралась обѣдать. Барыня взяла серебряную ложку, чтобы наливать всѣмъ супу. Подѣла она изъ миски супу, вылила на тарелку... какъ взглянетъ—а ложка вся почернѣла. Барыня такъ и осталась.

Баринъ и барыни, замѣтивъ это, съ испугомъ подбѣжали къ ней и говорятъ:

— Что съ тобой?

— Охъ,—тяжело простонала она,—насъ сейчасъ чутъ не отравили.

— Неужели??

— Посмотрите на ложку, какъ она почернѣла. Что нибудь да это не такъ. Вотъ мы сейчасъ узнаемъ, что тутъ есть.

Она кончикъ ленула супу. Конка немного покачала и, несходя съ мѣста, тутъ же окончила.

Всѣ такъ и ахнули.

— Надо это разузнать,—немного оправившись, сказала барыня:—кому такъ надѣли мы, что даже хотѣли насъ отравить.

И стала она допрашивать всю дворню, кто быть на кухнѣ. Послѣ долгихъ разспросовъ и угрозъ запороть всѣхъ, наконецъ она добилась, что въ это утро на кухнѣ сидѣла одна Дарья, которая могла подсыпать въ кушанье яду.

Призвали Дарью. Горе и нужда морицами избогатили все ея лицо. Бледная, со сжатыми губами она вошла к барынѣ, которую окружала родня и вся дворня.

— Ты это, подая, хотѣла отравить насть? — съ гневомъ обратилась къ ней барыня.

— Я, — упавшимъ голосомъ едва слышно проговорила Дарья. — Прости меня, барыня, падая въ ноги, съ ревомъ просила она.

— За что это ты хотѣла насть перевести? Что мы тебѣ худого сдѣлали?

— Сама не знаю, какъ это случилось со мной, видно самъ дьяволъ ионуталь меня, окаянную... Барыня, голубушка, сжалася надо мною: я вѣдь мать своимъ дѣтямъ — пожалѣй меня.

Для тебя я не жалѣла себя, работая, сколько хватало силъ моихъ и съ своимъ лѣнтяемъ мужемъ подняла почти отъ однѣхъ рукъ своихъ пятеро ребятъ, да трое еще есть малолѣточекъ.

Сама я ихъ всѣхъ своею грудью выкормила, — притчала Дарья, — на своихъ рукахъ вынѧчила, свила себѣ гнѣздышко и радовалася среди дѣтокъ своихъ. Ты не пожалѣла моего гнѣздышника, почти все разорила его. Старшаго сына, Ваньку, ты совсѣмъ загубила: быть онъ смирный, работящій парень, ты сдѣлала изъ него дѣнтия, прохвоста и отдала въ солдаты. Настюшку ты еще молоденъкой отняла отъ меня и все время не отпускаешь домой, а она въ твоей дворнѣ совсѣмъ избаловывалася: ужъ принесла двоихъ ребятъ. Анюшку смалолѣтства скиталася по чужимъ людямъ, а теперь живеть у тебя, того и гляди, что избалуется какъ и Настюшка. На дальней сторонушкѣ ужъ дожживаетъ четвертый годъ моя Машка, безъ родимыя своей матушки, некому при-

голубить, приласкать ее,—а заживаеть она твой господской долгъ. Сашка малолѣткомъ отданъ въ Питеръ учиться въ столяры. Отъ досокъ и венцей, которыя приходится носить ему на своей головушкѣ, у него на темени даже образовалась яма. Еще трое остаются у меня дитятокъ, еще неразумныхъ крохотокъ.

Изъ-за тебя, родимая, заревѣлся до смерти мой ребеночекъ. Меня темную, за грубое словцо, сказанное, тебя не видаючи, такъ ты выдralа, неразумную, что я чуть не отдала Богу душеньку.

Не хватало у меня часто хлѣбушка, приходилось бросать стыдь, срамъ въ сторону и сбирать по деревнямъ кусочки, за ради Христа, чтобы не умереть съ голоду, у тебя работая. Потеряется-ли у тебя ягненочекъ, которыхъ стерегъ мой Васька еще маленький, я крала его у сосѣдушка и тащила къ тебѣ, чтобы ты не запорола моего дитятка...

Надияхъ ты Ваську послала стерегчи своихъ коней; гдѣ ему, неразумному, слабому управлять твоими звѣрями. Снибла съ себя его лопатушка—и лишилась я посѣдней опорушки, не стало моей надежи-доброхотушки. Здорова, крѣпка я была, все вынесла, все вытерпѣла, теперь стара, слаба стала, ужъ не могу я переносить большие неизгодушки.

Измучилась я, горемышная, и лукавый напечатать мнѣ мысли недобрья. Теперь я стою предъ вами виноватая, чуть не душегубница ваша, окаянная...

Ты прости, прости меня для посѣднихъ дитятокъ: останутся они сиротинушки, безъ родимая своея матушки. Ты скажься хоть надъ ними бѣдняжечками.

Барыни не могли вытерпѣть, заплачали.

— Мама, ты прости ее,—стала просить Саша.

— Если мы ей простимъ,—ответила барыня,—то

другимъ потачка будеть, пожалуй, тогда еще кто-нибудь станеть травить насть.

— Да, мама, она не съ ума, а съ глупиа едѣла. Смотри, какія у нея были горя, недолго человѣку въ нихъ потерять разсудокъ: въ отчаяніи иной хорошо не понимаетъ, что овъ дѣластъ.

— Но и прощать такие поступки—нельзя.

— Дарья все время у насть была работающая, послушная,—не унималась Саша,—у нея вѣдь есть трое маленькихъ ребятъ, они должны линиться своей матери: ее сошлють, если ты доведешь до суда. Теперь же она раскаялась въ свое мѣхомъ поступки, и съ ней ужъ этого не повторится.

— Напрасно ты, Дарья, вздумала переводить насть,— обратилась къ ней барыня:—насть не будеть, то вами будутъ владѣть другіе господа, которые окажутся, можетъ-быть, еще вдесятеро хуже насть.

Въ виду твоего сердечнаго раскаянія и жалѣя твоихъ ребятъ, я вину тебѣ прощаю, сообщать, куда слѣдуетъ, не буду, но предупреждаю тебя и всѣхъ вѣсть,—грозно обратилась она къ дворнѣ,—что всякое, хотя и ничтожное покушеніе на мою и дѣтей моихъ личность, я не прощу, какія бы кары вамъ за это ни угрожали—я не пощажу, и предамъ васъ въ руки пачачей,—пусть они истязуютъ васъ!

— Благодарю тебя, барыня, голубушка,—отъ души сказала Дарья:—пожалѣла ты моихъ ребятишекъ, пощадила меня неразумную. Вѣкъ не забуду я тебѣ этого добра.

Вскорѣ же Дарья вознаградила барыню за ея милость.

Послѣ проливныхъ дождей, рѣчка, находившаяся вблизи Чернухина, высоко поднялась. Барченокъ

вадумать въ ней купаться вмѣстѣ съ деревенскими ребятишками. Гдѣ онъ ранѣе купался, мѣсто было мелкое, и теперь, не опасаясь ничего, онъ раздѣлся и пошелъ въ воду. Берегъ былъ обрывистый. Шагнувъ раза два, онъ скрылся въ водѣ. Вынырнувъ разъ, онъ едва только успѣть крикнуть: „Ой, тону, помогите!“ и опять попалъ на дно.

Ребятишки испугались. Они повыскакали изъ воды, побѣжали къ усадьбѣ и закричали:

— Барченокъ тонетъ, барченокъ тонетъ!

До усадьбы было далеко, крику ихъ никому не слышно; но kaumъ они бѣжали, барченокъ захлебался бы, но на счастье вблизи случилась Дарья. Она въ одѣждѣ бросилась въ воду и вынырнула наверхъ съ барченкомъ; но, умѣя сама плохо плавать, Дарья съ барченкомъ стала тонуть, а барченка все-таки не выпускала изъ рукъ.

Крикъ ребятишекъ скоро услыхали въ усадьбѣ, прибѣжали мужики, подали Дарьѣ коль. Она съ барченкомъ выбралась на берегъ.

Барыня, услыхавъ, что сынъ тонетъ, отъ испугу лишилась даже чувствъ. Когда же она пришла въ себя и увидала предъ собою здороваго сына, то не знала какъ и радоваться. Узнавъ, что спасительницей сына была Дарья, барыня отъ души ее поблагодарила, даже расцѣловала и подарила ей на юбку.

Отъ такой ласки Дарья прослезилась и сказала:

— Стою-ли я, барыня, этого: ты спасла меня отъ позора, да и не лишила дѣтей моихъ своей матери, а меня родимыя сторонушки. Не такое бы добро тебѣ надо сдѣлать, а еще болыше.

Барыня и впослѣдствіи всегда была Дарьѣ благодарна, облегчала, по возможности, ея тяжелое положеніе

и материально помогала ей.

Дарья считала барыню родной матерью, не знала даже какъ за нея и Бога-то молить, чтобы онъ послать ей здоровья и счастья.

VII.

Весна. Снѣгъ уже сошелъ съ полей. Барыня призвала управляющаго и велѣла ему распорядиться, чтобы мужики вездѣ поправили огороды и приступали къ посѣву ярового.

На другой день все мужики отирались съ мылоочками за плечами, гдѣ у большей части находился одинъ хлѣбъ и соль, поправлять осѣкъ, которымъ быть огороженъ въ лѣсу скотскій выгонъ.

Хлупая своими лаптами мѣстами по колѣно въ холодной водѣ, такъ что ноги постоянно были мокры, портняки хоть выжми, одни мужики бродили по лѣсу и заготовляли колья, а другіе срубали для осѣка не очень толстыхъ дерева и городили.

Осѣкъ обыкновенно городится такъ: наваливаются одно на другое два дерева, не очищая ихъ отъ сучьевъ; надъ ними втыкаютъ крестъ-на-крестъ два кола, на которые накидываются вмѣстѣ съ сучьями дерева два, три, и такъ идуть далѣе.

Городить осѣкъ—очень скоро; но онъ не такъ проченъ какъ частоколъ изъ жердей: зимою на него наваливается масса снѣгу и его осаживается, такъ что каждую весну приходится его поправлять.

Поля же городятъ частоколомъ: втыкаютъ прямо два кола, стягиваютъ ихъ еловыми или ивовыми вицами и кладутъ на вицы жерди, гдѣ такъ вкося, гдѣ такъ прямо, недалеко одна отъ другой, чтобы не могли пролѣсти овицы или телята. Высотою огородъ ставить въ

рость человѣка.

Покончивъ съ огородами, мужики наладили сохи и принялись за пашню. Сохи у нихъ безъ отрѣза, съ однимъ толстымъ желѣзнымъ сошникомъ въ верника три ширины, немного косымъ спрана нальво; земля разрѣзается острымъ краемъ сошника, идетъ по его наклону и переваливается. Захватъ земли у такой сохи невѣликъ, почему она тиха къ пашнѣ, но зато хорошо разрѣхляетъ землю и не боится камней.

Худыя лошаденки мужиковъ едва волокли ноги; мѣстами мужики подсобили имъ тащить сохи. Сохи то-и-дѣло ковылялись, то вправо, то влѣво, а особенно у молодыхъ пахарей и неумѣлыхъ наставлять сохи; онѣ до боли вергѣли имъ руки. Земля мѣстами была сыра, лишила къ сохамъ; мужикамъ нерѣдко приходилось изъ земли вытачивать сохи и лопаткой очищать отъ нея. На каждомъ поворотѣ, которые были часты, мужики тащили тяжелая сохи на своихъ рукахъ; онѣ сильно оттягивали у нихъ руки.

Работая, неоглядываясь, съ четырехъ часовъ утра и до восьми вечера, подъ наблюдениемъ управляющаго, стоявшаго съ плеткой, мужики по временамъ совсѣмъ даже изнемогали. Работа особенно истощала ихъ потому, что паша у нихъ была худа, не вѣстановляла вполнѣ ихъ силъ.

Вспахавъ полосу, мужики надѣвали черезъ плечо на полотенцѣ луконико съ сѣменами и сѣяли: захватывали горсть сѣмянъ и ударяли ими о луконико; сѣмена отлетали отъ луконика и отдельными зернами разсыпались впереди. Опытный хозяинъ сѣять очень хорошо: онъ какъ будто насадить въ землю руками каждое зернышко.

Мальчишка или баба посѣянное тщательно заборанивали, проѣзжая по одному мѣсту раза по три, сна-

чала по краямъ, а потомъ посрединѣ загона, тяжелыми вязаными боронами съ деревянными толстыми зубьями, которые плохо или, особенно въ глинистую, землю; сырая земля линяла къ зубьямъ, и бѣдныя лошаденки едва волокли борону.

Послѣ посѣва мужики и бабы драли въ лѣсу бересту. Тучи комаровъ, москѣтъ, паутовъ носились надъ ними и кусали имъ руки и ноги, никогда не давая имъ покоя. Съ огромными ношами за плечами, пуда по полтора и два, они поздно вечеромъ возвращались домой; завтра опять принимались за ту же работу.

Въ концѣ мая подняли наренину. Уже покрывавшаяся травкою земля, очень тяжела для пашни; еще какъ нестоить засуха, то не приведи Богъ этой работы: земля тверда, соха плохо идетъ въ нее, корни травъ волокутся съ сохой и прудятъ землю. Эта пашня считается самой тяжелой.

Когда земля немного попрѣла, то, изложившись послѣ дождя, ее подбранчивали.

Передъ Ивановымъ днемъ, 24 июня, возили навозъ на телѣгахъ одноколкахъ. Мужики и бабы двухрогими деревянными вилами, на концы которыхъ насажены желѣзные наконечники, отирали, надеждаясь, навозъ и клади на телѣги.

Ребятишки верхомъ на лошадяхъ отвозили навозъ въ поле; тамъ бабы желѣзными крюками стребали его въ колыги—въ груды. Поле было близко, то лошади безпрестанно возвращались назадъ, такъ что наметальщикамъ и отдохнуть было некогда.

Эта работа для рукъ всего тяжелѣе. Иной, ложась спать, долго не могъ ихъ успокоить—онѣ сгражно ныли. Утромъ, часовъ съ трехъ, ужъ опять принимались за ту же работу, продолжавшуюся до вечера.

Когда весь навозъ вывезли со двора, бабы раскидывали его по полосѣ виланками, а мужики выѣзжали съ сохами заваливать его; впереди шелъ мальчишка съ виланками и сгѣхивалъ навозъ съ края въ борозду, иначе онъ волочется за сохой, труднѣе пахать. Вспаханную землю боронили.

Едва только успѣли нравиться съ навозомъ, какъ уже поспѣлъ сѣнокосъ.

Выбравъ хорошую погоду, барыня приказала косить луга.

Застучали по деревнѣ молотки о косы: это оттачивали ихъ.

Рано утромъ, еще солнышико не взошло, мужики, бабы и подростки съ косами на плечахъ и съ лопатками въ постерькахъ у пояса, пришли на сѣнокосъ.

Идя одинъ за другимъ, они дружно рядами подрѣзали траву. Звучный лязгъ отъ точенія косы, то и дѣло далеко раздавался кругомъ.

Утромъ, когда еще было прохладно и трава отъ росы мокра, легко косить, но въ полдень жара донимала косцовъ: потъ градомъ катился съ нихъ, несмотря, что мужики были въ однѣхъ безъ пояса рубахахъ и портахъ, а бабы въ однѣхъ рубахахъ и все босыя. Трава стояла сама за себя и сильно отзывалась на рукахъ косцовъ. Въ стѣдующіе дни косили съ утра, а съ полдня убирали сѣно.

Въ два дня огромный лугъ быть подкошенъ.

На третій день все высыпали съ граблями. Подкошенную траву съ утра поворочали, правильнѣе сказать, порастягали, то есть изъ валовъ ее пораскидали концами грабель по сторонамъ, чтобы она скорѣе просыхала. Часовъ съ двѣнадцати сгребли въ большиѣ валы, гдѣ ей дали еще немногого посохнуть, а потомъ изъ ва-

ловъ катили коны. Нѣкоторые взяли носилки и коны снашивали въ сѣноваы. Кошу тащать двое: для этого подсовываютъ подъ нея двѣ носилки; одинъ берется руками за концы носилокъ спереди коны, а другой сзади, поднимаютъ ее и несутъ, а за ними оставшееся сѣно загребаютъ граблями и кладутъ въ коны; а если до сѣновала близко, то несутъ сѣно на рукахъ большими ношами, захвативъ ихъ и удерживая граблями. Съ коньками выходить по сѣну подъ самую крышу. Когда же становилось невозможно подниматься вверхъ, сѣно изъ коненъ отмѣтывали длинными вилами, уминали его, стараясь какъ можно туже набить сѣноваль, чтобы въ него вошло сѣна какъ можно болѣе.

Не успѣли поправиться съ сѣнокосомъ, какъ пришло время сѣять озимое. Сѣяли около Ильина дня, гдѣ опять вспахивали землю и заборанивали сѣмена.

Тотчасъ же послѣ посѣва принимались опять за сѣнокосъ. Иногда погода стояла дождливая; только придутъ, бывало, грести сѣно верстъ за восемь отъ деревни, какъ пойдетъ дождь, сѣно обмочить, и нужно отправляться обратно; нерѣдко случалось, что они теряли напрасно цѣлые дни.

Тотчасъ же послѣ сѣнокоса посыпалася жнива. Мужики, бабы, ребята стали жать ржаное поле. Они срѣзывали пучки ржи, клали ихъ въ снопы, связывали эти снопы той же соломой и ставили снопы въ суслоны: снопы колосьями наклоняли другъ къ другу и закрывали пшеницей, большинствомъ снопомъ.

Нѣкоторые дергали ленъ и снопы развѣнивали сушить на жердяхъ.

Потомъ принимались за яровое, за ячмень, который посыпать нерѣдко вмѣшать съ рожью, за пшеницу и овесъ; становили ихъ въ груды; если жито было высо-

ко, прикрывали шляпой, а если низко, трехя наложеными, два въ рядъ и одно на нихъ, снонами.

Дома во все лѣтнее рабочее время оставались одни беспомощные старики и старухи да малые ребята.

Рожь выстоялась, высохла. Въ ясный день мужики запрягли своихъ лошадокъ въ ондрецы—двуихколесная телѣга, на которой устроена клѣтка для удобства класти стѣно и споны, чтобы они не разъѣзжались въ стороны—и стали убирать сноны. Возы пригнетали гнетомъ—жердь, привязанная веревкой сзади ондреца.—Гнетъ клали вдоль воза, перекидывали черезъ передній конецъ гнета привязанную къ ондрену другую веревку; одинъ мужикъ изавивался на конецъ гнета, а другой, засунувъ веревку за перекладину ондреца, сильно тянуть, пока веревка подавалась, а потомъ ее привязывать къ ондрену, чтобы она не сдала назадъ. Сноны свозили въ гумениники и клали по краямъ ихъ.

Гумениники—это огромныя, длинныя сараи, по бокамъ которыхъ устроены засѣтки для склада хлѣба въ снонахъ. Посрединѣ гумениника настланъ полъ, а у мужиковъ прямо вычищена бугромъ земля, носить она название гума. На немъ обмолячиваютъ жито.

Къ гуменинику примыкаетъ овинъ. Это двухъэтажное зданіе съ двумя небольшими дверями на гумно. Нижнія двери ведутъ въ подовинникъ, где стоитъ печка, а у мужиковъ ее неѣть, тошка происходитъ въ ямѣ; по бокамъ печки, къ самымъ стѣнамъ настлана солома, служащая постелью для сушильщиковъ. Въ подовинѣ складываются овинники, необходимыя для тошки на цѣлую ночь. Овинники—ловыя или сосновыя, неколотыя чурки около двухъ аршинъ длины. Снаружи, посрединѣ овина, надъ дверями находится полка, а около нея подъ

верхнею дверью небольшое оконко. На полку поднимаются по приставленной къ ней лѣстницѣ.

Съ полки черезъ верхнія двери залѣзаютъ въ овнѣ. Овнѣ безъ потолка; пель замазанъ глиной. Надѣво отъ дверей, около стѣны находится во всю длину овна дыра, въ которую идеть снизу жаръ и чадъ. Такъ съ полуаринина отъ полу, примыкая къ нижнему косяку дверей, настланы въ верника въ два толщины, недалеко другъ отъ друга, колосники, жерди, которыя, въ случаѣ надобности, свободно сдвигаются къ стѣнѣ.

У нѣкоторыхъ крестьянъ не было гумениковъ: стоять одинъ овнѣ съ открытымъ гумномъ. Хлѣбъ складывали въ груды по берегамъ, по сторонамъ гума, на открытомъ воздухѣ. Въ дождливыя осени груды промачивало, и не мало хлѣба портилось, онъ изросталъ.

Овины обыкновенно садятъ трое: одинъ поддѣваетъ деревянными виламики натасканныя къ овнѣ снопы и подаетъ стоявшему на полкѣ, а тотъ кидаетъ ихъ на колосники тому, кто садить овнѣтъ.

Садить начинаютъ съ задней стѣны. Снопы ставятъ рядами: снопъ колосомъ кверху и снопъ колосомъ книзу, до колосниковъ и выше. Когда подойдуть близко къ дверямъ, заполняютъ снопами сначала одну изъ угловъ, уголь овна около дверей, а потомъ другую, такъ что образуется свободное мѣсто только у дверей. Садившій вылезаетъ на полку и заполняетъ свободное мѣсто снопами и накрошеннымъ колосомъ; закрываетъ снопомъ оконечко—и овнѣ посажены. Затворивъ двери овна и занеरевъ ихъ навертыникомъ, садившій сѣваетъ съ овна, разѣйтъ снопъ, прогонускаетъ тенлину и оставляетъ овнѣ до вечера.

Послѣ ужина, прихвативъ съ собой на всякий случай и для питья ведро воды, двое или однѣ, если кто

нетрусливъ, отправляются сушить овинъ и всю ночь поддерживаютъ въ печѣ огонь. Снять на соломѣ, пока прогораетъ теплина. Иногда въ овинъ наберется много народа, то рассказываютъ сказки. Въ нѣкоторыхъ овинахъ, а особенно въ вѣтряную погоду, дымъ плохо идетъ кверху, наполняетъ весь подовинъ и до боли ѡсть глаза. Сушкицы иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ снять въ такомъ дыму; они даже привыкаютъ къ нему, такъ что онъ имъ не такъ чувствителенъ какъ новичку.

Часовъ съ трехъ, съ четырехъ утра начинаютъ молотить. Рожь молотятъ шесть, семь человѣкъ. Одинъ мужикъ, большую частью сушкицы, заливаетъ на овинъ и весь въ чаду скидываетъ снопы на гумно; остальные молочельщицы разстилаютъ снопы въ два ряда колосьями вмѣстѣ. Когда настелить посадъ—снопы по всему гумну—берутъ молотила—длинная круглая, точеная палка, называемая кадкой, къ которой на ремень прикреплена коротенькая палка, такъ что она свободно можетъ двигаться во все стороны—становятся по двое въ рядъ: четверо на посадѣ—по двое лицомъ къ другимъ, а двое сбоку. Двое переднихъ, ударяя по колосу одинъ послѣ другого, идутъ задью, а задніе, приспоравливаясь къ нимъ, чтобы молотьба шла въ такъ—легче молотить, идуть за ними и ударяютъ тоже по колосу; боковые бьютъ по поясу сноповъ, такъ что они даже прыгаютъ.

Переднимъ тяжелѣе—они идуть на пробой, то есть первые выбиваются зерна изъ колоса, а вторымъ уже легче, такъ какъ часть зеренъ передними уже вымочена,—имъ приходится не такъ сильно ударять, чтобы зерна выпадали изъ колоса.

Ударяя по каждому снопу, молочельщицы идутъ безпрерывно до конца посада, который бываетъ такъ

сажень около двадцати. Только немножко оправившись, опять молотить, идя къ овину. Тогда задние идут впереди: приходится сбивать молотила на другую руку, то есть, вместо, например, правой руки находящейся наверху, которой при молотьбе тяжелѣе, будеъ лѣвая, почему рукамъ понерѣзину молотить легче.

Когда молочельщики пройдутъ по гумну взадъ и впередъ, то одинъ, большею частью баба, если она есть на гумнѣ, снопы переворачиваетъ, такъ какъ сверху колось обмолачивается лучше чѣмъ снизу. По вороченному посаду молочельщики опять проходятъ впередъ и взадъ. Потомъ отлетѣвши колось подметаются со стороны къ посаду, кто нибудь серпомъ срѣзываеть паясы сноповъ, другой береть металку—вилашки, снопы растряхиваетъ подъ молотила... И самое молоченіе кончено.

Теперь принимаются за уборку зерна и соломы. Граблями перетряхиваются солому, чтобы изъ нея выкатились зерна и выпала мякина. Солому катятъ въ большія груды и на носилкахъ снашиваютъ ее въ обметь, въ очень длинную груду со скатами, чтобы солому не очень проливало дождемъ.

Солома вся убрана. Болѣе ловкій молочельщикъ береть метлу и, слегка водя, сметаетъ колось вѣтвь отъ овина. Этотъ колось перетряхиваются граблями и снашиваются въ одно мѣсто, откуда послѣ убираются въ сѣновалы. Зерно же есть очень мелкой мякиной, которую отѣлить отъ зерна граблями трудно, обратными концами грабель сгруживаются къ одному мѣсту. Одинъ вѣяльной лопаткой окидываетъ рожь въ одну груду, а другіе подметаются остатки. И первый посадъ готовъ. Послѣ него точно также обмолачиваются второй посадъ и уходить домой завтракать.

Подкрѣпившись, одинъ или двое приходятъ вѣять.

Вѣтъ-то собственно одинъ, а другой подсобляетъ ему.

Вѣяльщикъ подбѣваетъ изъ груды на лопату ржи и бросаетъ кверху. Вѣтеръ подхватываетъ мякину, какъ болѣе легкую и тащить за собой, тѣмъ и отдѣляетъ ее отъ ржи. Самое круиное, тяжелое зерно, цѣльное, ложится въ голову, къ ногамъ вѣяльщика, а болѣе легкое— въ хвостъ, его подальше вѣтромъ относить. Но временамъ вѣяльщикъ, слегка водя метлой, смахиваетъ со ржи колосья. Хвостъ, гдѣ съ легкою рожью остается и мякина, вѣяльщикъ провѣняетъ не одинъ разъ, а остатки иногда пропускаетъ ионемногу съ рѣшиета.

Если вѣтеръ ровный, хороший, вѣяніе лопатой происходитъ очень скоро: въ какой-нибудь часъ одинъ вѣяльщикъ приготовляется иудовъ тридцать чистой ржи; а когда стоять вѣтеръ плохой, завиваешь все въ груду, приходится вѣять подолгу, часа по три, по четыре. Случалось, что вороха отъ овиновъ двухъ, трехъ даже не удавалось провѣять; вороха скапливались и по иѣскольку сутокъ оставались на гумниѣ до хорошаго вѣтра. Вѣяніе лопатой удобнѣе на некрытыхъ гумнахъ, которыхъ доступны всѣмъ вѣтрамъ.

Цѣльную рожь, какъ болѣе хорошую, нагребаютъ сперва и высыпаютъ въ особые сусѣки, берутъ ее себѣ на молотъ и оставляютъ до весны на сѣмена, а охвостную рожь продаютъ.

Прежде тѣмъ молоть рожь, сушить ее въ печахъ, наваливая туда къ ночи и очищаютъ ее рѣшиетомъ отъ пыли, песку и дрязгу, а потомъ уже молоть.

Изъ овса же приготовляютъ крупу: бабы ручными ступами опихаютъ овесъ, отдѣляютъ отъ шелухи зерно, которое и молоть на ручныхъ жерновахъ.

Иненицу моютъ до бѣла, очищая ее отъ песку и сорныхъ травъ и затѣмъ молоть. Иненичные широги

изъ своей муки получались вкусные, зашапистые.

Всю осень бабы были за обработкой льна.

Головки просушенныхъ споповъ льна онъ обколачивали вальками и рѣннетомъ отдѣляли стмена. Самые стебли льна стлали на лугъ, выбирая болѣе мягкія мѣста: онъ скорѣе уложивался и быть доброкачественнѣе.

Недѣли черезъ три снимали съ луга ленъ, связывая его въ большиe вязаницы. Чѣмъ осень сырѣе и теплѣе, тѣмъ скорѣе поспѣвалъ ленъ и быть лучше; сухая же осень не очень благопріятствуетъ лежкѣ льна.

Вязаницы сушить на овинѣ. На слѣдующій день мнуть его малками, гдѣ отстаетъ ото льна костица, шелуха. Обмытый ленъ сушить на печкахъ и два раза его треплють треналомъ—второй разъ начисто, чтобы на немъ никакъ не оставалось костицы.

На печкахъ же у всѣхъ пыли довольно и она вмѣстѣ съ мелкой костицей столбомъ стоитъ около бабъ. Всѣ бабы во время трепки такъ перемараются, что на лицѣ и на рукахъ грязь у нихъ втолстую.

Осенью копаютъ картофель и убираютъ съ огорода овоци.

Вотъ настала зима. Снѣжокъ покрылъ землю и установилъ дорогу. Мужики на длинныхъ дровняхъ поѣхали за сѣномъ; привозили его на барекій дворъ и себѣ, заготовляли дрова и бревна для домашней постройки.

Зашинились кормомъ, всѣѣ хали на заготовку лѣса и жили такъ въ избункахъ по недѣлѣ и болѣе. Свалку лѣса производили на берегу рѣки. Въ Великій постыднали деготь.

Бабы управлялись съ домашнимъ хозяйствомъ: водились съ ребятами, обряжали скотину, приготавливали

нищу, прядли и ткали холстъ.

Весною, какъ только проходила рѣка, мужики плотили бревна. Плоты гоняли въ городъ, внизъ по рѣкѣ. Смотришь—ужъ посыпалася панина и опять посыпалася та же тяжелая работа.

Такъ, не зная себѣ отдыха, не видя свѣту божьяго, трудились мужики цѣлый годъ, живя вироголодъ, измученные физически и нравственно.

Хотя воскресеные и праздничные дни у нихъ были свободны отъ господской работы, но они свою работу въ будни не успѣвали исправлять; приходилось и въ эти дни около дому что нибудь да дѣлать.

Особенно рѣзко на хозяйствѣ крѣпостныхъ отзывалась несвоевременность своей работы: иногда нужно пахать яровое, или уже оно вспахано, надо сѣять, а тутъ ступай на барскую работу; или, у тебя лежитъ оконченная трава, которая уже просохла, такъ что ее можно убирать, а ты стреби напередь барское сѣно, а потомъ уже принимайся за свое. Покамѣсть убирали барское сѣно, свое и замочило, пошли безпрерывные дожди, его испортило, хоть стели въ навозъ.

Хотя крѣпостные скотины держали мало: по лошади, по коровѣ, много по двѣ по три, по теленку, по четыре по пяти овецъ, но и той корму не всегда хватало; многимъ весною приходилось рѣзать солому, подбрасывать въ нее горсточку муки, обваривать киняткомъ и кормить скотину.

Никакихъ развлечений не только у пожилыхъ, но даже у молодежи не было: ребятамъ запрещалосьходить къ дѣвкамъ на посидѣнки. Осенью управляющій изрѣдка провѣрывалъ посидѣнки, неѣтъ-ли тамъ ребятъ. Услыхавъ, что идетъ управляющій, ребята отъ него спрятались куда могъ, а иѣкоторые даже затѣ-

зали въ печку, которая устраивались очень большия, такъ какъ въ нихъ мылись и парились.

Всѣ прокопченные въ дыму, загорѣлые, съ грубыми чертами лица, крѣпостные были похожи не только физически, но и нравственно другъ на друга. Они жили одной семьей, исполняли одинаковую работу, вѣровали въ одну и ту же религию, православную, держались разъ установленныхъ отцами обычаевъ, справляли одни и тѣ же мѣстные праздники, бѣли одинаковую пижму, носили одинаковую одежду, не выѣзжали многіе никуда далѣе своей деревни, всѣ знали чтобы не умереть съ голоду, нужно работать, не покидая рука своихъ, круглый годъ и безусловно подчиняться своимъ господамъ,—поэтому и жизнь каждого изъ нихъ шла точно такъ же, какъ жизнь отцовъ и дѣдовъ.

Приходило время бабѣ раждать новаго Ваньку. Она звала какую-нибудь деревенскую старуху, ходившую по роженицамъ—повивальныхъ бабокъ даже и въ слухахъ не было. И вотъ, въ избѣ, полной народа, на соломѣ, утромъ такъ еще въ дыму, появлялся на свѣтъ божий Ванька.

Мужикъ сѣздили на своей лошадкѣ за попомъ и дѣячкомъ. Въ кадуникѣ окрестили Ваньку и положили въ грязное тряпье куда-нибудь на лавку, а потомъ его уже перемѣстили въ берестянную лыжку на солому. Кормила его мать своею грудью и коровьимъ молокомъ изъ рожка, на который надѣта коровья титъка; часто засыхавшая; въ рожкѣ толстымъ слоемъ накваниено молоко, такъ что приходилось веретеномъ протыкать, чтобы ишло налитое молоко.

Нашъ Ванька сталаѣ бѣгать, ему уже два, три года. Онъ лѣтомъ въ одной рубашенкѣ не сходить съ улицы. Нерѣдко его девятилѣтняя сестренка бѣргаетъ

его въ рѣчкѣ, купая съ собою. Ванька брыкается руками и ногами, и изъ воды бѣгомъ улепетываетъ на берегъ.

Зимою же, надернувъ материну кудельную двухшповку, въ катаникахъ десятилѣтняго братинка, въ отцовской шапкѣ и безъ портока катается на чулкахъ со звѣзды иногда въ пятнадцати-градусный морозъ, а въ болѣе теплую погоду бѣжитъ ужъ по снѣгу босикомъ въ избы сосѣднихъ ребятишекъ.

Ванька ужъ минуло двѣнадцать лѣть. Онъ нянчится съ малолѣтнимъ братинкомъ или сестренкой, подсобляетъ матери въ обрядахъ, рубить около дому дрова, а лѣтомъ ужъ ходить грести. Въ пятнадцать лѣть его ужъ заставляютъ дѣлать всею, кромѣ панини, крестьянскую работу.

Когда Ванькѣ минуло восемнадцать лѣть, барыня приказала ему жениться—и Ванька сталъ семейнымъ человѣкомъ. Пошли у него ребята, обзавелся онъ своимъ домикомъ и хозяйствомъ, трудился, состарѣлся, ребята выросли, стали сами все обрабатывать. Пришло время—и напрѣкъ Ванька умеръ. Его ребята сколотили ему наскоро изъ тесу гробъ, запрягли лошадку и на дровняхъ отвезли на кладбище. Тамъ сами выкопали ему могилу, поклонились панихиду и свои же ребята его зарыли.

VII.

Вся жизнь помѣщицы Постоянновой и ея семьи была основана на физическомъ труде своихъ крѣпостныхъ: они были безплатной многочисленной дворней, обрабатывали землю, исполняли бесплатно всѣ необходимыя при хозяйствѣ барыни работы, возили сѣно, дрова и прочее.

Почти все, что необходимо для содержанія семьи,

хлѣбъ, мясо животныхъ и птицъ, масло, молоко, яйца, добывалось своими же крѣпостными; избытокъ же этихъ продуктовъ шелъ для продажи на другое барскіе расходы.

Чѣмъ больше было положено труда крѣпостными на работу своей барынѣ, тѣмъ лучше она жила со своей семьей; а никто себѣ не врагъ, поэтому она и выжимала изъ крѣпостныхъ послѣдніе соки.

Въ то время жизненные продукты были очень дешевы, такъ, напримѣрь, рожь продавали по тридцать копѣекъ за пудъ, да еще за эту цѣну нужно ее самимъ отвезти на винокуренный заводъ, находившійся въ ста шестидесяти верстахъ; за мясо давали отъ рубля и до рубля двадцати копѣекъ за пудъ, за яйца шесть копѣекъ за десятокъ. Чтобы выручить хоть сто рублей, то нужно продать много этихъ жизненныхъ продуктовъ, на которые столько слезъ, горя, непосильной работы было положено мужиками.

Между тѣмъ эти сто рублей бросались господами иногда совсѣмъ на вѣтеръ. Та же, дома разсчитливая Постояннова, желая повеселить своихъ дочерей, устраивала въ губернскомъ городѣ, где она имѣла постоянную квартиру, балы съ музыкой, и эти несчастные сто рублей вылетали въ какіе нибудь два вечера. Сколько тратилось на одни костюмы, сколько летѣло въ городѣ на одинъ чай лакеямъ, кучерамъ, тогда какъ дома у многихъ ея мужиковъ въ это время перекусить было нечего...

Да и много ило денегъ и на другое пустые приходы и бездѣлушки господъ, которые жили одной созерцательной жизнью, поэтому отъ скуки должны были что нибудь да выдумывать.

Господа считали унизительнымъ жить скромно; по ихъ понятіямъ господа должны жить по-господски, полу-

чая все́ удовольствія, какія и другіе получаются. Мелкимъ землевладѣльцамъ того приходилось тянуться за крупными; но они надрывали свои материальные силы, а все-таки отъ богатыхъ не отставали.

Съ первого взгляда на крѣпостное право, помѣщики представляются какими-то жестокими людьми, а на самомъ же дѣлѣ, это быть, за немногими исключеніями, самый развитой, образованный и, въ извѣстномъ направлениі, нравственно-веселитаный классъ. Это можно объяснить только тѣмъ, что на нужду и горе своихъ крѣпостныхъ они привыкли смотрѣть съ самаго своего детства и считали это за нормальное явленіе, не ими заведено; сами же помѣщики жили обезпеченно, и, не испытавъ на себѣ горя и нужды своихъ крѣпостныхъ, не могли отъ души сочувствовать имъ, чтобы облегчать ихъ тяжелое положеніе. Помѣщики смотрѣли на крѣпостное право какъ на порядокъ, установленный вѣками, знали, что этому порядку они обязаны даже настоящему своему благосостоянію, и большая часть изъ нихъ всѣми мѣрами старались поддержать этотъ порядокъ, чтобы крѣпостные не выходили изъ поставленныхъ имъ границъ.

Замѣчательно, что, повидимому, какъ мужики обрабатывали землю и до крѣпостного права, первобытной сохой, бороной, молотиломъ, лопаткой, косой, граблями, то, во время господства развитыхъ хозяевъ, бартъ, передовыхъ людей, этотъ порядокъ остался прежній.

Одни помѣщики находили совсѣмъ линнимъ расходовать деньги на покупку дорогихъ землемѣльческихъ орудій, благо земля обрабатывалась, хотя и первобытными орудіями, но зато нетребовавшими отъ нихъ никакихъ расходовъ; другіе, владѣя иногда десятками тысячъ десятинъ и имѣя тысячи работниковъ въ семье распоряженій, не имѣли ни малѣйшаго понятія о землемѣліи и считали существующую обработку земли,

нормальной; трети, состоя на службѣ, были заняты этимъ дѣломъ и не могли удѣлить времени на улучшеніе хозяйства; четвертымъ, отъ лѣни не хотѣлось даже и попытаться мозгами; иные хотя и принимались за обработку земли усовершенствованными орудіями, но они, какъ люди слишкомъ идеальные, непрактичные, выискивали дорогія орудія и машины, которыхъ были совсѣмъ непригодны въ ихъ мѣстности, почему они большую частью и стояли въ бездѣльствіи; да и мужики неохотно покидали свои первобытныя орудія, съ которыми они вмѣстѣ выросли, не знали какъ обращаться съ новыми машинами и орудіями, а научить ихъ было некому; на заведенные орудія и машины они смотрѣли какъ на пустую барскую затѣю, которымъ деньги дѣвать некуда, то и бросаютъ на пустяки.

Сами же орудія и машины въ то время еще были плохи, не приносили земледѣлю особенной пользы. У одного помѣщика отъ пашни плугами глинистой почвы, но неимѣнію хорошей бороны, земля стала рождать худой хлѣбъ, такъ что плуги пришлось бросить и приняться опять за сохи—и хлѣбъ сталъ непривлекательный.

Такіе неудачные опыты отбивали охоту даже у соѣднихъ помѣщиковъ измѣнять существующій порядокъ обработки земли, и многіе съ ироніей смотрѣли на тѣхъ, кто пробовать покупать орудія, машины и обрабатывать ими.

VIII.

Воспитанные въ пансіонѣ, хорошо знакомыя съ французской литературой, дочери Постоянной возмущались существующимъ порядкомъ крѣпостнаго права. Тяжелое положеніе крѣпостныхъ и ихъ нравственное угнетеніе особенно сильно затрагивало за душу впечат-

лительную добрую Сашу. По этому поводу нерѣдко у нея съ матерью велись разговоры, которые иногда переходили въ оживленный споръ.

Такъ и теперь вдвоемъ за нимъ сидѣть онѣ дома.

— Мама, сегодня я видѣла въ нашей деревнѣ мальчика лѣтъ трехъ,—начала Саша:—онъ ъѣль такой хлѣбъ, что развѣ его стала бы грызти только проголодавшаяся собака—хлѣбъ походилъ болѣе на засохшую землю, чѣмъ на хлѣбъ; совсѣмъ трудно разобрать изъ чего онъ испеченъ: въ немъ больше костери и другого дрязгу чѣмъ ржаной муки. У насъ же три амбара павалены хлѣбомъ, то бѣднѣй слѣдовало бы помочь—дать имъ хлѣба.

— Такъ, милочка, мы съ тобой раздаемъ весь хлѣбъ, а сами останемся ни съ чѣмъ,—возразила на это мать.— Мы сами не только ѿеть и пить хотимъ, но даже хлѣбъ должны продавать на другіе расходы: себѣ на платье, на чай, на кофе, на сахаръ, на наемъ квартиры въ городѣ, на балы... Да мало ли у насъ кой-какихъ расходовъ? На все нужно деньги, а онѣ съ неба намъ не валятся, надо выручать ихъ изъ того же хлѣба.

— Можно хотя и немного помочь нуждающимся, все имъ будетъ жить полегче.

— Тогда придется сокращать наши расходы. И безъ того-то мы живемъ противъ другихъ очень скромно, а какъ и въ этомъ-то будемъ себѣ отказывать, то намъ придется жить совсѣмъ бѣдняками. Ну и глупости же ты, Саша, говоришь.

— Ничего, мама, не глупости. Если мужики ужъ болѣю обѣднѣютъ, то они съ голоду будутъ умирать, а это съ нашей стороны къ нимъ очень несправедливо; да и линяться крѣпостныхъ, которые полезны намъ своимъ трудомъ, не въ нашихъ интересахъ.

— Никакъ ужъ я, Саша, отъ тебя не ожидала, что

ты такая серьезная стала,— удивилась мать,— ты только какъ настоящій философъ. Я совсѣмъ не понимаю, где ты этого набралась; но ты судишь людей по книжкамъ, а не по жизни. Если вотт, напримѣръ, помочь въ нуждѣ одной семьѣ моихъ людей, то изобиличишь другихъ: многие изъ нихъ въ чемъ нибудь да нуждаются, и своею помощью только еще болѣе возстановишь ихъ противъ себя; а помочь всемъ бѣднякамъ—я не въ состояніи: у меня не хватить на то средствъ. Да и помощь не можетъ принести имъ большої пользы: если разъ помочь хозяину семьи, то онъ уже не станетъ справляться со нуждой собственными силами, а будетъ ладѣться на господское добро. Тогда разведенъ еще большие лѣнтиевъ.

— Но у нихъ вѣдь случаются несчастья, которыя зависятъ не отъ нихъ самихъ, напримѣръ, неурожай, пожаръ, смерть работника семьи и другія; вотъ въ этихъ то случаяхъ ужъ вполнѣ необходимо помочь имъ. Потомъ, мама, я удивляюсь, почему ты по любви не дашь имъ жениться и выходить замужъ?

— Если только разрѣзинить имъ это, то многіе некрасивыя девки останутся незамужними; а старыя девки немного пользы приносятъ: имъ чередъ прокормить себѣ; да и за бѣдного некрасиваго парня не всякая пойдетъ замужъ; бобыли же для меня тоже не народъ—онъ самый пустой.

— Все-таки я не понимаю, какъ это они живутъ съ нелюбимымъ человѣкомъ? Мне такъ—ни за что бы не пожить!

— Люди при совмѣстной жизни привыкаютъ другъ къ другу, такъ что потомъ изъ враговъ дѣлаются друзьями. Затѣмъ, крѣпостные не настолько развиты, чтобы понимать любовь; не уродъ девка и нарецъ—вотъ и ка-

ра. Какую то у нихъ ты вздумала еще разбирать любовь.

— Должно-быть и у нихъ есть любовь.

Взять хоть для примѣра Ивана Селезня: быть онъ женатъ почти силой на нелюбимой дѣнушкѣ и, не смотря, что съ нею жилъ онъ не одинъ годъ, не могъ къ ней привыкнуть, быть ее иногда такъ, что на нее постѣлѣ даже жалко было смотрѣть.

— Ну, это исключеніе: онъ такой дуракъ и быть. Другие живутъ и такъ свыкаются, что если который изъ нихъ умретъ, то другой горько по немъ плачетъ.

— Положимъ, тутъ плачутъ, я думаю, больше отъ того, что семья лишается работника, незамѣнимаго отца или матери, и но моему лучше было бы, если бы по любви разрѣшили имъ жениться и выходить замужъ: тогда было бы болѣе счастливыхъ людей.

И много ты, мама, причиняешь горя мужикамъ и бабамъ, наказывая ихъ иногда розгами... Фу, какая, гадость!

Въ тотъ день, когда я услышу, что сегодня была кому нибудь норка, то весь день я бываю неспокойна и долго ночью не могу заснуть: думы, тяжелыя думы не дозволяютъ мнѣ сомкнуть моихъ очей. „И безъ того-то тяжела ихъ жизнь, приходитъ мнѣ на умъ, полна разныхъ невзгодъ, лишена всякихъ удовольствій, а тутъ еще наказываютъ ихъ тѣлесно!“ Развѣ это справедливо?

Какъ я разсудкомъ ни привожу доводы въ пользу наказанія розгами, но въ душѣ не могу помириться съ ними. Я сама не знаю почему, несчастье, горе, нужда нашихъ людей, сильно отражаются на моемъ сердцѣ: я дѣлаюсь безнокойной, ровно я въ чемъ виновата, и какъ-будто горе другихъ мое собственное горе.

— Ты, милочка, слишкомъ много читаешьъ чувстви-

тельныхъ книгъ, поэтому сдѣлалась очень впечатлительна, что вредно для здоровья. Тебѣ слѣдуетъ больше гулять, поменьше задумываться и смотрѣть на жизнь съ практической точки зрѣнія. Иначе, со своими идеальными взглядами ты сама насидишься голодомъ.

— Нѣтъ, мама,—нервно съ чувствомъ сказала дочь.— при этой жизни я никогда не могу быть покойна: для меня тяжель и горекъ хлѣбъ, добытый слезами другихъ. Если мы отъ крѣпостныхъ получаемъ все необходимое для нашего существованія—хлѣбъ, одежду, жилище и прочее, то мы и должны заботиться о нихъ, чтобы смягчать ихъ горе, помогать имъ въ нуждѣ, устраивать ихъ жизнь какъ лучшie и приносить имъ радости взамѣнъ получаемаго отъ нихъ. Только при такой жизни я была бы счастлива и покойна: а теперь моя жизнь, обставленая всѣми удобствами, всѣми удовольствіями, при одномъ только воспоминаніи, что всѣ эти удовольствія, всѣ эти радости, безъ которыхъ мы могли обойтись, основаны на несчастьи другихъ—дѣлается даже противно!:.

Нѣтъ, что ты ни говори, а нехороша наша жизнь, сдѣдало бы ее перемѣнить и жить своими трудами и тою пользою, которою мы своимъ умомъ, знаніемъ приносили бы народу.

Меня еще сильно возмущаетъ вотъ что: что бы мы сами не сдѣлали въ отношеніи крѣпостныхъ—мы правы, потому что они безотвѣтны, а между тѣмъ, чутъ они позволять себѣ малѣйшую неосторожность высказать намъ нашу неправду, мы считаемъ себя оскорблennыми и спѣшимъ наказать ихъ за правду, чѣмъ и пріучаемъ ихъ постоянно льстить намъ, врать; ни съ однимъ изъ нихъ по дунѣ не поговоришь: онъ боится, чтобы за правду ему чего-нибудь не было, поэтому и говорить только то, что должно нравится намъ.

Если слово ихъ или поступокъ придется намъ не по вкусу, мы болынею частью находимъ даже лишнимъ дозволять имъ приносить оправданіе, гдѣ бы ихъ вина представилась, можетъ-быть, совсѣмъ не виною, или не такъ бы велика, а мы тотчасъ же спѣшимъ, не разсудяя, наказать ихъ, потому что это право въ нашихъ рукахъ и мы во время и не во время его примѣняемъ, и своею посѣщенностью иногда приносимъ своимъ людямъ болынное горе... Мама, по душѣ говорю я тебѣ: не могу я помириться съ крѣпостными правомъ!

— Ты думаешьъ, милая хоя, какъ я заключила въ твоихъ словъ: что я ни дѣлаю, все считаю вправѣ и ни въ чёмъ не раскаиваюсь? Горѣко ты ошибаешься, моя дорогая.

Это право надъ моими крѣпостными, если бы ты знала, охъ, какъ тяжело иногда ложится на мою душу, что временемъ, кажется, отступилась бы отъ него! — то повѣрила и посочувствовала бы мнѣ.

Въ минуты гиѣва, когда своимъ упрямымъ поведеніемъ крѣпостные выведутъ меня изъ терпѣнія, то задѣтое „я“ — помѣщицы, всыхиваетъ злобой!

„Они, мои рабы, которые должны безусловно подчиняться мнѣ, какъ своей госпожѣ, подумашь про себя, еще оскорбляютъ меня словами и не слушаются меня! Тогда я покажу имъ свое право!...“ И за пустое, нанесенное мнѣ оскорблѣніе, мужику или бабѣ влетаетъ жестокая порка.

Когда я успокоюсь, то одумаюсь, взвѣшу все, и часто приду къ тому заключенію: наказала я неповиннаго человѣка! Извиниться же передъ нимъ, чтобы сложить съ души своей часть тягости и смягчить озлобленное сердце наказанного, мнѣ, какъ госпожѣ, не подобаетъ. Вотъ эти-то несправедливости, которыя проис-

ходять отъ того, что для моей воли нѣть возможнїй, чтобы по временамъ, когда она будетъ зарываться, останавливать ее, такъ какъ въ минуты гнѣва теряется разсудок,— всю жизнь гнетуть меня и гложутъ мое сердце, такъ что иногда не рада своей жизни.

Если бы я въ минуту гнѣва совладала бы съ собой, разспросила бы крѣпостного, почему онъ не можетъ исполнить мою волю, поставила бы себя на ^{его} мѣсто, то во многихъ случаяхъ я пришла бы къ тому убѣжденію, что на его бы мѣстѣ я поступила точно также, поэтому онъ со своей стороны правъ и мнѣ оскорблиться совсѣмъ не зачѣмъ. Этого-то у меня часто бываетъ, что я сама хорошо сознаю; но какъ ни даю себѣ слово сдерживаться во гнѣвѣ, а все-таки иногда не исполняю; за это виноватствіи и расплачиваюсь укорами совѣсти и сердечнымъ своимъ раскаяніемъ, которое, какъ невылившееся нарѣжу, ни мнѣ, ни наказанному пользы не приносить.

— Ну, мама, я никакъ не ожидала, что у тебя такое доброе сердце,—сказала дочь такъ, что отъ радости даже слезы на глазахъ навернулись.—Я все думала, что сердце твое зачерствѣло въ этой обстановкѣ, но все-таки искра Божія не погасла въ твоей душѣ.

— Саша, Саша,—съ болью въ сердцѣ проговорила мать,—ты еще молода, неопытна, не жила самостоятельной жизнью, а все находилась подъ крыльницомъ матери, гдѣ тебѣ быть готовъ столъ и домъ, поэтому тебѣ легко разсуждать со стороны и порицать мои поступки. Если бы поставить на мое мѣсто и другого, даже тебя, то если бы ты обладала хотя бы и небольшою практичесностью въ жизни и не носилась бы со своими мыльными пузырями—жить для блага другихъ, что большие говорится только на словахъ, а на дѣлѣ каждый заботится болѣе о себѣ, потому что всякому пріятнѣе

быть самому сытому и обутому, чѣмъ голодному и холодному смотрѣть какъ другое вкусно єдять и прекрасно одѣваются,—то, я думаю, всѣ свои воздушные замки бросила бы въ сторону и принялась бы за ту жизнь, какой я живу.

Вѣдь ее не одна, а на моихъ рукахъ семья—трое дѣтей и неспособный къ труду мужъ,—и я, какъ мать, должна заботиться о своихъ дѣтяхъ: если я не позабочусь, то чужой и не подумаетъ. Я не могу, какъ дворянка, держать своихъ дѣтей такъ, какъ ихъ держать крѣпостные, потому что я имъ мать; не худа, а добра желаю своимъ дѣтямъ; да если чуть что будетъ плохое житѣе дѣтямъ, они возонять на меня же: какая имъ я мать, что не забочусь о своихъ дѣтяхъ, содержу ихъ хуже дѣтей другихъ дворянъ и линчаю ихъ тѣмъ удовольствій, какими тѣ пользуются и кроме горя и нужды они отъ меня ничего не видятъ. Не спросить меня: откуда я должна взять на это деньги?

Для нихъ этотъ вопросъ никогда не приходитъ на умъ; а они только знаютъ, чтобы имъ было все приготовлено, до остального же имъ дѣла нѣть.

Ты сама видишь, что единственнымъ источникомъ пріобрѣтенія денегъ, у насъ являются мои крѣпостные, которые физическимъ своимъ трудомъ извлекаютъ изъ моего имущества деньги, необходимые жизненные продукты и материаль для жилища.

Чѣмъ болѣе будетъ положено крѣпостными труда для меня, тѣмъ лучше будетъ благосостояніе моей семьи. Чѣмъ будутъ крѣпостные лѣнивѣ, упрямѣ, роскошниѣ въ жизни, тѣмъ хуже пойдетъ наша жизнь. Котораго изъ двухъ должна я помогаться? Конечно, я думаю, перваго, потому что никто себѣ не врагъ.

И вотъ, для своихъ родныхъ дѣтей, я бываю иногда

жестока къ своимъ крѣпостнымъ... И ты, дитя мое, разсуди и взвѣсь все это, то не такъ строго будешь осуждать меня.

— Да, мама, во многомъ я теперь вѣрю тебѣ; но надо устроить жизнь такъ, чтобы всѣмъ, и намъ и крѣпостнымъ, жилось хорошо.

— Но этого добиться, милочка, довольно трудно. Лучше намъ не задумываться, не отравлять душевного спокойствія, оправдывать себя тѣмъ, что другое не лучшее настунаютъ—тогда легче жить.

— Какъ ты, мама, хочешь, а я съ этими условіями жизни примириться не могу. Я и сама не рада, что приходятъ ко мнѣ такія мысли, которыя отравляютъ мою жизнь, но сама съ собою ничего не могу сдѣлать: они невольно западаютъ въ мою душу... Но я вѣрю,—съ экстазомъ сказала Саша,—что придетъ время, оно и недалеко, когда люди поймутъ, что счастье каждого зависитъ отъ счастья другого, когда всѣ люди назовутъ другъ друга братьями, будутъ истинными друзьями и въ несчастьи, будутъ смотрѣть на счастье другого какъ на свое собственное счастье и радоваться ему,—тогда начнется лучшая жизнь, гдѣ бѣдный не умретъ съ голоду, гдѣ общество осиротѣвшимъ дѣтямъ замѣнитъ отца и мать, гдѣ несчастный у другихъ найдетъ утѣшеніе, а больной душевнаго и тѣлеснаго врача, гдѣ совѣсть у каждого въ отношеніи другихъ будетъ чиста и гдѣ человѣкъ, умирая, скажетъ: было изъ-за чего жить и было съ кѣмъ, и поплѣть обществу въ послѣднемъ своемъ вздохѣ сердечное спасибо.

Вотъ эта, твердая моя вѣра въ будущее, живить меня и является для меня ангеломъ утѣшителемъ въ моихъ сердечныхъ скорбяхъ!

IX.

Вся постройка въ деревнѣ Житьевѣ очень хорошая. Второй домъ съ краю принадлежить Таганкѣ. Домъ у него большой, хотя не новый, но, какъ сдѣланный изъ толстаго лѣса, очень прочный, состоитъ изъ двухъ избъ: жилой—въ три и горница въ два окна; каждая изба срублена отдельно и приставлены другъ къ другу. Домъ крытъ на два ската. Подъ окнами протянутъ для сушки бѣлля длинный шестъ, а подъ нимъ изъ оречьяго клѣва выглядываютъ небольшія оконечки.

Къ дому примыкаетъ длинный обширный дворъ со зѣздомъ—покато настланныя бревна, оканчивающіяся площадкой. Большія двухстворные ворота ведутъ на поветь—верхняя часть двора; она служить складомъ для корма скота, хозяйственныхъ орудий и экипажей.

Кормъ спускаютъ въ прорубленную на полу дыру, другая же, ничѣмъ незагороженная дыра гдѣ-нибудь въ углу, служить отхожимъ мѣстомъ.

Въ заднемъ углу устроено помѣщеніе въ родѣ чулана, оно носить название сѣнника; въ немъ бабы хранить свои хозяйственныя принадлежности—муку, крупу, масло, посуду, а лѣтомъ молоко.

Съ повети по лѣстницѣ спускаются во дворъ—холодное помѣщеніе для скота. Въ немъ въ болѣе теплую погоду держать лошадей, а лѣтомъ весь скотъ, и складываютъ солому; изъ двора черезъ большія ворота выбѣжаютъ и выходятъ на улицу; другія ворота ведутъ въ теплый хлѣвъ, а третіи, небольшія, подъ домъ, въ овечій и телячій хлѣвъ.

Въ избу входятъ съ улицы въ зѣздыя ворота. Отсюда прямо съ повети дверь, гдѣ приходится сильно

нагибаться, попадаешь въ избу; не разгибая спины, проходишь подъ полатами, нарами, до половины избы; здѣсь ужъ можно свободно распрямиться и осмотрѣть всю избу.

Изба просторная, сажень трехъ длины и трехъ ширины, выниною сажени полуторы. Направо отъ дверей находится большая битая печка съ голбцемъ—деревянный съ лѣсенкой прирубъ. На голбцѣ, какъ и на полатахъ, спать и отдыхаютъ вечеромъ; на немъ тепло и не такъ жарко какъ на печкѣ; въ голбцѣ противъ оконъ устроены двери, въ которыхъ спускаются къ овцамъ и телятамъ. Свободная часть отесанного бревна, соединяющаго полати съ голбцемъ, носить название—воронецъ.

Начиная отъ дверей и кончая иканикомъ около печки, идеть длинная, широкая, приколоченная къ стѣнамъ лавка. Надъ нею, въ рость человѣка, отъ полатей проходить до посудника около печки полка, называемая полавоникомъ, куда кладутъ шапки, шарфы, кушаки и разные мелкие инструменты, молотки, скобли и прочее. Около полатей, налѣво, устроена деревянная вѣналка.

Въ переднемъ углу находится божница, деревянная съ углубленіемъ полка, на которой стоять три старинной живописи иконы—Спасителя, Божіей Матери и Николая Чудотворца.

Подъ божницей стоять длинный четырехъугольный, красный, съ чернымъ кругомъ вosрединѣ, массивный столъ съ точеными ножками; въ столѣ есть выдвижной ящики, куда кладутъ хлѣбъ, въ деревянной солоницѣ соль и ножики. Къ столу придинута подвижная длинная скамейка.

Другой уголъ, противъ печки, называется кутьей. Въ ней устроена съ углубленіемъ полочка, куда бабы

кладутъ свою женскую рукодѣльную работу и хранять нитки и иголки.

Около печки, у голбца, висить на веревкѣ глиняный рукомойникъ, а подъ нимъ стоять широкая деревянная лохань.

Печка безъ трубы; надъ печкой около задней стѣны прорублена дыра, куда во время топки выходитъ дымъ; дыра закрывается выдвижной доской.

Потолокъ и стѣны, начиная отъ полки, прокопчены дымомъ; полъ грязенъ. Зимою же около сердняго окна ставится свѣтлица, въ которомъ горить по вечерамъ воткнутая березовая лучина.

Самъ хозяинъ этого дома, Таганька, уже пожилой, высокого роста, прямой, съ длиннымъ носомъ и клиномъ бородой. Въ движенияхъ его проглядывала, хотя неторопливость, но зато увѣренность; каждая его сила при работѣ была обдумана, исполняла дѣло не спѣшно, а ровно, поэтому, не смотря, что при работе онъ не торопился и не суетился, она въ привычныхъ рукахъ его спорилась: у него бездѣльно не пропадало ни одно движение. При работе онъ былъ неутомимъ, какъ будто не знать никакой усталости, и самъ не любилъ, чтобы другіе сидѣли безъ дѣла.

Семья его состояла изъ говоруныи жены маленького роста, изъ четырехъ взрослыхъ сыновей. Старий Тишка нынѣшию зимою быть женатъ, Степкѣ уже пачь двадцатый годъ, Виссарыка быть его двумя годами моложе, а Глѣбко съ Виссарыкомъ одногодки, дочери же Машкѣ пачь четырнадцатый годъ.

На завтрашній день ужъ съ вечера Таганька наряжалъ ребятъ на работу, которой имъ хватало на цѣлый день. Вся семья его слушалась: что онъ ни скажетъ, все исполнялось безпрекословно.

Деревня Житьево привольная: въ ней много пахотной земли, которая находится за огородами, много сѣнокосу и лѣсу. Сѣнокость тянется по рѣчкѣ Талицѣ, протекавшей близь деревни, а потомъ по берегу рѣки Сити, при впаденіи въ нее Талицы. Строевой лѣсъ окружаетъ долю. Сѣнокосу все прибывали и прибывали: мягкихъ мѣстъ подъ лѣсомъ было много, есть изъ чего подъ сѣнокость выбирать удобные мѣста, да и кто сколько расчистилъ себѣ сѣнокоса, то тотъ тѣмъ и владѣлъ.

Работниковъ въ семьѣ Таганьки было довольно, народъ все здоровый, нелѣнивый, то сѣнокосовъ ими раздѣляно очень много. Лѣтомъ у нихъ работа спорилась, сѣна они выставляли довольно и обходились на работѣ своей семьей. Сѣно складывали большие въ сѣновалы, а если гдѣ накапливалось мало, а до сѣновала далеко, въ стога—большіе конусообразные съ кольмъ посерединѣ копны, и въ проімы—вродѣ длинного узкого дома, крытого на два ската. Проімы дѣлали различной величины, начиная отъ одного воза и болѣе.

Проімы кладутся обыкновенно такъ: втыкаютъ въ рядъ колыя, одинъ отъ другого на разстояніи около сажени, настилаютъ около нихъ хворосту и прутьевъ, чтобы сѣно не подмокло, и кладутъ сѣно, туда набивая средину и наблюдая, чтобы при клаjkѣ сѣна всегда средина была выше, отчего и вода не проникаетъ въ средину, а скатывается. Когда верхъ выведутъ крышей, то проіму очищутъ граблями—и она готова.

Для складыванія сѣна въ проімы, надо своего рода умѣніе, и не всѣ крестьяне одинаково искусно кладутъ ихъ: у однихъ—не смотря на проливные дожди, не промокаетъ даже охабки сѣна, тогда какъ у другихъ промачиваетъ третью проімы.

Имѣя много сѣна, Таганька держать трехъ лошад-

дей, девяти коровъ, шестнадцати овецъ и нѣсколько телятъ. На хотной земли у него было довольно, удобряя ее онъ хорошо, обрабатывалъ старательно, то у него хлѣба сростало много: одной ржи болѣе двадцати четвертей; овса хватало не только для своихъ лошадей, но даже порядочный остатокъ продавался; круглый годъ ячменные и пшеничные пироги не переводились, а льна вырабатывали каждую осень пудовъ по восьми, продавая отъ четырехъ до семи рублей за пудъ.

Вся семья одѣвалась въ холстинную одежду; но холстина у нихъ была потоньше и одежда почище чѣмъ у чернухинскихъ мужиковъ.

Таганьки бытъ разечетливый мужикъ: онъ цѣнилъ каждую копѣйку, добытую своимъ трудомъ и берегъ ее. Да много денегъ и расходовать ему было некуда: уплатить онъ барину пятнадцать рублей подушныхъ—вотъ и весь его главный денежный расходъ. Остальное же все, необходимое для пропитанія семьи—хлѣбъ, мясо, молоко, масло, лица, крупа и проч., у него свое, добыто самими же; холстъ для одежды ткали бабы изъ напряденныхъ самими же нитокъ; бѣлье шили сами, а верхнюю одежду портной-пивецъ на дому у Таганьки, получая копѣекъ десять, пятнадцать въ день; дрова не-нокушины и огонь тоже, добывался посредствомъ кремня и трута. На ногахъ носили лапти, упачивая за нихъ по двѣ копѣйки за пару, а нѣкоторые даже сами плели. О праздникахъ вина не покупали: варили пиво изъ своего же солода и хмѣлю, пекли пшеничные пироги изъ домашней муки и угождали ими свою родню и соѣдей.

При такомъ скромномъ образѣ жизни и при трудолюбіи всей семьи, у Таганьки даже водились деньжонки, которыя онъ тщательно спрятывалъ въ укромномъ, вѣдомомъ ему одному, мѣстечкѣ.

Баринъ деревни Житьевы жилъ далеко, въ другой

своей усадьбы, находившейся въ соседней губерніи. Деревней Житьевымъ онъ управлялъ черезъ старосту Макара, мужика изъ этой же деревни.

Макаръ имѣлъ отъ барина полное уполномочіе надъ его крѣпостными; въ крайнихъ случаяхъ даже онъ могъ ихъ дратъ; но онъ не употреблялъ во зло своей власти, потому что самъ быть такой же крѣпостной, баринъ могъ его изъ старости во всякое время уволить, тогда онъ долженъ очутиться на мѣстѣ своего собрата, да онъ и побаивался своихъ односельчанъ. Онъ о каждой изъ постукѣ доносилъ барину, спрашивая его какъ ему поступить. Какое баринъ дѣлалъ распоряженіе или назначалъ пропавшему наказаніе, староста выполнялъ въ точности. Все-таки его все побаивались.

Староста сбиралъ барину оброкъ деньгами, холстомъ, провизіей и возами отвозилъ ему. Оброкъ былъ необременительный, а мужики пользовались всѣми богатѣйшими барина угодьями, болѣе двухъ тысячъ десятинъ пашни, сѣнокосу и строевого лѣсу, то они жили очень исправно, ни въ чёмъ не нуждались, все имѣли прекрасное хозяйство и хорошие дома.

Особеннаго тяготѣнія надъ собою крѣпостного права, мужики не чувствовали. Баринъ бывалъ у нихъ и въ пять-то лѣтъ одинъ разъ, относился къ нимъ хорошо, въ семейную ихъ жизнь, хотя его во всемъ спрашивались, не ввязывался; какъ хотѣли такъ они и жили, на комъ вздумали, на томъ и женились. За важные же поступки онъ ихъ не миловалъ—приказывалъ дратъ. Но порка у него очень рѣдко примѣнялась.

Къ приѣзду барина крѣпостные приготавливались нѣсколько дней: чистили, выметали улицу, мыли въ домахъ полъ и стѣны.

Баринъ посѣтилъ каждую избу; при его входѣ все

вставали; хозяинъ его встречать съ хлѣбомъ и съ солью. Баринъ разспрашивалъ о житѣ-бытьѣ каждого хозяина; все благодарили его за тѣ милости, какія онъ имъ даровалъ.

Хотя жизнь житьевскихъ крѣпостныхъ, сравнительно съ другими, была хороша, но все-таки для полнаго благополучія у нихъ чего-то не хватало. Всего же чувствительнѣе для крѣпостныхъ было то, что надѣ ними есть баринъ, который, какъ хочетъ, такъ и можетъ ими распорядиться; сами собою они ничего для себя не могутъ сдѣлать—во всемъ должны поступать такъ, какъ пожелаетъ баринъ; любого изъ нихъ онъ можетъ потребовать къ себѣ въ дворню—и прощай тогда родимая сторонушка и остатки свободы.

Еще хороню, что у нихъ добрый баринъ, худа не пожелаетъ имъ, но перейди его имѣніе къ другому злому барину, то очѣй, для своей выгоды, вытянетъ изъ нихъ послѣдніе соки.

Такъ, до этого у нихъ быть, такой баринъ, что какъ провѣдастъ онъ, что у кого есть денежки, то сына или дочь его потребуетъ къ себѣ въ дворню, зная, что стечь нипочемъ ихъ не отпустить.

Отицу, конечно, жалко отпустить своего сына или дочь въ дворню, гдѣ молодежь сильно баловалаась, береть добытые потомъ и кровью рублей пятьдесятъ и танцится пѣшикомъ къ барину, жившему отъ него за неистощимъ берестъ.

Мужикъ на колѣняхъ умоляетъ барина не губить его сына или дочь, просить пожалѣть его и говорить, что сколько скопилъ своимъ трудомъ денегъ, все ихъ привнес, тозими гхт, только, ради Христа, не отымай отъ него дѣтище.

Баринъ сначала ломается и словъ не подпускаетъ,

а потому смируется: возьметъ деньги, и дѣтище у отца не потревожить.

Въ пріѣздъ же этого барина въ деревню, дѣвки отъ него спрятывались даже по овинамъ и жили тамъ сутки по двои, болѣе показателья барину на глаза, чтобы онъ къ себѣ ихъ не увезъ.

Когда же отъ барина приходило въ деревню письмо и услыхають про это крѣпостные, у всѣхъ даже сердце упадеть. „Не меня ли баринъ къ себѣ требуетъ, или, не мое ли дѣтище онъ къ себѣ зоветъ,“ думаетъ каждый изъ нихъ. Бабы, ничего не видя, даже ревѣли.

Староста прочитывалъ письмо и разъяснялъ, что на этотъ разъ баринъ совсѣмъ никого не требуетъ и не передавалъ имъ его распоряженіе—то мужики и бабы не знали какъ благодарить Господа Бога, что онъ отвелъ отъ нихъ тучу.

Житьевскіе крѣпостные дорожили своимъ теперенимъ бариномъ: они боялись, чтобы оиять не перейти имъ къ худому барину.

X.

Весна. Сигбъ сонцемъ съ полей. Земля оттаяла.

Таганька поправляеть въ полѣ огородъ. Съ котомкой за плечами подносить къ нему сѣдой старикъ.

— Богъ на помочь,—привѣтствовать старикъ.

— Спасибо,—отвѣчать Таганька.—Откуда тебя Богъ несетъ?

— Ходилъ вотъ помолится въ Соснинъ монастырь.

— Доброе дѣло. Иди попристаль?

— Да, есть немножко; идти-то больно водяно: мѣстами бредешь по колѣно въ водѣ, поги никогда не просыпаются.

— Сядь, посиди на этой лужайкѣ, хоть немного отдохнешь. Я вотъ сейчасъ догорожу, то пойдемъ ко мнѣ: я тебя покормлю, чѣмъ Богъ послалъ.

— Спасибо тебѣ.

— Далеко ли тебѣ, дѣдко, еще идти до дому-то?

— Близко къ двумъ стамъ верстамъ будетъ.

— Ого, еще добрую путину тебѣ надо сломать. Ты самъ-то крѣпостной?

— Крѣпостной, родимый, крѣпостной.

— Кто у тебя дома-то есть?

— Никого. Живу я въ келейкѣ, работать не могу — старъ стать, вѣдь мнѣ семьдесятъ годовъ съ пяткомъ стукнуло, легко это сказать. Хожу я больше по монастырямъ, да пробираюсь Христовымъ именемъ. Спасибо добрымъ людямъ: не оставляютъ меня, старика, не даютъ умереть съ голоду.

Да, — тяжело вздохнувъ, началъ старики, — жить я и не думалъ, что на старости лѣтъ мнѣ придется ходить съ сумой. Ничего вотъ не подѣлаешь — пришлось; на то видно воля божія. За грѣхъ, великий грѣхъ Онъ наказываетъ меня грѣшника. Пощусь вотъ по понедѣльникамъ, хожу по монастырямъ, замаливаю свой грѣхъ, и не знаю, могу ли его замолить.

— Какой же у тебя, дѣдко, такой великий грѣхъ?

— Вижу я, что ты мужикъ хороший, лишика не разболтаешь, что повѣдаешь тебѣ добрые люди, то я тебѣ про свою жизнь расскажу отъ начала и до конца. Только смотри, что я тебѣ скажу, про то ты никому не говори. Какъ Богу, такъ и тебѣ повѣдаю про свой великий грѣхъ.

— Что ты — я вѣдь крещеный; буду развѣ губить я доброго человѣка, который ужъ одной когой во гробъ смотритъ. Да, пожалуй, еще изъ-за лишнихъ-то словъ и

воловиты себѣ наживени.

— Ну, слушай, когда.

— Ладно.

„Прежній нашъ баринъ Николай Яковлевичъ, началь старикъ, дай ему, Богъ, царство небесное, да душа счасти, быть для нась баринъ добрый, не изобижалъ онъ крещеныхъ людей; владѣль онъ въ вашей мѣстности девятыю стами дунь, а въ другихъ губеніяхъ—что-то больно много, а сколько, я ужъ не могу тебѣ сказать, вратъ же не буду. Самъ онъ быть генераль, служилъ, получалъ жалованіе болыное, деньги ему сынались какъ горохъ, такъ что дѣвать ихъ ему было некуда.

Жилъ онъ больши въ Питерѣ. Наше имѣніе находилось отъ него далеко, совсѣмъ въ глупи, то онъ къ намъ никогда не ъзилъ, мы его знали только по слухамъ, что у нась есть баринъ Николай Яковлевичъ, которому надо приготовить иодати, шесть рублей—и дѣлу конецъ.

Самъ я жиль уже своимъ домкомъ, исправно, семья меня не осиливала, у меня были два парня да дочь, то никакой нужды за этимъ бариномъ я не видать.

Случись же грѣхъ такой: возьми баринъ, да и помри. Ребята онъ послѣ себя не оставилъ, и наследниками явились его племянники, которыхъ набралось что-то очень много.

Племянники подѣлили, порастащили его имѣніе, а часть просудили, имъ и досталось по малу. Съ умомъ бы имъ все-таки можно жить: люди и къ колышку прививаются, не только къ такимъ имѣніямъ, какія они получили. Племянники-то все уродились какіе-то „недужные.“ Они подумали, что имъ наследства не прожить, и стали жить роскошно, кутить напропалую, и

имѣнія свои скоро за безцѣнокъ поразмотали.

Нашу деревню и двѣ соседнія купила барыня Губина, выстроила при нашей деревнѣ усадьбу, и давай изъ насть выжимать соки.

Барыня только не могла вдругъ лишить насть жизни, а постепенно она сколько угодно могла изводить насть. И своимъ правомъ она пользовалась, что хуже не надо.

Каждый день изъ конюшни раздавался самый отчаянныи крики: то пороли нашего брата за каждый пустякъ. Барыня сама тутъ находилась и ровно дранье ее подмывало, какъ-будто она имъ наслаждалась. „Поддай еще жару! неистово кричала она, пусть знаютъ они, окаянные, каково послушаться свой барыни!“ Самую бы ее надо пороть, а не насть: совсѣмъ замучила насть она, проклятая, на работѣ. Да еще вдобавокъ дома-то тѣка худая была—хлѣбъ, вода да круинка—то мы едва вочили ноги.

Мой старій Гришка, быть бойкій парень. Какъ-то его барыня совсѣмъ напрасно выдрала. Гришка послѣ порки вскочилъ на ноги, да какъ ластъ барынѣ сторица со всего размаху и усердія затрецину по уху—она какъ снопъ покатилась!

Послѣ этого моего Гришку снова повалили: едва съ нимъ справились шесть мужиковъ—онъ быть дюжій парень. Сѣли на него четверо мужиковъ: двое на ноги, двое на плечи, и два мужика давай его хлестать. Всѣ тѣло его исполосовали. Какъ ни крѣпокъ быть мой Гришка, но изъ памяти его даже вышибло. Замертье его притянули домой. Я все думалъ, что мой Гришка отдать Богу душу; но ничего, Богъ помиловалъ—отлежался: больно ужъ онъ дюжъ быть, а другому бы ни за что не вынести такого мученія.

Барыня этимъ не довольствовалась: она сдала его въ солдаты и тамъ убили его на войнѣ.

Остался у меня помощникомъ хилый Минка, годовъ восемнадцати. Кое отъ худой пинци, кое отъ неспособной ему барской работы, мой парень стать все хирѣть и хирѣть, и наконецъ отдалъ онъ Богу душу.

Дѣвка же уменя стала на возрастѣ, она удалась у меня просто заглядѣніе. Всѣ парни на нее засматривались. Посватался за нея старый, некрасивый, рябой, но богатый женихъ изъ другой деревни, уже выкупившійся на волю и дать барынѣ за ея выкупъ триста пятьдесятъ рублей ассигнаціями—на наши деньги сто рублей... и мою дѣвку силой выдали за него замужъ. Но онъ недолго нарадовался ей: черезъ полгода она ему, сонному, голову отрубила и сама ушла по дальней дорожкѣ, откуда уже неѣть возврату.

Стали жить мы вдвоемъ со старухой. Работники мы оба плохіе, у двоихъ работа не спорится—и начала донимать насть нужда.

Барыня же совсѣмъ взбленилась, подъ старость стала еще хуже: должно быть она изъ ума совсѣмъ выжилась. Неѣть отъ нея житья да и только, хоть пользай совсѣмъ вѣтко; не даромъ пословица говоритъ: чортъ бѣгалъ по белу свѣту, да и тотъ удивился, что ни въ барскій ли дворъ онъ попалъ,—должно быть чортъ угадаль на усадьбу нашей барыни. Чортъ даже удивлялся нашему житью—то, значитъ, легко ли намъ было все это переносить?

Какъ-то мы вчетверомъ молотили овесь. Пришла барыня и начала насть ругать, что мы долго снимъ и лѣниво работаемъ. Между тѣмъ мы поднялись еще въ четвертомъ часу утра и, не покидая руки своихъ, бѣжимъ съ другимъ посадомъ. Такое ужъ горе всѣхъ насть

взяло: работай, работай на нее, а все ей еще неладно.

Ванька Глухой изладится... да какъ вмѣсто снона хлестнеть молотиломъ по барынѣ!... и давай мы ее молотить вчетверы руки.

Я сначала было не трогалъ ея, но какъ вспомнилъ своихъ ребятъ Гринику, Минику и дѣвку, какъ она ихъ загубила и лишила меня ребятъ, то и давай ее вмѣстѣ съ другими въ очередь молотить, приговаривая: Вотъ тебѣ за Гринику, вотъ тебѣ за Минику, вотъ тебѣ за дѣвку, вотъ и за себя!

Барыня подъ молотилами у насъ взмолилась, стала насъ просить отпустить душу на покаяніе, обѣщаюсь вѣмъ намъ дать вольную. „Ты намъ не давала понады, то и мы тебя не пожалѣемъ!“ кричалъ Ванька Глухой. Такъ барыню мы и добили.

Послѣ, когда ее доколотили, мы опамятались и стали жалѣть, что мы загубили христіанскую душу, но уже барыни не воротить, а надо своего дѣла конды хоронить. Стали мы судить да рядить, какъ дѣлу быть; совсѣмъ потеряли головы, не знаемъ къ чему и приступиться. Спасибо Ванькѣ Глухому: онъ началъ дѣло, да и надоумилъ насъ какъ его прикрыть.

„Вотъ что, ребята, сказалъ онъ: смотрите, у насъ уговорь такой, чтобы никому про это дѣло не заскателься. А чтобы не заподозрили, что это дѣло нашихъ рукъ, мы вотъ что сдѣляемъ: своей Саникѣ—его сестра, она ходила за барыней—я разекажу все, какъ дѣло было, и научу ее, чтобы она одѣвалась въ барынино платье и легла въ постель ея. Я поѣду за нопомъ. Благо нашего пона дома нѣту, то я стѣзжу за кузовлевскими нопомъ; хоть далеко за нимъ щехатъ, верстъ около сорока будетъ, но зато онъ нашей барыни не знать. Я скажу ему, что наша барыня при смерти, сво-

его иона нѣть, то она просить исповѣдать ее. Понь прѣдеть, исповѣдаеть нашу Сашку, а на другой день барыню склонить этотъ же понь. Теперь, пока мы барыню спрячемъ въ солому, ночью перенесемъ домой. утромъ ее приготовимъ, а на другой день и на погость: родныхъ у нея близко нѣть, то что ее долго квасить.”

Такъ мы и сдѣлали. Понь Сашку, сестру Глухого, исповѣдать, а черезъ день барыню похоронили, тѣмъ и дѣло кончилось.

Но все время, хотя уже прошло послѣ того сгинкомъ двадцать пять лѣтъ, мнѣ жаль загубленной христіанской души. Схоронивъ свою старуху, я вотъ все хожу по монастырямъ—замаливаю свой грѣхъ и не знаю, замолю ли его; а больно мнѣ не охота мучиться въ аду-то, въ вѣчномъ огнѣ жариться и не знать себѣ впереди никакого облегченія.

Вотъ выскажать тебѣ---и отъ души немногого поотлегло, а то все время грѣхъ камнемъ давиль душу и не давалъ мнѣ покоя въ теченіе столькихъ лѣтъ... Да и жить-то мнѣ осталось недолго—скоро однако помру: не два вѣка мнѣ жить; пожилъ, погрѣшилъ—и довольно. Дай мнѣ, Господи, только христіанскую кончину, да прости мои великия прегрешенія—не дай мнѣ и тамъ страдать.

— Богъ милостивъ,—утѣшилъ Таганька,—ты покаялся во грѣхѣ, Онъ тебя проститъ.

— Да, ужъ остается одна надежда на Его милосердіе. А то грѣшникъ я, великий грѣшникъ! На этомъ то свѣтѣ я мучился, да еще какъ и на томъ то еще придется страдать. Вѣдь говорятъ, что одинъ два вѣка царствуетъ—и на землѣ, и на небѣ, а другой—ни одного, такъ вся жизнь моя, здѣсь и тамъ, пройдетъ въ однихъ мученіяхъ.

— Не нужно отчаиваться—это большой грѣхъ,—успокаивая Таганька,—а нужно въ минуты трудныя призывать милосерднаго Бога: Онъ поможетъ пережить это тяжелое время и, видя наше искреннее раскаяніе, простить намъ во грѣхахъ.

Спаситель въ горѣ не отталкиваетъ насть, а съ любовью призываетъ къ себѣ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіяся и обремененніи и Азъ уснокою вы: возмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене. яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ: и обрящите покой душамъ вашимъ: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.“ Онъ не допускаетъ, чтобы согрѣшившій человѣкъ отъ отчаянія погибъ; а каждого призываетъ къ себѣ, чтобы онъ перемѣнился къ лучшему, исправить свои грѣхи и стать хоронимъ человѣкомъ. Вѣдь духъ только бодръ, а плоть немощна: но у насть по временамъ духъ спитъ, плоть же бодрствуетъ, почему мы и грѣшиимъ. А отъ грѣха же мы должны избавляться покаяніемъ, черезъ которое мы очищаемся и становимся другими, людьми. Безъ покаянія и надежды на спасеніе отъ мученій за грѣхи, все бы впали въ отчаяніе, и разъ согрѣнивъ, стали бы еще болѣе грѣшить, отчего бы произошло въ мірѣ великое зло; этого-то зла и нужно избѣгать и всеми мѣрами стараться, чтобы вездѣ было добро.

— И меня самого эта надежда, что Господь приходилъ на землю „взыскать и спасти погибшаго,“ утѣшилась: „Онъ Самъ, Который въ рукахъ своихъ содержитъ весь міръ и всѣмъ управляетъ, на землѣ испыталъ всѣ невзгоды, всѣ мученія, какія только испытываются человѣкъ—и голодъ, и оплѣваніе, и заувшеніе, и наконецъ, вмѣстѣ съ разбойниками быть распяты на крестѣ, гдѣ еще надѣя Нимъ насыщались,—то Онъ побѣритъ, каково на землѣ переносить людямъ несчастья

и разные невзгоды, и если мы будемъ Его просить, то поможеть намъ покаяться и загладить свои грѣхи.

— Мы вотъ этого не ионимаемъ: иногда въ несчастии ропщемъ на Бога, что иногда мы на землѣ такъ жестоко мучимся; роптать же на Бога великий грѣхъ. Надо Его всегда въ несчастии призывать, чтобы Онъ далъ намъ силы перенести безъ ропота это несчастье.

Мы, грѣшники, не всегда помнимъ Бога, иногда забываемъ его. Мы худо исполняемъ его заповѣди: лѣнивы ходить въ церковь, слушать слово Божіе; недѣлюто уработаешься, то иногда и не охота въ воскресеніе или въ праздникъ тащиться къ службѣ въ церковь за десять верстъ—хочется дома отдохнуть; вечеромъ и утромъ мало молимся Богу; хоть въ посты и постные дни не Ѵдимъ скоромнаго, но зато постной пищи наѣдимся такъ, что едва ныхтимъ, ссоримся съ другими, мало помогаемъ бѣднымъ, не посыпаемъ больныхъ, не утѣшаемъ несчастныхъ, не прощаемъ обиды другимъ, завидуемъ счастью ближняго... И много у насъ другихъ грѣховъ; надо побольше молиться, чтобы Господь простиль наши грѣхи.

— Молиться слѣдуетъ болѣе въ полночь,—говорилъ странникъ—тогда Спаситель умеръ за нась на крестѣ, почему и молитва болѣе доходитъ къ Богу; но рѣдко кто это исполняетъ... Охъ грѣхи наши тяжкіе! Мы сильно привязаны къ мірской жизни, и не заботимся о своей души. Что настоящая жизнъ? Переходящая. Въ писаніи сказано: „Человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цветъ селній, тако отцвѣтеть: яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаеть ктому мѣста своего.“ Прелести міра смущаютъ нась; всѣ мы хотимъ сладко Ѵсти, сладко пить, веселиться—тѣшить свое тѣло и убивать душу. Всѣ невзгоды жизни смущаютъ нась и мы въ жизни иногда приходимъ въ стечаніе, такъ что

хоть налагай на себя руки, что великий грѣхъ: жизнь дана Богомъ и Онъ одинъ воленъ въ ней.

Прежде, какъ старики всегда памятали о Богѣ, всегда призывали Его, то Онъ имъ и подавалъ и у нихъ было всего довольно, а нынче же, какъ люди стали малодушнѣе, всѣ обѣднѣли, унали духомъ и мячутся какъ овцы, неимущія пастыря, не зная за что и ухватиться. Богъ въ наказаніе послалъ на нихъ господь и єжесточилъ ихъ сердце—вотъ православные и бѣствуютъ.

До того помѣщиковъ-то было мало, вотчины у нихъ были большия, сами помѣщики служили, то въ деньгахъ они не нуждались, брали съ православныхъ по силамъ, такъ что имъ было легко жить.

Нынче помѣщиковъ расплодилось много; всѣ они пить и Ѣсти, да и то сладко хотятъ, а въ головѣ-то у иныхъ вѣтеръ ходить, поэтому многіе и Ѣдуть въ деревню на даровые хлѣба: у мужика, моль, шея крѣпка, прокормить барина и его семью. Прогонять-ли изъ училища какого-либо барскаго сынка до потолка ростомъ, куда его дѣвать? Дай ему деревню, двѣ, три, у него явится даровая дворня, скотина, постройка и даровой крестьянскій трудъ. Сиди, или лежи и, въ потолокъ поплевывай, да развѣ когда отъ скуки, сходи на конюшню посмотретьъ какъ мужику росписываютъ на спинѣ рѣки Россіи: тутъ найдется и Казанка, и Москва, и многоводная Волга и красавица Нева. Винъ, барину въ училище географія-то не далась, то онъ ее и разучивается на мужицкихъ спинахъ. Выгонять-ли кого со службы за пьянство, за лѣни, за худые поступки—вали въ деревню. Попадеть-ли забулдыга зять—дай дочери деревню, будетъ сыта. Однимъ словомъ, всѣ повалили въ деревню на даровые мужицкіе хлѣба.

Стонуть, мятутся бѣдные православные, имъя на себѣ такую обузу, армію нахлѣбниковъ, которые сидять на ихъ шеѣ, да еще плеткой погоняютъ; а они, несчастные, изо всей-то силы моченьки тащатъ ношу тяжелую, поть такъ съ нихъ градомъ и катится, даже высыпали свой языкъ отъ усталости и ироклиаютъ свою судьбинунику.

Не по силамъ стала православнымъ ноша тяжелая, озлобились ихъ сердца темныя, да не могутъ уразумѣть они какъ облегчиться имъ отъ ноши тяжелыя, и всю злобу свою льютъ на господъ своихъ, а тѣ въ наказанье—еще надбавляютъ къ ношѣ и безъ того уже тяжелой.

Возетоила еси матъ-сыра земля, возроптала Русь-матушка на житѣе бытѣе свое горе-горькое, что не стало житія православнымъ на свѣтѣ божиемъ.

Зашумѣла туча черная и понеслась она странной погодунікой, разрушить все хотѣла, неразумная, на вредъ всему и себѣ не на пользу.

Упали сердца у православныхъ—закрестились они набожно и взмолили Спаса милостиваго: пронеси Ты мимо погодунку, дай намъ часта-дождичка, чтобы напоить онъ землю-матушку, изсохшую отъ зноя и холода.

Туча идетъ, надвигается, божій свѣтъ закрываетъ отъ добрыхъ людей, блистаютъ часто молніи, разсѣкая тьму кромѣнную; стоять стоять и гулъ въ отдаленіи и замерло все живущее, ожидая себѣ погодунки... Что-то будетъ отъ нея, странная, не разрушила бы она все живущее!...

„Оеѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ нами божіе благословеніе на твой свободный трудъ,

залогъ домашняго благополучія и
блага общественнаго...“

Раздались слова Царя-Освободителя.... И туча
разсѣялась, полилась тихимъ, частымъ, мелкимъ до-
ждичкомъ, напоила землю-матушку, и возрадовалось
все живущее.

Н А В О Л Ъ

П О В Ъ С Т Ъ

Часть вторая.

I.

Какъ муравьи, мужики, бабы, ребята, девки, старики, старухи и малые ребятишки стекались 8 марта 1861 года къ своей Кузьминской приходской церкви.

Они уже слышали, что всѣхъ крѣпостныхъ выпускаютъ на волю, но это многимъ не вѣрилось: они даже не могли себѣ представить, чтобы они—вдругъ, стали свободны. Теперь, всѣ были въ ожиданій, что-то объявлять въ церкви?

„Неужели всѣ наши надежды на свободу останутся тщетными?“ думалось многимъ... „Охъ, Господи, не допусти этого, въ душѣ молились они, а дай Ты намъ волю.“

По дорогѣ идетъ Таганька, а съ нимъ дѣдъ Опухонецъ и разговариваютъ между собою:

— Вотъ мы, дѣдко, до чего съ тобой дожили,—сказалъ Таганька,—что мы стали свободны.

— Да правда ли это?—отвѣчалъ Опухонецъ.—Мнѣ такъ что-то не вѣрится.

— Ну, вотъ, чего не вѣришь? Всѣ толкуютъ. И отъ начальства было распоряженіе, чтобы сегодня десятскіе весь народъ сбирали въ церковь, гдѣ будетъ объявлена воля, помолиться за Батюшку-Царя.

— Даи, Богъ, чтобы это случилось: хоть я немножко пожить бы на волѣ,—ну, тогда бы спокойно и умеръ... Только, не обманываютъ ли насть: что-то миѣ все не вѣрится. Шуточное ли эти дѣло: наши старики были крѣостные, мы тоже, а тут—вдругъ, свободны. Это что-то ужъ болыно диковинно.

— Кому-то какая корысть обманывать насть, что мы теперь свободны. Какъ раньше этого не было, то про волю даже не давали никому никнуть: чуть кто заговорить про нее, то и влетала ему славная порка,—а теперь само начальство про то говорить, да и намъ не запрещаетъ.

Таганька и Опухонецъ подошли къ церкви. Колоколь звонко гудѣлъ, призывая всѣхъ къ обѣднѣ. При тихой погодѣ звукъ далеко разносился кругомъ. Солнечико выглядывало на ясномъ небѣ и пригрѣвало всѣхъ. Люди, давно невидавшіе солнечника, радовались ему, какъ дорогому гостю. Въ воздухѣ пахло весной, онъ былъ какой-то мягкий; при вдыханіи его чувствовалось въ груди пріятное онущеніе.

Въ церкви было много народа и въ нее все прибывали и прибывали богомольцы, такъ что въ началѣ обѣдни въ ней трудно было даже пошевелиться.

Всю обѣдню богомольцы съ нетерпѣніемъ ожидали, что-то имъ объявлять о волѣ. Вѣрилось и не вѣрилось имъ, что будетъ воля. Сердца ихъ учащенно бились. Всѣ набожно молились и просили Господа Бога, чтобы оправдались ихъ надежды.

Наконецъ, послѣ обѣдни вышелъ изъ алтаря священникъ. Въ церкви настала гробовая тишина—напряженіе всѣхъ дошло до постѣдней крайности.

Священникъ громко, ясно, не торопясь, объявилъ мірянамъ волю Царя-Свободителя.

„И теперь, сказать онъ, кончивъ чтеніе манифеста, възблагодаримъ Создателя за посланное намъ добро и помолимся за Батюнку-Царя.“

Въ церкви раздался дружный, громкій вздохъ, въ первый разъ въ жизни свободно вылившийся изъ грудей нѣсколькихъ тысячъ людей. Отъ избытка чувствъ, у бабъ, у старухъ, у старииковъ, у девоекъ ручьемъ потекли слезы, и даже у крѣпкихъ, здоровыхъ, закаленныхъ мужиковъ и ребягъ выступили изъ глазъ слезы умиленія и потекли по грубымъ чертамъ лицъ ихъ... и всѣ, ровно по мановенію руки, пали на колѣни, възблагодарили Создателя за посланное добро отъ души просили Его, чтобы Онъ излилъ всѣ милости на Батюнку-Царя, даровавшаго имъ свободу...

Поистинѣ—трогательна была картина!

Послѣ молебна мѣряне, оживленно между собою разговаривая, съ радостью возвратились домой.

II.

Постоянова могла жить своей усадьбой только тогда, когда на нее бесплатно работали крѣпостные; не стало даровыхъ работниковъ—немыслимо по найму существовать такой усадьбой.

Все это она хорошо взѣсила и рѣшила за лучшее—с совсѣмъ переселиться въ городъ. Болѣе же всего ее заставляло спѣнить къ отѣзду то, что многимъ крѣпостнымъ она насолила и теперь немало изъ нихъ на свободѣ будеть ей враговъ, которые, нестѣсняемые ничѣмъ, стануть ей мстить на каждомъ шагу.

Она все имѣніе стала отправлять въ городъ. Линиес тамъ продала; оставила для себя только необходимое.

Вотъ поданы ей самой съ семьей лошади, чтобы

выѣзжать изъ имѣнія, въ которомъ она провела всю свою жизнь и воспитала дѣтей.

Ей жаль было покидать свое родное гнѣздо и разставаться съ покойной, сытой жизнью. Сердце ея цемила какая-то тоска и какое-то темное предчувствіе, какъ она будетъ жить новой жизнью?

Она уѣзжала отъ своего собственнаго дому, саду, отъ полей, луговъ и лѣсовъ, съ которыми она какъ-будто сроднилась—они были близки ея сердцу.

Дочери навзрыдь плакали. Имъ было не только жаль дома, где они родились и выросли, сада, полей, луговъ и лѣсовъ, где онѣ большую часть года весело, безнечно проводили время, но даже и своихъ дворовыхъ людей, съ которыми больше всего имъ приходилось иметь общенія и отъ которыхъ онѣ видѣли въ жизни много и хорошаго.

На проводы барыни собрались всѣ ея бывшіе крѣпостные. Барыня вышла къ нимъ на крыльцо и сказала:

— Вотъ, я уѣзжаю. Теперь вы останитесь одни и будете жить по своему. Какъ ни какъ, а я въ душѣ считаю васъ своими людьми. Владѣя вами, я, можетъ быть, многимъ надосадила, а разстаться врагами съ вами—я не хочу. Въ чемъ я передъ кѣмъ была несправедлива, то прошу меня простить.

— Тебѣ ли, барыня, просить у насъ прощенія,—отвѣчали крѣпостные,—а намъ слѣдуетъ: и мы передъ тобой бывали виноваты, то ты насъ прости.

— Я ни на кого изъ васъ зла не оставляю и была бы очень рада, если бы и никто на меня не сердился.

Вамъ отведутъ надѣлы, десятины по шести на душу. Если вамъ будетъ недостаточно этой земли, обратитесь ко мнѣ, и я вамъ, какъ своимъ людямъ, свою зем-

лю незадорого уступлю. Деньги я вамъ разсрочу—понемногу вы ихъ мнѣ выплатите.

— Благодаримъ, барыня, на добромъ словѣ,—кланяясь въ поясъ, говорили мужики и бабы.—Не оставь ты насъ, если придетъ такая нужда.

— Ну, теперь съ Богомъ мы можемъ отправляться,—обратилась къ своимъ барыня.

Вся семья вошла въ домъ. По русскому обычаю всѣ сѣли, встали, помолились Богу и стали прощаться.

Барышни обнимали своихъ дворовыхъ дѣвушекъ, плакали ихъ и плакали.

Тѣмъ тоже было жалко барышень—онѣ видѣли отъ нихъ много и добра—и дѣвки, прощаюсь, ревѣли, за ними вторили бабы. Мужики съ сожалѣніемъ смотрѣли на отѣздъ барыни и ея семьи: имъ надо бы радоваться ихъ отѣзду, но они къ нимъ привыкли; имъ господѣ было жалко, ровно они теряли что-то для нихъ близкое; они вмѣстѣ съ барыней провожали свою прежнюю крѣпостную жизнь съ ея болѣи горькими воспоминаніями, а новой еще не вкусили и не знали какъ—родной ли матерью, или злой мачихой она будетъ имъ?

Вотъ барыня со своей семьей, сопровождаемая сотскимъ, тронулась.

— Процай барыня, прощайте, барышни-голубушки,—раздавалось имъ въ слѣдъ.—Не поминайте насъ лихомъ, Счастливаго вамъ пути.

— До свиданія,—отвѣчали тѣ.—Дай, Богъ, вамъ счастливо здѣсь жить,

— Ничего, братъ, теперь не то тебѣ будетъ, что здѣсь,—раздались злобныхъ два три голоса.—Помучила, поизѣзжалась надъ нами, побарствовала, а тамъ ужъ не придется такъ жить. Можетъ-быть, еще нужды, горя и всего схватишь... Лиходѣйка проклятая!

— Полно вамъ это говорить,—останавливали ихъ дру-
гіе: вѣдь грѣшино: Богъ велѣлъ намъ прощать обиды
своимъ врагамъ. Лучше ужъ разстаться по хорошему,
чтобы можно было встрѣтиться другъ съ другомъ. А что
было, то прошло—этого времени ужъ не воротить.

Всѣ по домамъ разошлись. Улица опустѣла.

Домъ барыни остался безъ всякаго присмотру на
испеченіе своихъ же крѣпостныхъ. Они съ имуществою
барыни распорядились по своему. Всѣ садъ безъ вся-
кой надобности на дрова вырубили, между тѣмъ какъ и
тѣсъ-то бытъ отъ нихъ всего въ какихъ-нибудь саже-
няхъ стахъ. Отъ всего сада уцѣлѣли только десятка два
березъ. Стекла въ домѣ повыбили. Кто пойдетъ мимо
дома, а особенно темною ночью, да вспомнитъ, какъ
его барыня драка, возьметъ камень или полѣно... и
пустить въ раму, такъ что не только стекла летѣли въ
мелкія дребезги, но даже перечни у рамъ перепибались:
это на рамахъ мужики выменѣали свою злобу, а другое
это дѣлали такъ, ради разнообразія. Что возможно изъ
дому перетаскали ётъ себѣ... и домъ барыни черезъ
нѣсколько лѣтъ стала представлять совсѣмъ запустѣв-
шій видъ: въ однихъ окнахъ не было стеколъ, въ дру-
гихъ рамахъ, тесь на крынѣ мѣстами съѣхалъ и оставилъ
послѣ себя зіяющія черныя дыры.

III.

Бывніе крѣпостные быстро освоились съ новымъ
своимъ положеніемъ. Они нонрежнему обрабатывали
землю, добывая изъ нея хлѣбъ, сами приготовляли се-
бѣ одежду, строили себѣ тѣ же дома, справляли преж-
ніе праздники, гдѣ варили пиво,—только произошла
перемѣна въ ихъ управлѣніи. Но, занимаясь хлѣбопа-
шествомъ, гдѣ приходится мало сталкиваться съ на-

чальствомъ, каждая деревня жила болѣе самостоятель-
ною жизнью, и до интересовъ волостного, земскаго
общественныхъ управлений, какъ находящихся въ на-
чалѣ развиція, у нихъ было совсѣмъ мало.

Мы прослѣдимъ жизнь деревни Китѣва, какъ не-
большой, гдѣ картина ся несложна, но она почти бу-
детъ картиной, хотя и не въ полномъ объемѣ, каждой
нашей деревни; такъ что, разсмотрѣвъ жизнь этой де-
ревни, начиная крѣпостнымъ правомъ и кончая настоя-
щимъ временемъ, можно судить о жизни каждой дерев-
ни, жители которой главнымъ образомъ занимаются
хлѣбопашествомъ.

Такъ какъ входить въ подробности жизни каждой
семьи—совсѣмъ не къ чему: жизнь одной крестьянской
семьи есть образчикъ другой, то мы просмотримъ толь-
ко жизнь семьи Таганьки, а въ связи съ него позна-
комимся и съ другими обитателями Китѣва, а попут-
но и Чернухина, какъ сосѣдней деревни.

Кромѣ Китѣва вблизи не было деревень, принад-
лежавшихъ ихъ барину, то деревня Китѣво и соста-
вила самостоятельное Китѣвское сельское общество.

На сельскомъ сходѣ, состоявшемъ изъ семьи до-
мохозяевъ этого общества, избрали изъ среды себя
сельского старосту Таганьку, какъ болѣе толковаго му-
жика, и десятидворного выборного присутствовать на
волостномъ сходѣ.

На волостномъ сходѣ, состоявшемъ изъ сельскихъ
старость, выборныхъ отъ десяти домовъ, избрали стар-
шину, къ нему кандидата, волостныхъ судей, сотскихъ,
а виослѣдствіи, лицъ для присутствованія на съездѣ,
уполномоченныхъ всего уѣзда для выбора изъ среды
себя земскихъ гласныхъ. Должность десятидворныхъ, какъ и
прежде, исправляли, по очереди каждый домохозяинъ

своей деревни.

Волостное правление получило название по имени ихъ церкви—Кузьминское. Помѣщеніе подъ него наняли въ верху крестьянскаго дома шесть оконъ по лицу, уплачивая за квартиру, отопленіе и за сторожа, которымъ было семь хозяинъ дома, сорокъ пять рублей въ годъ.

Сельскій староста служилъ бесплатно; его писарю давали семь рублей въ годъ; волостной старшина получалъ восемьдесятъ, а писарь девяносто шесть рублей въ годъ. Дороги исправляли натурой. Вотъ и все главные волостные и сельскіе расходы на мѣстное управление; а мелочныхъ же было совсѣмъ нечтѣ.

Каждому домохозяину отвели по числу ревизскихъ душъ надѣлы, каждый по шести десятинъ, гдѣ была пахотная земля, покосъ и лѣсъ. За каждый надѣль приходилось платить выкупныхъ платежей шесть рублей въ годъ, а другие волостные и земскіе расходы были очень незначительны—не существовало ни николь, ни лѣчебницъ, ни земскихъ станцій, стипендіатовъ и пенсіонеровъ и много другого, что нынѣ изъ года въ годъ расходуется и повышаетъ общую земскую сѣмьту, деньги на которую собираютъ болѣе съ тѣхъ же крестьянъ, то подать, платимая ими, была очень легка.

Между тѣмъ, пахотная земля хорошо родила хлѣбъ, недавно разчищенные луга давали много сѣна, строевой лѣсъ былъ за полями. И помѣщичьей землей, оставшейся за надѣломъ, мужики пользовались какъ своей, поэтому, панини, сѣнокосу и лѣсу у нихъ было довольно.

Поля, луга и лѣса тянулись тотчасъ же по за дворамъ и огородамъ. Деревни еще были небольшія; дома строили другъ возлѣ друга, почти безъ всякихъ разрывовъ; поэтому, сравнительно и порядочная дерев-

ня Чернухино, построенная крестомъ, занимала очень небольшое пространство, а про Житьево и говорить нечего: на саженяхъ пятидесяти были расположены по одному порядку вѣс ихъ семь домовъ. Такая скрученность построекъ угрожала деревнѣ опасностью въ пожарномъ отношеніи, но мужики берегли пахоту, да при небольшомъ растяженіи деревни, имъ ближе обрабатывать землю.

IV.

Другіе обитатели деревни Житьева были: Морозко—сосѣдъ Таганыки; его изба стояла на краю деревни; съ другого боку жиль Паунька, рядомъ съ нимъ старикъ Тима, далѣе Ваганъ, потомъ Ратникъ и на другомъ краю Криночка. Всѣ они, за исключеніемъ Тимы, были еще не старые и многосемейные.

Недолго спустя постѣ выхода изъ крѣпостного права, мужики собрались къ Таганыкѣ и толкуютъ насчетъ письма, только что полученнаго отъ барина, гдѣ онъ предлагаетъ имъ двѣсти пятьдесятъ десятинъ земли, находящейся въ отдельномъ планѣ.

— Надо, ребята, купить у барина землю-то,—говоривъ Таганыка,—вѣдь недорого онъ за нее просить: за пятнадцать десятинъ панини, за пятнадцать покосу и за двѣсти двадцать десятинъ строеваго лѣсу—всего-ка-всего двѣсти пятьдесятъ рублей; это выходить кругомъ рубль за десятину. Рубль денегъ не много, а десятина земли даетъ намъ добра не мало.

— Что намъ почуству платить и эти-то деньги,—сказать небольшого роста, сухощавый, съ черной, клиномъ, бородкой Морозко:—и безъ того-то мы всей этой землей пользуемся. Баринъ землю съ собой не утащить.

— Вѣстимо такъ,—ответилъ Таганыка,—что баринъ

земли съ собою не утащить, но вѣдь онъ можетъ другому землю-то продать, тогда мы съ однимъ надѣломъ не-далеко подвинемся. Мы-то еще ничего, а ребята наши безъ купленной-то земли сѣрымъ волкомъ завоютъ: семьи все будутъ прибывать и прибывать, а надѣлы-то вѣдь не-растянутся; какіе они есть, такими они и внередь останутся; вдобавокъ еще будутъ илоне, потому что лин-нее-то добро изъ нихъ мы повыведемъ. Какъ позапра-вимся земелькой-то, впередъ мы будемъ правики. Теперь же мы въ задатокъ барину внесемъ сто рублей, а они намъ по силамъ, остальной же долгъ исподвольно ему выплатимъ—онъ по годамъ разерочить намъ деньги.

— Это такъ-то такъ,—проговорилъ Тима,—но только чтобы намъ деньги-то понапрасну не заплатить-бы: все слухи носятся, что будто землю отъ насть отберутъ и нась въ прежнее положеніе введутъ.

— Ты, дѣдко, не всякому слуху вѣрь,—возразилъ Та-ганька:—мало ли что болтаютъ добрые люди и все за-правду принимать нельзя. Какъ мы купимъ землю-то, она и будетъ наша, мы хозяевами ея станемъ, а никто дру-гой; съ земелькой-то мы и сами славно проживемъ свой вѣкъ-то. Если мы ее купимъ, самимъ намъ земли хва-тить и нашиимъ ребятамъ довольно ее останется; они послѣ спасибо скажутъ намъ. Коли кому изъ насть при-дется дожить до старости, то, небось, ребята не покре-бнутъ его худымъ словомъ, а поблагодарятъ, что поза-ботился объ нихъ... Ну, какъ вы хотите, а я земли покупать стану. Если вы будете со мной несогласны, то я вышлю у барина себѣ уголокъ. Кто еще хочетъ въ наѣ со мной вступать?

— Да ужъ и я отъ тебя не прочь,—сказалъ Криничка, осадистый небольшой мужикъ съ широкой бородой.—У меня ребятъ болно много, то послѣ имъ всѣмъ, какъ заведутся они своимъ отдельнымъ домкомъ, одной на-

дѣльной землей не прожить. Но только дѣло вотъ въ чёмъ: деньгами-то много мнѣ не сбиться,—работникъ я одинъ, подмоги нѣту, а семья одолѣваетъ меня. Сами знаете: бьюсь, бьюсь съ утра до поздняго вечера и едва только могу прокормиться, и за то благодарю Бога, что своимъ пронималось.

— Смотри по деньгамъ, по своимъ силамъ, пусть каждый купить себѣ и пай,—посовѣтовалъ Таганька.—Если кому тяжело по душамъ покупать пай, то говори, кому сколько надо: на четверть ли, на полдунни ли, или болѣе, а остальную землю возьмутъ другіе.

— Мнѣ такъ по деньгамъ на полдунни будетъ,—заявилъ Криночка.

— Мнѣ тоже,—поддакнула Морозко.

— И мнѣ столько же,—присоединился Тима.

— Ну, братцы,—обратился Таганька,—вотъ Криночка, Морозко и Тима беруть на полторы дунни; четыремъ намъ остается пять съ половиной дунть, то какъ мы остальную-то раздѣлимъ?

— Мнѣ такъ на душу надо,—заявилъ Паунька.

— На остальныхъ троихъ у насъ приходится четыре съ половиной дунни, это выходить по полторы дуни на каждого. Согласны взять?

— Ладно, возьмемъ,—отвѣчали Ратникъ и Вагань.

— А я отъ васъ не отстану, возьму тоже на полторы дунни. Такимъ дѣлежомъ все ли довольны?

— Довольны,—сказали мужики.

— Смотрите, чтобы все мѣ было безъ обиды. Теперь лучшее толкомъ уговориться, а потомъ владѣть землей по согласию. Вѣдь правду говорятъ, что уговоръ лучше денегъ,

— Чего тутъ попусту толковать,—проговорилъ Криночка:—каждый береть по своимъ деньгамъ и сколько ему надобно. Ну, какъ, братцы, мы сейчасъ станемъ

покупать землю или немножко подождемъ?

— Медлить нечего,—замѣтилъ на это Таганька:—пока земля отъ насъ не ушла, надо прибрать ее къ своимъ рукамъ, тогда лучше, поспокойнѣе будетъ.

— Тянуть нечего,—согласились всѣ,—надо покупать.

— Теперь, братцы, сдѣлаемъ расчетъ,—сказалъ Таганька:—сколько съ каждого въ задатокъ денегъ надо собрать и сколько каждому придется доплачивать за землю.

Оно выходитъ, что барину придется уплатить въ задатокъ сто рублей, а ихъ нужно разложить на семь душъ, то мы вотъ наперво узнаемъ, сколько задатку ложится на душу.

По десяткѣ съ души, съ семи человѣкъ выходитъ семь красныхъ. Тамъ еще остается три красныхъ. Оно по пятишку не придется: тогда сберемъ тридцать пять рублей, а намъ надо всего тридцать. Значитъ, надо класти по четыре рубля, и у насъ получится двадцать восемь рублей. По красненькой, да по четыре рубля мы и сберемъ безъ пары сотенный. Теперь разложилъ на всѣхъ два рубля. По гривеннику съ души—семь гривенъ, да еще по гривеннику—семь гривенъ, то по двутривенному мы и сберемъ рубль сорокъ копѣекъ, еще у насъ остается шесть гривенъ, такъ что ужъ по гривеннику не придется. Положимъ по девятымъ копѣекъ: семь пятаковъ—тридцать пять копѣекъ, семь по четыре—двадцать восемь, всего мы и сберемъ шестьдесятъ три копѣйки. А сколько у насъ тамъ оставалось раздѣлить-то?

— Шестьдесятъ копѣекъ,—подсказали мужики.

— А тутъ шестьдесятъ три. По девятымъ платить—много, придется три копѣйки линнія... Ну, эти три копѣйки когда пойдутъ на расходы тому, кто пой-

деть къ барину покупать землю.

— Вотъ это добро — всѣмъ будетъ безъ обиды, — одобрили мужики.

— Такъ у насть съ душни и придется задатку четырнадцать рублей двадцать девять копѣекъ. Какъ разъ этосойдетъ съ Пауньки — онъ беретъ на одну душу. Теперь узнаемъ, сколько надо платить за полдуня. Мы красненькую расколемъ пополамъ, будеть пятишникъ, четыре пополамъ — два рубля, оно выходить семь рублей, — половина двугривенаго гриненникъ, половина девяти четыре, мало, надо класти по пятаку, а лишня опять на расходы.

— Ладно.

— Съ полдуня слѣдуетъ семь рублей съ пятнадцатымъ.

Такъ Таганька точно высчиталъ сколько приходится задатку съ полуторыхъ дунь.

— На сколько же лѣтъ мы станемъ просить барина разсрочить намъ остальныя деньги сто пятьдесятъ рублей? — спросилъ Таганька.

— Да ужъ надо просить хоть года на три, а самое меньшее года на два, — отвѣтили мужики.

— Братцы, надо кого-нибудь выбрать и послать къ барину, чтобы онъ о покупкѣ земли заключить съ нимъ условіе.

— Кого намъ выбрать какъ не тебя: ты будешь потолковѣе всѣхъ. Мы дадимъ тебѣ деньги и ты съ Богомъ иди и покупай землю.

— Ладно. Но чтобы не было послѣ какихъ пустыхъ разговоровъ, вы еще кого-нибудь пошлите со мной. Да вдвоемъ какъ-то лучшее дѣло дѣлать.

— Нусть когда Ратникъ идетъ съ тобой.

— Ну, теперь дѣло за деньгами, приносите ихъ комѣ и я тянуть не стану: какъ деньги все сберу, такъ и отправлюсь въ дорогу.

— Медлить нечего, иди съ Богомъ.

Нѣкоторые мужики денегъ не имѣли. Они продали: кто — корову, кто — жеребенка, кто — хлѣба и вручили деньги Таганькѣ.

Таганька обвернула ноги въ чистые бѣлые портнянки, обмотала ихъ веревочкой, надернула ланти, нарядился въ чистую холстинную поддевку, вскинулся на плечи котомку съ нирогами и сухарями, помолился передъ иконами Богу, и, провожаемый всей деревней, пошелся вмѣстѣ съ Ратникомъ въ городъ.

Баринъ охотно на три года разерочилъ мужикамъ оставшіяся деньги: онъ былъ очень доволенъ, что его землей будутъ владѣть его же бывшіе крѣпостные. На имя Таганьки онъ выдалъ запр杳ажное условіе.

Съ большой радостью Таганька и Ратникъ возвратились домой и подробно, не торопясь, рассказали своимъ, собравшимся со всей деревни, какъ они были у барина, какъ покупали землю, что видѣли и что слышали.

— Ну, слава Богу, — крестились мужики, — мы теперь съ земелькой. Если здоровы будемъ, то и сыты будемъ: земли не только намъ хватитъ, но еще вдоволь и наимѣ ребятамъ останется.

Въ купленной землѣ лѣсомъ и скотскимъ выгономъ сообща они стали пользоваться; пахотную и сѣнокосную землю по полосамъ раздѣлили; пашни и сѣнокосы досталось каждому не по одной полосѣ: земля была неодинаково вѣзѣ хорошина, то ее дѣлили такъ, чтобы каждому досталось часть хорошаго поля и покоса и часть худого, тогда пользованіе землей было равномѣрнѣе.

По запродажному условію мужики и владѣли землей: хотя деньги за землю они своевременно уплатили, но считали они лишнимъ расходовать деньги на совершение купчей крѣпости. Они надѣялись, что баринъ и Таганька никогда не обмануть ихъ. И дѣйствительно, ни тому ни другому даже на умъ не приходило злоупотребить довѣріемъ мужиковъ.

V.

Семья у Таганьки стала болышая. Всѣ сыновья были женаты, у нихъ пошли ребята, такъ что въ одной избѣ, хотя болышой, стало тѣсно.

Таганька, видя, что одной семьей жить не придется, надумалъ строить два новыхъ дома, чтобы отдатьль въ нихъ сыновей. Семь онъ и ребята рубили и привозили бревна, сами напилили тесу, сами срубили и поставили на краю деревни, къ Чернухину, двѣ болышия, срубленныя изъ толстыхъ бревенъ избы и сами сложили въ нихъ битыя изъ глины черныя печки-печарки; къ изbamъ приставили длинные дворы.

Когда дома были совсѣмъ готовы, Таганька сначала выдалъ замужъ дочь Машку въ деревню Чернухино за Онухонцова внука, давъ ей въ приданое болыше изъ холстины, косу, сернь и еще кое-что необходимое для бабыяго хозяйства; братъ приданое деньгами было не въ обычай, а кромѣ ведра вина и небольшихъ мелочныхъ расходовъ на рыбу треску, на изюмъ, на макъ, Таганька денегъ не держалъ, осталъное у него было свое, то свадьба не ввела его въ болышие расходы. Она, при его хорошемъ хозяйствѣ, прошла для него совсѣмъ незамѣтно.

Вскорѣ послѣ свадьбы дочери, Таганька отдалиль Виссарью. Онъ далъ ему надѣль земли, часть пашни,

покосу, купленной земли; лошадь со всей упряжью, двух коровъ и членка, необходимое для домашняго и полеваго хозяйства—соху, борону, косу, грабли и прочее, и, благословивъ сына иконой, пожелалъ ему счастливо жить своюимъ домкомъ.

Висарькъ, при такомъ отдѣлѣ, приставать къ хозяйству было легко. И вскорѣ жизнь его потекла обычнымъ крестьянскимъ путемъ.

Позаправившись хозяйствомъ, Таганька черезъ два года отдалъ и Стенку, наградивъ его такъ же, какъ и Висарку.

На старинѣ остались: старій Тишкѣ и младшій Глѣбко. Жизнь ихъ мирно потекла.

Весною, утромъ, еще до солнышка поднялся Таганька. Онъ умылся холодной водой, помолился Богу и разбудилъ ребята на работу.

Сегодня оять съ Тишкой выѣзжалъ пахать яровое. Таганька запрягъ въ соху Воронка, а Тишкѣ Карка и поѣхали въ поле.

Воздухъ вѣялъ прохладой. Таганька глубоко вдыхалъ его своею широкою грудью. Ему чувствовалось отрадно, здоровая сила такъ и ходила во всѣхъ его членахъ.

Таганька подѣхалъ къ полосѣ, состоявшией изъ восьми загоновъ—грядъ, а Тишкѣ отправился пахать другую полосу.

Таганька помолился на востокъ, вынуль соху изъ вѣлоковъ, поставилъ Воронка въ борозду, и, понукая его: „Но, но, бороздкой!“ началъ пахать свою кормилицу землю-матуїку.

Сытый, крѣпкій Воронко, натягиваясь, ровно поинель по бороздѣ. Мѣстами соха стала ковыляться и дергать руки. Замѣтивъ это, Таганька взялъ топорь, вложенный въ соху, по клинчикамъ покотилилъ,—и соха плавно

иопила по землѣ, такъ что Таганька только придерживалъ ее за рога и направлять ее, если гдѣ попадался каменюкъ.

Воронко весело набрякивалъ уздечкой; старая жнива подъ сохой журчала.

Выдернувъ соху и неся ее на рукахъ, Таганька, завернувъ лошадь, поставилъ ее въ другую борозду и вспахать еще пласть. Такъ онъ работалъ подъ рядъ два часа, не зная никакой одышки и не чувствуя болѣй усталости.

Онъ замѣтилъ, что Воронко стало уставать.

„Надо дать ему вздохнуть,“ подумалъ Таганька, и остановилъ лошадь на концѣ полосы, а самъ усѣлся на лужайку.

„Экую благодать Господь крещенымъ посыпаетъ,“ взглянувъ на небо и на поле, сказъя Таганька.

Солнчино ужъ поднялось на ясномъ голубомъ небѣ и ласково обогрѣвало Таганьку. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ; каждое, кружившееся настѣкомое, ясно въ немъ выдѣлялось.

Жнива золотисто отливалась на солнцѣ, надъ ней жаворонки то подымались кверху, то опускались книзу, быстро махая крыльшками, заливались звонкото и єснею. Изъ еловаго и березоваго лѣса, окружавшаго поле, доносилось пѣніе, пѣбетаніе птичекъ и куканіе кукушки.

Мужики съ сохами разѣзжали по полю, покрививая на своихъ лошадокъ. Изъ трубы избрь высокимъ столбомъ поднимался дымъ, что предвѣщало хорошую погоду.

Часовъ въ семь Таганька кончилъ пахать; на водолѣ онъ поставилъ соху, впередъ отпустилъ Воронка и самъ пошелъ за нимъ.

Воронко подошелъ къ воротамъ хлѣва и остановился. Таганька распирягъ его, даль сму сѣна, а самъ

пошель завтракать. Онъ похлебалъ холодныхъ мясныхъ щей, молока, и, напоивъ лошадь, опять поѣхалъ пахать.

Около полудня всѣ собрались обѣдать. Старуха Таганьки постлала бѣлую скатерть, положила на столъ большія деревянныя ложки, глиняную солонку, ножикъ и огромный коровай хлѣба. Всѣ стали садится за столъ. Каждый передъ обѣдомъ крестился передъ иконами и говорилъ: „Благослови, Господи и Матерь Божія.“

Таганька помѣстился на краю стола, отъ дверей, рядомъ съ нимъ внучата, а даѣще большіе; старуха сѣла на край придинутой лавки: ей ближе ходить къ печкѣ и удобнѣе подавать на столъ.

Таганька большими ломтями нарѣзала хлѣба и каждому подавать по ломтию, попробовать поставленная на столъ мясная съ капустой горячія щи, посолить ихъ. Всѣ стали хлебать. Каждый изъ обѣдавшихъ, обладая хорошимъ здоровьемъ и исполненія на воздухѣ полезную физическую работу, гдѣ сильно является потребность въ пищѣ, для возстановленія силъ на тяжелую работу, щѣль щи съ пріятнымъ аппетитомъ. Цей скоро не стало. Старуха насыла еще блюдо щей и поставила предъ Таганькой деревянную съ мясомъ тарелку. Мясо было мягкое, сильно упрѣлое. Таганька взяла два ножа, мясо намедко искрошила и высыпала въ блюдо. И это блюдо щей вмигъ опростали. Старуха подала глиняную плошку съ жареной картошкой, сильно пропитанной коровьимъ масломъ. Послѣ картошки выхлебали чашку прясного, свѣжаго молока, и стали выходить изъ-за стола. Каждый крестился и говорилъ: „Сыть, слава Богу.“

Послѣ обѣда всѣ отправились по своимъ работамъ.

Таганька съ внучкомъ Олешкой поѣхалъ засѣвать поле. Передъ поѣздомъ онъ помолися Богу, чтобы Тотъ

носить ему урожай, носыпать изъ мѣшка въ лукошко овса, надѣль черезъ плечо на полотенцѣ лукошко и сталь овесь разбрасывать по загону.

Босой Олешка, лѣтъ девяти, съ непокрытой головой, безъ пояса, бодро сидѣть на Воронкѣ, держась за поводъ узды обѣими руками, то и дѣло, дергая поводомъ, покрикивалъ на Воронка, который, чувствуя на себѣ слабого Ѣздока, шелъ себѣ вволю. На заворотѣ борона перевернулась вверхъ зубьями.

— Дѣдушко, у меня борона перекувыркнулась,—крикнула Олешка,—ты ее изладь!

— Ты близко около бороны заворачиваешь Воронка,—поправляя борону, объясняла Таганька,—поэтому она у тебя и перекувыркивается. Нужно заворачиваться подальше отъ бороны, такъ чтобы веревка была всегда натянута и валекъ бытъ на вѣсу,—тогда борона и станетъ исподвольно поворачиваться.

— Ладно, дѣдушко, я впередъ такъ и буду,—сказать Олешка,—и тотчасъ же замызгать на своего Воронка, ностегивая его концемъ повода.

Таганька засѣяла всю полосу и, пока Олешка забораниваетъ овесь, сѣль на межу отдохнуть. Онъ бодрый, здоровымъ себя чувствовалъ и съ любовью глядѣть на жизнь.

„Да, славно живется на свѣтѣ божіемъ, думалъ онъ. При божіей помощи я тихо, покойно прожилъ свой вѣкъ. Всѣмъ-то я доволенъ и ничего лучшаго отъ жизни даже я себѣ не желаю... Добръ, крѣпко добръ для меня былъ Господь. Всю жизнь свою я вотъ прожилъ здоровымъ, даже шутя не баливалъ. Въ семье у меня большой неурядицы не случалось: семейники меня слушаются, почитаютъ какъ отца, какъ хозяина хорошаго дома, где нѣть ни въ чёмъ нужды. Пожилъ я до-

вольно—воть шестьдесят лѣтъ стукнуло, а во всякой работе я еще не уступаю ребятамъ... И умереть, пожалуй, можно—надо и другимъ мѣсто дать. Ребята у меня уже все на ногахъ, все устроены: не только сами могутъ кормиться, но даже, если будуть съ умомъ жить да не лѣниться, то со своими семьями нужды не зазнаютъ и безъ меня... Но вѣдь я Ѳмъ свой хлѣбъ, добытый своими трудами, да и умирать бы еще ровно не охота: больно хорошо здѣсь, а тамъ-то еще какъ придется. Ну, какъ въ рай попадешь—то хорошо, а какъ въ адъ угадаешь, то не возрадуешься: не легко будетъ вѣчно въ адѣ мучиться, въ огнѣ жариться. Вѣдь о будущемъ-то, о спасеній души мы мало думаемъ и много мы грѣхимъ... Обѣ одномъ прошу я Господа: пошли мнѣ христіанскую кончину, чтобы покаяться во грѣхахъ и умереть, потому что смерти никому не изѣжать.”

Часовъ около четырехъ наужнали, а въ девятомъ часу ужинали. Послѣ ужина Таганька нарядилъ каждому работу на завтрашній день. Все спать улеглись на посты, на сараѣ, на сѣно. Вскорѣ въ домѣ настала тишина; только изрѣдка слышалось со двора блеяніе овецъ, фырканіе лошадей да жеваніе ими сѣна.

Недѣли черезъ три, въ воскресенье Таганька сходилъ въ церкви, прослушивъ тамъ заутреню и обѣдию, возвратился домой, пообѣдалъ и пошелъ смотрѣть яровое поле.

Зеленая щетинка уже покрыла полосы. Овесъ, ячмень и пшеница взошли очень ровно, перо было очень сильное. Оставшись доволенъ выходомъ, Таганька перебрался въ озимое поле: зима была уже съ четверть вышины, густая и вороная.

„Если Господь станетъ послать благодать, я бу-

ду съ хлѣбомъ, подумалъ Таганька. Сходить-ко еще посмотреть, какова въ лугахъ подымается трава.“

Луга покрылись зеленымъ ковромъ. На нихъ уже подымались на высокихъ ножкахъ желты цветы, издавая изъ себя приятный запахъ.

„И травка засѣла густая, остался доволенъ Таганька. Дождичекъ станеть помачивать, да постоитъ тепло, то у крещеныхъ, по милости Бога, хлѣба и сѣна наростиеть довольно; годъ-то бни и будуть правики.“

Осенью Таганька много въ амбаръ насыпалъ хлѣба и полные сѣновала набить сѣна—живи теперь спокойно до слѣдующаго лѣта.

VII.

Не такъ хорошо сложилась послѣ крѣпостного права жизнь крестьянъ деревни Чернухина. Виной же этому были сами крестьяне.

Постояниова предлагала имъ купить всю свою землю, десятинъ восемьсотъ, по два рубля за десятину, въ задатокъ просила четыреста рублей, а остальная деньги разсравивала на пять лѣтъ.

Чернухинцы собирались на сходь. Нѣкоторымъ хотѣлось купить землю, да у нихъ денегъ не было, а большая же часть гадѣла то, что деньги на покупку земли тратить попусту; если связаться съ покупкой, надо розорять хозяйство, мотать за безцѣнокъ коровъ и хлѣбъ; землей же они и такъ пользуются, а ее никто съ собой въ карманѣ не утащить. И большинство порѣшило земли не покупать, а меньшинство и поневолѣ должно было съ ними согласиться: барыня продавала всю землю—вся имъ была не по силамъ, а части изъ нея она не уступала.

Барынѣ послали извѣстье; ейъ больно прискорбно пришлось выслушивать его: свою собственную землю ейъ отъ души было жалко продавать въ чужія руки; она знала, что, впослѣдствіи, крестьянамъ, своимъ бывшимъ людямъ, эта земля понадобится, и они тогда хватятся, да будетъ поздно.

Она еще разъ предложила имъ землю, предупреждая ихъ, что если они не купятъ у нея землю, то она вынуждена продать ее въ чужія руки, такъ какъ теперь ей самой деньги очень необходимы; но крестьяне и въ усъ себѣ не дули, думая, что у барыни землю никто не купитъ. Они жили себѣ мирно, покойно, владѣя безвозмездно барской землей и не чуя надѣй собой никакой бѣды, которая висѣла ужъ надѣй ихъ головами.

Такое упорство крестьянъ въ покупкѣ своей кормилицы-земли, главнымъ образомъ можно приписать ихъ невѣжеству и сильной темнотѣ: они не могли хоть немного заглянуть впередъ и понять, что земля подъ пашней, сѣнокосомъ и лѣсомъ остается одна и та же, что народоселеніе съ каждымъ годомъ прибываетъ,—следовательно и земля должна дробиться все на меньшіе и меньшіе участки, что землевладѣніе со временемъ, при ихъ первобытной обработкѣ, гдѣ земля, истощаясь, приносить урожай все хуже и хуже и трава растетъ плоше и плоше, должно стѣсниться,—поэтому каждый будетъ цѣнить землю, такъ какъ впослѣдствіи въ ней долженъ ощущаться недостатокъ; а земля есть единственная его кормилица; кромѣ того, крестьяне еще не могли привыкнуть къ волѣ и къ тому, что они стали собственниками земли: имъ все это представлялось какъ во снѣ и думалось, что землю отъ нихъ отберутъ, тѣмъ болѣе, находились злые люди, которые изъ-за какихъ-то интересовъ имъ толковали, что крестьяне напрасно приобрѣтаютъ землю, только попусту

разоряются: имъ крѣпостного права не миновать. Ну, темные крестьяне, живя совсѣмъ особнякомъ, кругомъ въ лѣсу, не выѣзжая далѣе своей мѣстности, не имѣли возможности посовѣтоваться съ добрымъ человѣкомъ, всякому слуху вѣрили,—и за свою темноту жестоко платились. Имъ самимъ еще не такъ тяжело было жить, какъ тяжело пришлось имъ дѣятъ расплачиваться за ошибки отцовъ.

Въ лѣтнее воскресеніе чернухинцы сидѣли среди деревни и мирно вели между собою бесѣду. На одной лошадкѣ, съ колокольчикомъ въ деревню вѣхалъ мужичекъ.

— Богъ на привалѣ,—поздоровался онъ съ чернухинцами.

. — Спасибо,—отвѣчали тѣ.

— Который изъ васъ староста?—спросилъ прѣѣзжий.

— Я,—отозвался плотный мужикъ и подонецъ къ прѣѣзжему.—Тебѣ на что меня?

— У вашей барыни, Постоянновой, я купилъ всю за-нацѣльную землю,—объяснялъ прѣѣзжій,—и получить уже купчую крѣпость; а я слышать, что этой землей пользуются ваши мужики—то ты сбери сходъ и объяви всѣмъ имъ, чтобы они моей землей не владѣли, лѣсу моего не трогали, иначе я буду жаловаться начальству, и мужиковъ за самоуправство, если они станутъ самовольно владѣть моей землей, начальство въ тюрьмѣ заморить.

— Какъ-такъ?—удивился староста, даже отъ испугу глаза выпаранить и руки опустить.—Развѣ она и вѣрно продала?

— Не вѣриши, такъ посмотри купчую крѣпость, или спрашивай у самой барыни,—сказалъ прѣѣзжій, и самъ ст-

правился далѣе.

Мужики, услыхавъ эту вѣсть, просто остолбенѣли; у нихъ отнялся языкъ и руки полѣзли въ затылокъ. Они долго молчали.

— Нельзя ли, братцы, намъ это дѣло поправить,— обратился дѣдъ Опухонецъ.

— Какъ поправишь?—сказалъ староста. Было время, барыня наваливала землю—не хотѣли взять, а теперь и хватились; но сейчасъ, близокъ локоть, да его не укусинешь.

— Можетъ-быть, попросить барыню—она купчую крѣпость передѣлаетъ и на насть,—съ слабой надеждой сказалъ одинъ изъ мужиковъ:—ея барская воля, что она хочетъ, то съ землей и дѣлаетъ.

— Ну, братъ, это ужъ дудки,—возразилъ староста:—разъ она купчую крѣпость на землю сдѣлала, она и сама этой землѣ ужъ не госпожа, а господинъ тотъ, кто ее купилъ. И теперь онъ согнетъ настъ въ бараній рогъ.

Мужики повѣсили свои головы и долго думали крѣпкую думу, какъ бы землю къ себѣ перевести; но придумать ничего не могли, и печальные розошлились по домамъ.

Виновникъ же ихъ горя, Степанъ Никоновичъ Гладинъ, вышелъ изъ тарантаса и шелъ по дорогѣ, пролегавшей черезъ купленные имъ поля, луга и лѣса. Еловый и сосновый строевой лѣсъ извивался къ небу; смотря на него, Гладинъ даже придерживалъ картузъ, чтобы онъ не свалился съ головы.

Гладинъ былъ простой мужикъ, небольшого роста, плотный, имѣлъ каріе-лукавые глаза и высокій лобъ; волосы подстрижены въ скобку. По всему выраженію лица и манерамъ, онъ былъ мужикъ со смекалкой. И

свою смекалку онъ не замедлилъ пустить въ дѣло на купленной у Постоянновой землѣ.

При деревнѣ Чернухинѣ Гладинъ выстроилъ не очень большой домъ, при немъ обширный хлѣвъ, открыль винную, мелочную, а, впослѣдствіи, краснымъ товаромъ лавку, завель не одну лошадь, нѣсколько коровъ, призвалъ Великимъ постомъ чернухинскихъ мужиковъ и сказать имъ:

— Ну, какъ, братцы, вы хотите: всю ли пахотную и сѣнокосную землю, купленную мною, отъ васъ отобрать, или вамъ часть оставить?

— Коли милость твоя будеъ, Степанъ Никаноровичъ, то, для Бога, намъ ее уступи,—отвѣтилъ староста.

— Отчего не уступить, я вамъ уступлю.

— Вотъ тебѣ и спасибо на этомъ,—кланяясь въ поясъ, благодарили староста, за нимъ мужики,—а то скотиной позавелись, надѣялись кормить ее сѣномъ съ пожней барыни—и не тутъ-то было; если покосовъ не дашь, придется половину скотины продавать.

— Какъ не дать, дамъ; но какъ вамъ, братцы, любѣ взять мою землю: будете ли вы платить аренду деньгами,—я возьму съ васъ за половину пашни и покосу сто пятьдесят рублей въ годъ, или, мы раздѣлимъ землю пополамъ, и вы, за пользованіе моей землей, будете обрабатывать мою половину пашни и покосу, такъ что ваше дѣло на моей землѣ будетъ: крѣпить огорода, пахать, боронить, засѣвать землю моими сѣменами, возить навозъ, косить, убирать сено и хлѣбъ, молотить, однимъ словомъ, такъ, чтобы я отъ васъ получить со своей земли сено и хлѣбное зерно?

— Гдѣ ужъ намъ подняться деньгами,—отвѣчали мужики.—Мы ужъ лучше между своимъ дѣломъ и твою

работу исправимъ.

— Но только, братцы,—смотрите—уговорь лучше денегъ: вы мою работу обязаны исправлять тогда, когда я въась позову. Когда вы мнѣ понадобитесь на по-левую работу, вы не должны отговариваться недосугомъ, а обязаны тотчасъ же, какъ я вамъ прикажу, отирав-ляться на мою работу.

— Что ужъ дѣлать,—тяжело вздохнувъ, сказали мужики,—станемъ во время тебѣ работать, когда тебѣ надоцно.

— Всѣ ли согласны?

— Всѣ согласны.

— Ну, вѣтъ и ладно когда. Станемъ жить миркомъ да ладкомъ—безъ всякой ссоры: моей землицы-то и мнѣ и вамъ хватить.

— На такомъ подрядѣ, Степанъ Никоноровичъ, тебѣ слѣдуетъ угостить насъ,—нерѣшительно заговорили мужики.—Не будетъ ли вашей милости дать намъ сколь-ко нибудь водки?

— Такъ и быть: для будущей дружбы съ вами, ребята, я вамъ даю цѣлое ведро. Пейте на здоровье.

— Вотъ и спасибо тебѣ, Степанъ Никоноровичъ,—отъ души благодарили мужики.

И вскорѣ щумъ и галдѣніе пьяныхъ мужиковъ по-шелъ не только по всей деревнѣ, но далеко разносил-ся по лѣсу, где пьяное эхо вторило имъ. Мужики гром-ко разговаривали, ссорились между собою, стараясь не-рекричать другъ друга и едва дѣло у нихъ не дошло до яраки, да болѣе трезвые разстаскивали драчуновъ, а пьяныхъ мужиковъ бабы протащали домой. Въ деревнѣ уже поздною ночью наступила полная тишина.

Мужики и стали около четверти лѣтняго труда употреблять на работу Степану Никоноровичу даже, за

трудъ свой не получая отъ него содержанія.

Число домохозяевъ въ Чернухинѣ все прибывало и прибывало; лѣтъ черезъ тридцать послѣ крѣпостного права деревня разрослась болѣе чмъ вдвое: въ ней стало слишкомъ пятнадцать домовъ. Не мало пашни было занято новыми домами, дворами, амбарами, огородами, длинными гумениками; въ панинѣ сталь онущаться сильный недостатокъ.

Жители деревни едва съ грѣхомъ пополамъ кормились добытымъ самими хлѣбомъ, и думать о продажѣ его было нечего: половинѣ многосемейныхъ съ Пасхи приходилось покупать хлѣбъ, а въ неурожайные годы даже съ Рождества; у некоторыхъ на семью восемь человѣкъ сростало при среднемъ урожаѣ только пудовъ двадцать пять ржи; оставивъ ржи на сѣмена, далеко не надасись съ этимъ хлѣбомъ.

Болѣе трудолюбивые крестьяне распахивали поляны—болѣе удобныя для пашни мѣста, находившіяся далеко отъ деревни, иногда версты за три и за четыре, такъ какъ вблизи, сразу за полемъ, было большою частью низкое, сырое мѣсто, негодное для пашни.

При обработкѣ этихъ полянъ труда выпадало иному вдвое или втрое болѣе, чмъ въ полѣ размѣромъ такого же мѣста: каждый разъ нужно бѣхать на пашню, на боронку, на посѣять, идти на жниву вмѣсто какой нибудь четверти версты, версты двѣ, три, четыре; или, при возкѣ назыму или при уборкѣ хлѣба въ поле сѣвѣдить каждый раза три, тогда какъ въ это время до поляны приходится тащиться взадъ и впередъ только одинъ разъ.

Сами мужики, хотя въ общемъ были и здоровые, но какіе-то неторопливые; болѣе ужъ медленно они съ работой исправлялись, къ тому же и лошади у многихъ были плохія, такія же тихія какъ ихъ и хозяева; при

паникѣ, боронкѣ, возкѣ возвѣ падались ноги за ногу, а за ними ихъ хозяева. Возы сноповъ, сѣна, дровъ накладывали небольшіе. Сѣно возили на узкихъ длинныхъ дровняхъ безъ отводней; возы клали небольшіе—пудовъ по десяти, а много по пятнадцати. Сѣно иногда приходилось возить верстъ за десять и болѣе, то съ десятыю пудами каждый и пичкался цѣлый день.

Бѣдняки приписывали это тому, что ихъ лошади большого воза не увезти, а всѣ крестьяне—что у нихъ снѣга глубокіе, дороги узкія, по бокамъ сугробы снѣга, лѣсь не дасть протащить большихъ широкихъ возовъ: онъ стоитъ по бокамъ, у самой дороги. На самомъ же дѣлѣ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ съ осени можно перевозить много сѣна и большими возами: дороги къ пожнямъ есть очень широкія, возъ клади хоть шире, да тогда и снѣгъ не мѣшаетъ; но всего больше мѣшаетъ русская безопасность: не охота обо всемъ позаботиться во время. Между тѣмъ какъ у нѣкоторыхъ есть лошади довольно порядочныя, могли бы увезти пудовъ тридцать, а на нее положать сѣна пудовъ двѣнадцать, или, пять, шесть чурокъ дровъ и везутъ нѣсколько верстъ, гдѣ безполезно тратить одно время. Инымъ же сѣно сложить некуда—нѣтъ подъ него помѣщенія.

Все лѣтнее время чернухинцы пичкались со своей и Гладина работой; у многихъ, особенно осенью и зимою, свободного времени были достаточно, а въ нѣкоторыхъ семьяхъ были даже излишніе работники, но у нихъ время безнолезно пропадало: никто не хотѣлъ заняться побочнымъ заработкомъ. Между тѣмъ, во всей волости не было ни своего портного, ни своего сапожника, ни своего катальщика; все это дѣлать у нихъ пришлый народъ и уносить отъ нихъ деньги.

Даже и свое-то полевое хозяйство нѣкоторыми правились не толкомъ: на своихъ клячахъ кое-какъ взборо-
з-

дять землю, хорошо не заборонять ея, назьму повозять мало, набросаютъ въ землю плохихъ сѣмянъ... и конечно, при такой обработкѣ нечего ждать хорошаго урожая хлѣба. Если бы и тщательно-то воздѣлать землю, труда пошло бы немногимъ болѣе, а урожай получился бы несравненно лучше.

Покосы плохо прибавлялись; только человѣкъ и есть исправныхъ хозяевъ заботились о нихъ и приводили въ порядокъ свои пожни, расчищая ихъ отъ лѣсу и кустарнику, а у остальныхъ заростали и старые-то покосы: пѣкоторые при косьбѣ кругомъ обойдутъ тоненькую годовалую или двухгодовалую ольху, осину или иву, не скосятъ, или съ корнемъ не вырубятъ ея; впослѣдствіи же, они разростаются, занимаются на покосахъ много мѣста, къ расчисткѣ становятся уже упорными. Хозлева посмотрять на кусты, на деревца—имъ и самимъ они не нравятся, все сбираются покосы почистить, но никакъ не могутъ собраться. Хотя и времени на это хватило бы достаточно, но бычное у насъ „завтра“ или, „еще поспѣется,“ портить все дѣло: чистка покосовъ все откладывается и откладывается, а они все зарастаютъ и зарастаютъ.

Въ зимнее время мужики, наготовивъ дома корму, отправлялись въ лѣса, на заготовку лѣса.

Сначала они рубили бревна изъ своего лѣсу и продавали ихъ на мѣстѣ, или внизъ по рѣкѣ весною гоняли ихъ на ярмарку. Когда же толстые бревна у нихъ повывелись, то они на вывозку стали поражаться къ лѣсопромышленникамъ, владѣвшимъ огромными лучшими въ ихъ мѣстности, за исключенiemъ казны и удѣла, дачами; плату они получали по числу доставленныхъ на свалку, утраиваемую на берегу рѣки, бревень. Мужики съ лошадью, на свое мѣсто содержаніе зарабатывали, смотря по работнику и по силѣ лошади, отъ пя-

ти девяти копѣекъ и до одного рубля въ день.

Деньги у нихъ или на подати. Волостные расходы у нихъ увеличивались: имъ приходилось строить обширные дома подъ правленіе и училища, содержать церковный причтъ, давать на отопленіе, на освѣщеніе, на сторожей церкви, двухъ училищъ, правленія и фельдшерскаго пункта; не мало ило на жалованіе старининѣ, волостному писарю, получавшему по двѣсти рублей въ годѣ, и также на содержаніе причта, сельскихъ старость и волостныхъ судей, служившихъ ранѣе безвозмездно; кроме того, еще было не мало кой-какихъ сельскихъ и волостныхъ расходовъ; земскіе расходы въ теченіе тридцати лѣтъ возросли втрое. Особенно обременительнѣй было для крестьянъ наборъ рекрутовъ: они съ среды себя отдавали на военную службу лучшихъ работниковъ и кроме того, еще имъ приходилось посыпать имъ деньги, такъ какъ они тамъ сильно нуждались и просили у родныхъ помощи.

Народъ сталъ гибрасывать холстину и носить болѣе ситцевыя рубашки, суконные и казинетовые пиджаки и штаны; зажиточные много денегъ расходовали и на это. Если къ этому причесть акцизы на водку и на купленный товаръ: чай, сахаръ, табакъ, снички и проч. и промысловой налогъ, то расходы крестьянъ возросли до большихъ размѣровъ.

Некоторые имѣли по двѣ, даже по одной коровѣ, даравшихъ и съ новотелу-то въ сутки фунтовъ по семи, восьми. Первое гремя поетъ крѣпостного права, хотя жили тоже плохо—въ прежнихъ грязныхъ избушкахъ съ узкими окнами и черными печками и ходили въ грязной, холстинной одеждѣ, но, имѣя молоко, масло, сметану, творогъ, хоть быди сами и ихъ ребята сыты. Появились маслодѣльные заводы—и отняли у мужиковъ и ихъ дѣтей послѣдній питательный продуктъ—молоко

и оставили имъ одну обрату, которой бы мѣсто поить скотину, а не портить людей, да чай, полоскавшій у мужиковъ брюхо.

Деньги за молоко забирались товаромъ: чаемъ, сахаромъ, табакомъ, спичками, кислой мукой, душной треской... однимъ словомъ, мѣна для здоровья крестьянина была не очень благопріятна.

Съ виду крестьяне стали жить какъ-будто лучше, а ѿсти стали куда-какъ хуже, отчего у нихъ скоро и появилась пословица: „Носить шелкъ, а на брюхѣ—шелкъ.“ Бѣдняки же не вылезали изъ холстинной грязной одежды, жалко влача свою жизнь и нѣ зная какъ бы выбиться на настоящую дорогу.

VII.

Въ осенний темный вечеръ въ избѣ Таганьки ярко горѣла, потрескивая, воткнутая въ свѣтлицѣ луцина. Около свѣтлицы сидѣть самъ Таганька. Онъ сильно постарѣлъ: посивѣлъ, оплесшивѣлъ, ноосунулся, плохо видѣлъ; силы ужъ ему измѣнили, но въ легкой работѣ онъ еще подсоблялъ своему Тишкѣ,—Глѣбко ужъ отѣллся. Да и постарѣть Таганькѣ не диво: ему ужъ стукнуло семьдесятъ лѣтъ. Но другую сторону свѣтлицы сидѣть совсѣмъ дряхлый его сосѣдъ, сгорбившійся Тима.

Старики вели бесѣду о привидѣніяхъ—домовыхъ, лѣпихъ, водяныхъ и другихъ, а ихъ слушали, раскрывъ ротъ и отъ страха пожимаясь другъ къ другу, маленькие замаранные внучата Таганьки. Взрослые ушли смотрѣть посидѣнку.

— Да, живеть въ домѣ кормильчикъ—это вѣрно,— говорилъ Таганька.—Онъ любить скотину и болѣе третя около нея; но не всякая и скотина ему понутру. Ну, коли которую онъ не гзлюбить, то нѣть ей отъ

него житья: сядеть онъ на лошадь, да всю ночь ее и гоняеть; утромъ придень—она вся въ пѣнѣ; стоять, да дрожить; а коровы, телята, овцы не пьютъ, не Ѵдятъ, бродятъ ровно сонныя; продавай ихъ скорѣе, а не то живо изведутся. Ну, коли и полюбить кормильчикъ скотину—ей добро: онъ ее ласкаеть, лошади гриву въ косички заплетаетъ, скотина вся добрѣТЬ, шерсть у нея такъ и лоснится, ровно человѣкъ ее щеткой вычистилъ. Вотъ у насть по двору черныя коровы, а красныхъ лучше не заводи: хоть ты ихъ закорми, никакъ онѣ не порѣютъ, бока у нихъ провалились, ноги едва таскаютъ, сами онѣ одна кожа да кости; дѣлать нечего, пришлось держать все черныхъ—и скотина хоть куда.

— Говорять, что кормильчикъ передъ бѣдой все причитаетъ,—сказать Тима.—Вонъ, на Баранихѣ передъ пожаромъ онъ недѣли двѣ причиталъ въ подпольѣ Макаренка. „Не передъ добромъ кормильчикъ причитается,“ говорили всѣ. И правда: вся деревня сгорѣла до тла. И передъ нокойникомъ онъ всегда плачетъ какъ малый ребенокъ.

Разъ меня кормильчикъ и напугалъ, что я долго даже опомниться не могъ. Когда я быТЬ еще маленькимъ, то какъ-то я темною позднею ночью съ братицкой бѣжалъ съ посидѣнки; бѣжимъ это мы мимо избы нашего сосѣда... и вдругъ, видимъ: мохнатая рукавица въ оконикѣ подполья расцеперила пальцы и машетъ намъ. Мы со всѣхъ ногъ пустились домой и долго тряслись тамъ, какъ осиновый листъ.

— Меня такъ онъ дунилъ. Лѣтомъ я спать на сараѣ. Лежу. Вдругъ кто-то навалился на меня, да и давить что есть мочи. Хочу я кричать, но не только кричать, даже вздохнуть не могу, и думаю: „Вотъ ужъ со всѣмъ смерть пришла.“—Со страху я давай

процатъ съ бѣлымъ свѣтомъ, молитвы читать и призывать Николу Милосливаго. Должно-быть нехорошій его испугался—отъ меня отступилъ. Я вскочилъ съ постели—и не помню какъ, очутился въ избѣ. Свои видѣть во мнѣ большую перемѣну, испугались, спрашиваютъ, что со мной случилось, а я даже слова выговорить не могу—зубъ на зубъ не сходится. Потомъ ничего—поотошло; имъ все разсказать, а Николѣ Милосливому свѣчку поставилъ и молебень отслужилъ.

Ну и инутить надъ собой кормильчикъ не любить. Мой дѣдъ разсказывалъ, что на посидѣнкѣ одинъ парень хотѣлъ напугать ребята и дѣвокъ, и забрался въ подполье... Какъ кормильчикъ вскочитъ парню на плечи, да и давай парня давить,—тотъ нерядомъ заревѣлъ подъ нимъ. Народъ весь всполошился—и къ нему; а парень лежитъ—и пѣна у роту. Едва его откачали. Въ другой разъ небось не вздумаетъ пугать честной народъ.

— А меня такъ больно напугалъ покойникъ,—при одномъ воспоминаніи даже дрожь прохватывала Тиму.—Токо мимо нашей деревни провозили покойника и остановились ночевать вокуратъна противъ нашего дома. Легъ я спать на сараѣ—больше тамъ никого не было. Лежу, ворочаюсь съ боку на бокъ, заснуть не могу: хоть матушку рѣпку ной, а покойникъ не идетъ съ ума,—въ глазахъ такъ и мерещится гробъ съ нимъ. Вдругъ, слышу, что кто-то съ назыムъ идетъ по лѣстницѣ и стучитъ. У меня даже волосы поднялись дыбомъ... Какъ вскочилъ я, да встрѣлилъ въ избу—тамъ едва опамятовался.

Вонъ, домовой, говорять, сильно шатѣль въ деревнѣ Сидорковѣ у Мохова. Ни съ того, ни съ сего вдругъ, братецъ ты мой, полетѣли съ вышки на поветь полѣнья, камни, глина. Хозяева удивились, стали

искать тамъ; но никого тамъ не нашли. Мало этого, давай въ избѣ шалѣть: съ печки горпиками, кринками, камепиками такъ и жарить.

Хозяева сначала ужъ болѣно испугались домового; хотѣ выходи изъ дому—нѣтъ отъ него житья; но покидать дому имъ не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что у нихъ другого не было, а новой заводить не на что; да и домовой людямъ большого вреда не дѣлалъ: онъ все „годилъ“ мимо, а въ нихъ не попадалъ; должно быть онъ ихъ только пугалъ.

Какъ-то у Мохова остановился прохожій и расположился у него спать. Стало темнать... и вдругъ, братецъ ты мой, какъ шарахнетъ съ печки кринка съ тѣстомъ! Кринка—вдребезги, а тѣсто россыпалось по полу. Прохожій вскочилъ. „Что это такое?“—едва отъ страха онъ могъ выговорить. „Это домовой у насъ немножко попаливаетъ,“ объяснилъ хозяинъ. Прохожій схватилъ свои пожитки въ охабку—да и былъ таковъ.

Однажды много народа собралось смотрѣть домового. Это тому не полюбилось, онъ сталъ болѣно злиться: бросать чѣмъ попало, стучать, шумѣлъ и, видя что это не пронимаетъ, съ горя даже расплывался. Ребята, дураки, надъ нимъ давай смеяться: „Ты бы, говорятъ они, завель бы себѣ опорки, а то ноги себѣ смозолишь.“ Взяли узду и ловили его. Домовой совсѣмъ озлился и началъ фурять ужъ камнями. А ребята ему: „Чѣмъ бы бросать камнями-то, ты бы лучше бросиль бы намъ мѣшокъ серебра: мы бы купили водки, да за твоё здоровье выпили бы.“ Хорошо что домовой надъ ними ничего не сдѣлать, а то узнали бы они каково смеяться надъ нимъ.

Этого домового хозяева всячески выживали: и знахарей-то приводили, и молебны-то угодникамъ служили—ни что его не беретъ. Такъ ничего бы съ нимъ и не

подѣлать, да онъ самъ надоумилъ ихъ поставить во всѣ дверные косяки христовскія свѣчки,—и отстунился. Съ тѣхъ порь въ домѣ стало тихо.

Знаешь ли ты, какъ насть напугало въ лѣсу? Замѣтъ ты: вѣдь не одного, а цѣлую артель.

Такъ, человѣкъ насть шесть возвращались съ выгонки лѣса и остановились ночевать въ истопкѣ, стоявшей кругомъ въ лѣсу; къ ней вела одна только тропинка. Тамъ, вотъ какъ и сейчасъ, сидимъ да отъ нечего дѣлать и рассказываемъ про домовыхъ да лѣшихъ.... Вдругъ, какъ—ни съ того, ни съ сего да затычка изъ за трубы хлѣсъ на поль!... Мы какъ вскочимъ всѣ на ноги!... Со страху даже котомки перепутали; кто какую ужъ на себя „напялилъ“—некогда тутъ было разбирать—и пустились, не оглядываясь назадъ, бѣжать... И что же, ты думаешь, онъ съ нами едѣлъ?

— Вотъ ужъ совсѣмъ не знаю что.

— Да и не узнать ни за что, если тебѣ про это не сказать: всѣ котомки онъ съ насть поснимать, и я не понимаю, на что онъ ему понадобились.

— Однако и оказія у васъ случилась,—удивился Таганька.

— Да какая еще оказья-то, что рѣдко такая бываетъ.

— Я тоже въ лѣсу пугивался,—началъ Таганька.—Иду это лѣсомъ осеннею темною глухою ночью... Вдругъ, какъ закричить нехорошимъ голосомъ: „Фу-у-у. Ники-та-тита, я подъ кустомъ сижу. Фу-у-у.“ У меня по кожѣ даже мурашки забѣгали: я сразу смекнулся, что это лѣшний кричить, и стала про себя читать молитвы. Онъ еталь кричать все тише, тише, а потомъ совсѣмъ заглохъ.

И скотину иной разъ лѣшний поставить въ кругъ:

какъ она ни ходить, а не можетъ изъ него выйтти. Ищень, ищень скотину—ея и сѣдѣть иронатъ; а только стоять съ иконой^{*} обоити поскотину—сразу скотина откликается, и найденъ ее.

— Не только скотину, но и людей онъ заводить въ кругъ.

— И это бываетъ,—подтвердилъ Таганька.—Особен-но лѣтній любить проклятыхъ ребятъ. Чуть если мать проклянетъ своего ребенка, онъ непремѣнно его къ себѣ утащить.

— Не такъ я боюсь лѣтнаго какъ водяного. Попадись ему въ когти, если снуситься въ воду безъ молитвы и креста, онъ не только тебя утопить, но даже задушитъ. Вотъ, я видѣлъ утонченика, то у него все тѣло въ синякахъ: это его водянай такъ въ водѣ давили.

— Да и не приведи Богъ съ нехорошимъ знаться; надо дѣлать все съ крестомъ и молитвою, тогда врагъ не подступится.

— И находятся же дураки,—говорилъ Тима:—идеть токо страшный вихорь, а они еще его дразнятъ: „взы, взы,“ или же свистятъ, а онъ того пуще еще злится. Долго ли тутъ до грѣха: онъ такихъ бѣдъ натворить, что оносля ихъ не расхлебаешь.

— Ты слыхалъ, какое было ускотье въ деревнѣ Тимошинской!—спросилъ Таганька.

— Какъ не слыхать—слыхалъ; баяли, что ни день, то и валилась тамъ скотина. Чуть было вся не перевелась.

— Да и перевелась бы, какъ бы одному богобоязенному старику не явилось бы видѣніе: сидить на берегу, пруда баба; а у самой ноги коровы. Онъ разоказать обѣ этомъ сосѣдямъ, и все такъ и рѣшили, что это ко-

ровья смерть. Стали служить молебны великомученицѣ Параскевѣ Пятницѣ—и скотина перестала валиться. Съ тѣхъ поръ вотъ въ этой деревнѣ празднуютъ Девятую пятницу—на девятый недѣли послѣ Пасхи—и такого болыпого ускотя ужъ болѣе у нихъ въ деревнѣ не случалось.

— Вотъ я дивлюсь тому, что пѣкоторые настухи много знаютъ: передъ выпускомъ скотины въ поскотину иной скажетъ заговоръ—и у него ни одна корова въ кругъ не зайдетъ; звѣрь ее не тронеть и болѣзнь не постыдитъ. Бывають же ча свѣтѣ мудреные люди. Диво только: откуда они такой мудрости нахватаются? Вонъ, если на свадѣбѣ дружка мало знать, токо находятся колдуны, которые весь поѣздъ обращаютъ въ стаю сѣрыхъ волковъ, а тѣ и губятъ наизу скотину; или, колдунъ возьметъ, да жениха или невѣсту испортить. Съ ума и скидывается ихъ. На Сосновкѣ и теперь есть порченная баба. Стоить въ церкви за сбѣдней—все ничего, а какъ запоютъ „Иже херувимы.“—закричитъ, упадетъ, сама забьется—и пѣна у роту. Херувимскую проноютъ—стихнетъ. Замѣть ты: это съ ней случается каждую службу... Диво, да и только.

— Всѣ колдуны свою такую мудрость получаютъ не отъ Бога, а отъ дьявола,—замѣтилъ Таганька.—Они продадутъ дьяволу свою душу, ну, отъ него въ награду получаютъ силу дѣлать на землѣ, что они хотятъ, а душу свою губятъ—придется ей горѣть въ вѣчномъ огнѣ.

У тебя, Тима, отецъ слылъ за колдуна; много народу ходило къ нему и онъ много зналъ: умѣть дѣвокъ, ребятъ привораживать, ни одна свадѣба безъ него не обходилась—вездѣ онъ былъ дружкой. И когда онъ бытъ въ поѣзду, никто не смѣлъ подступиться, чтобы испортить молодыхъ. Ты не знаешь ли какие заговоры онъ зналъ?

— Какъ не знать: онъ мнѣ много заговоровъ по-

въдаль и многому научилъ, но этимъ дѣломъ я самъ заниматься не сталъ—побоялся губить свою душу. Словъ не говоря, сначала, послѣ смерти отца и ко мнѣ народъ ходилъ, денегъ, муки, масла, яицъ подавали, но я не бралъ и всѣмъ говорилъ, что я ничего не знаю: мнѣ отецъ ничего не сказасть.

— Скажи мнѣ какой нибудь заговоръ?

— Хочешь я тебѣ скажу заговоръ „для господъ.“ Идя къ начальству, только скажи этотъ заговоръ, оно для тебя будетъ милостиво, и что ты захочешь, все для тебя сдѣлаетъ.

— Ну, скажи.

— Слушай.

— Ладно.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насть. Помолюся я, рабъ божій,—и. р.—Господу Иисусу Христу и животворящему кресту и матушкѣ Пресвятой Богородицѣ, святымъ ангеламъ и архангеламъ, херувимамъ и серафимамъ, первоверховнымъ апостоламъ Петру и Павлу и всѣмъ святымъ, Николаю Чудотворцу, безсребренникамъ Козьмѣ и Даміану, Кири и Іоанну, мученикамъ и пророкамъ и всѣмъ святымъ о вспоможеніи мнѣ, рабу божью—и. р.—Какъ рада заря свѣту и свѣтъ солнцу, такъ бы и мнѣ, рабу божью—и. р.—воздадовались и возвеселились цари и царицы, князья, бояре—и. р.—судьи и вельможи, и воеводы, и всякихъ чиновъ люди, чиновники и всѣ православные христіане.

И какъ мать увидитъ отлученного дитя, возрадуется и возвеселится и такъ бы мнѣ, рабу божью—и. р.—воздадовались цари и царицы, князья и бояре—и. р.—судьи, вельможи, воеводы и всякихъ чиновъ люди и

чиновники и все православные христіане, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

И какъ идутъ въ божью церковь цари и царицы, князья и бояре, Николай, Василій, Катерина и Михайло, судьи, вельможи, воеводы и всякихъ чиновъ люди и чиновники и все православные христіане, не думаютъ не зла, не лиха, не думаютъ на ликъ божій, на иконы святыхъ, такъ же бы на меня, раба божья—и. р.—не думали бы не зла, не лиха, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

Какъ возрадуется матушка Пресвятая Богородица, святый ангелъ хранитель и архангелы, херувимы и серафимы, первоверховные апостолы, мученики и пророки и все святые Господни Воскресенію Христову, Пасхѣ, Христовому дню, такъ бы на меня, раба божья—и. р.—возрадовались и возвеселились цари и царицы, князья и княгини, бояре и судьи, вельможи и воеводы и всяхъ чиновъ люди, чиновники, и все православные христіане, возрадуются и возвеселятся, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

И какъ на вольномъ свѣтѣ святые отцы, мученики и пророки усть не отворяли, рукъ не поднимали, такъ бы на меня, раба божья—и. р.—цари и царицы, князья и бояре, Николай, Василій, Катерина и Михайло, судьи, вельможи, воеводы, всякихъ чиновъ люди и чиновники и все православные христіане усть не отворяли и рукъ не поднимали, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.“

Вотъ, этотъ и весь заговоръ. Я тебѣ еще скажу заговоръ на рыбную ловлю. Слушай.

„Какъ въ велигодневные утренники и обѣдни собираются и освѣжаются пономари и трапезники, дѣячки и дѣяконы, попы и протопоны, архиреи и архимандриты, князья,

бояре и преодолимая власти, такъ бы ко мнѣ, рабу божью—и. р.—сбирались, сбѣжались всѣ божьи рыбы, безотмѣнно, безотворотно въ мою ловлю, вовѣки вѣковъ. Аминь.

— Однако толково они выдуманы,—похвалилъ Таганька.

— Дураку ужъ ничего и начинать ихъ выдумать... А ты слыхалъ, какъ ловили разбойника колдуна Анику?

— Слыхать-то слыхалъ, да что-то худо помню. Ты рассказалъ, какъ дѣло было, а я послушаю.

— Около села Марьина появился Аника разбойникъ, и никому-то онъ не давалъ пощады: воровалъ, грабилъ, поджигалъ и людей убивалъ какъ скотину. Всѣ боялись его. Куда ни придетъ, все, что онъ ни попроситъ, до слова ему отдавали и отъ начальства его хоронили, чтобы онъ какого зла кому не сдѣлалъ: для него, лихого человѣка и село спалить ровно ничего не стоитъ.

Наконецъ, отъ Аники крещенымъ не стало совсѣмъ житья. Они говорились всѣ вмѣстѣ, подкараулили его въ сѣновалѣ, когда онъ спалъ, и давай его хлестать чѣмъ попало: кто полѣномъ, кто стягомъ. „Быть,“ бывать его—а ему ничего не „диетсѧ,“ кажется на немъ не осталось ни одного живаго мѣстечка, а онъ все шевелится. „Православные, ужъ самъ онъ взмолился, принесите деревянную изъ подъ тельги ось, да и хлещите ею по мнѣ—тогда убьете, а то напрасно сами бьетесь, да и меня мучите: вамъ меня не убить.“ Пошли въ деревню, взяли „ногрунѣ“ ось, такъ что она близко къ двумъ пудамъ будеть, да такою-то осью и стегнули колдуна по бандѣ—у него и духъ вонъ. Подрезали ему подъ

колѣнамъ жила, чтобы онъ не ложиться, стащили его къ каменной бабѣ и похоронили около нея.

— Что это такая за каменная баба? — спросилъ Таганька.

— Эту бабу я и самъ видѣлъ — нарочно ходилъ ее смотрѣть. Лежитъ въ полянѣ большишій, иrebbeльшишій камень, и похожъ онъ на бабу.

— Отчего онъ тутъ очутился?

— Была одна баба и любила она въ праздники работать. И вотъ разъ въ воскресеніе понила она жать; только дошла до этой поляны — и обратилась въ камень. И по дѣломъ ей: не работай впередъ въ праздники.

Долго же у тебя я закалялся — мнѣ домой пора идти. Прощай. Счастливо тебѣ оставаться.

— А тебѣ счастливо идти. Ты ночью одинъ не боишься идти? — спросилъ Таганька, видя, что Тима въ нерѣшительности переминается съ ноги на ногу.

— Пожалуй. Что-то послѣ такихъ разказовъ „жутко“ становится.

— Такъ ты немножко „помани“ — скоро придетъ Тинка, то онъ тебя проводитъ.

— Ладно.

Немного погодя, Тима, въ сорцовожденіи Тинки, поплелся домой.

VIII.

Семья у Таганки стала опять большая. У Тинки было шестеро ребятъ: три сына и три дочери. Две старшія дочери вышли замужъ и уже завелись ребятами, а младшая Катюшка была невѣста — восемнадцати лѣтъ. Старшій сынъ, Олешка, уже женился и имѣлъ сына и двухъ дѣвокъ, средній, Егорко, былъ двадцати лѣтъ, на будущій годъ подлежалъ призыву, третьяму

Ванька пошелъ девятнадцатый годъ. Олешка при призывѣ зачисленъ бытъ въ ратники ополченія первого разряда и уже отбылъ онъ въ городъ оба мѣсячные сбора.

На такую семью, на круглый годъ едва только хватало хлѣба, а въ неурожайные же даже съ весны приходилось покупать. Сѣнокосу, при раздѣлѣ его на четверыхъ, стало мало; новыхъ расчистили немного,—такъ какъ осталная ихъ земля, находившаяся подъ лѣсомъ, была песчана, неудобна для сѣнокосу. Хотя и были гдѣ-индѣ мѣстечка, которыя бы можно изладить подъ сѣнокосъ, но они находились далеко отъ деревни, сильно заросли лѣсомъ, поэтому при расчисткѣ требовали много работы; много нужно ставить кругомъ ихъ огороду, чтобы охранять ихъ отъ скота, да и мѣстечка были высокія; ну, первые года послѣ расчистки трава поросла бы хорошая, а потомъ бы она переродилась и стала бы на ней рости одинъ упругій, хотя и съѣдѣбный, бѣлоусъ, котораго даже коса днемъ не возьметъ; а главное, владѣніе землей у всѣхъ было общее,—сообща производить росчистку покосовъ мужикамъ ни за что не собраться, а одному работать—нѣть расчету: сосѣди могутъ покосъ, какъ устроенный на общей землѣ, отобрать и раздѣлить между собою,

При всей своей аккуратности, Тинка, теперь уже за дряхлостью отца управлявшій всѣмъ домомъ, съ трудомъ прокармливавъ двухъ лошадей, трехъ коровъ, двухъ теленковъ и шести овецъ. Коровы, какъ и прежде, были малорослые, молока давали пустяки—оно кругомъ расходилось для пропитанія своей семьи.

Каждый день вся семья пила чай; самъ Тинка и сынъ Олешка курили, то и дѣло покупали табакъ, спички, бумагу; одѣваться стали, особенно въ праздничное время, во все покупное: дѣвки и бабы носили ситцевые

и кумачные сарафаны и платья, суконныя и казинетовыя кофты и шубы, а на головахъ ситцевые платки и шерстяные большия шали; а мужики, ребята—ситцевыя и кумачныя рубахи, суконныя и казинетовыя пиджаки, штаны, поддевки и шубы; обувь, противъ прежняго, вдвое дороже стояла, такъ что, прокормить обуть, одѣть такую семью, а особенно двухъ жениховъ парней и дочь не вѣсту—что нибудь да стоитъ.

Дѣвки уже стали забрасывать свои сарафаны, которые такъ красиво облегали ихъ полные станы и подражали горожанамъ: отдавали портнихамъ шить кофты, которая крайне неуклюже сидѣли на нихъ, и надѣвали зимою, такъ поверхъ шалей и платковъ, шляпки.

Еще въ будни одѣвались скромно—встрѣтишь на мужикахъ домотканныя холстинныя рубахи, порты и куртки двухшовки, и на женщинахъ своего издѣлія бѣлыя рубахи и шерстяныя коровы юбки, а въ праздники, особенно подгородняя молодежь, ходили нарядно.

Въ образѣ жизни крестьянъ не произошло большої перемѣны: главными источниками жизни являлись хлѣбъ и лѣсъ, добыча которыхъ велась способами, установленными ихъ дѣдами и прадѣдами. Многіе жили также грязно; у нѣкоторыхъ въ новыхъ домахъ стали появляться бѣлыя печки—съ трубой, и окна, похожія на городскія но только небольшия, съ аршинъ вышины и въ домахъ у нихъ стало почище. Такъ какъ дома были обширные, а лѣсъ за послѣднее время сильно вздорожалъ, дома же отъ нагревающей для скотины воды сильно прѣли и скоро ихъ приходилось перестраивать, то нѣкоторые къ домамъ пристраивали небольшия низень-кія избушки зимовки и жили въ нихъ зимою, а на лѣто переходили въ большия дома, гдѣ у иныхъ даже соблюдалась довольно хорошая чистота.

Среди деревни стоять белый, съ черной извивающейся кругомъ его полосой, столбъ; къ нему приколочена доска съ надписью: „Деревня Житьево. 23 дома 124 жителя.“

Молодежь же, выросшая за время послѣ крѣпостного права, отличалась сильною самостоятельностью въ своей жизни.

Какъ только ребята начинали ходить, они со своими братишками и сестренками все весенное, лѣтнее и осенне время бѣгали по деревнѣ, по полямъ, лугамъ и лѣсамъ. Взрослые были заняты работой—имъ не до ребятинекъ: они даже рады, что ребята бѣгаютъ на волѣ, хеть дома не мѣшаютъ. Да въ лѣтнее время отцы и матери находились въ подѣ, на сѣнокосѣ, а своихъ дѣдушекъ и бабушекъ ребята не больно боялись: въ случаѣ, если они нападутъ, то убѣгали отъ нихъ; а старики поворчать на нихъ и тѣмъ дѣло кончалось.

Лѣтъ съ восьми дѣвочки начинали ирясти, плести кружева и косынки, подсобляли матерямъ въ обрядахъ, а ребята лѣтъ съ десяти ужъ брали въ руки топоръ и помогали въ работѣ своимъ отцамъ: рубили дрова, драли коры и бересту, боронили, косили и грѣбли.

Многіе изъ ребятинекъ и совсѣмъ мало изъ дѣвочекъ, учились на дому отъ проходящаго учителя немнога писать и почитывать, порядочно ихъ учились и кончило земское училище, находившееся отъ Житьевы въ четырехъ деревахъ и существовавшее уже лѣтъ десять.

Въ училищѣ ребята познакомились съ Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ; и хотя въ очень краткомъ содержаніи, съ русской исторіей, географіей, физикой, зоологіей, ботаникой, минералогіей, научились письменно излагать свои мысли и решать задачи на какія угодно простыя и именованныя числа.

Кругозоръ кончившихъ земское училище, какъ ни кратки были сообщенные имъ свѣдѣнія, былъ гораздо обширнѣе чѣмъ у неграмотныхъ, да и сами они были развитѣе своихъ сверстниковъ. Въ рукахъ же кончившихъ земское училище было средство къ дальнѣйшему ихъ самообразованію—расширенію ихъ краткихъ знаній, если въ комъ являлось къ тому желаніе и если подъ руками находились необходимыя книги.

Лѣтъ съ пятнадцати, съ шестнадцати уже топоръ, пила, вилы, коса, являлись постоянно въ рукахъ нашихъ ребятъ, а года черезъ два, три—и соха.

Какъ ребятамъ наступало время, когда ихъ можно было женить, то есть восемнадцать лѣтъ, то отцы женили почти всѣхъ одинакѣ, а нѣкоторые женили и тѣхъ, которые должны получить при отбываніи воинской новинности льготу второго и третьаго разряда, а другие женили безолиготныхъ, чтобы ребята не избаловались, да иногда въ семье нужна была работница. При женитьбѣ, обыкновенно, сами ребята выбирали себѣ невѣстъ; родители, если выборъ невѣсты имъ не нравился, уговаривали сына жениться не на этой а на другой, но въ концѣ концовъ, большую частью, хотя и скрупнія сердце, соглашались на бракъ сына по его выбору. Конечно, бывали и такие браки, гдѣ, уступая золѣ родительской, сыновья женились, а дочери выходила замужъ и за такихъ, какіе имъ не нравились. Такіе браки бывали рѣдко счастливы.

Безолиготные, освободившись отъ призыва, а принятые на службу женились тотчасъ же по окончаніи ея: въ деревняхъ, парень, лѣтъ двадцати шести, считается между девоchkами уже пожилымъ; онъ стѣсняется ходить по посидѣнкамъ, гдѣ надѣять молодежь подемѣвается и обзываются старикомъ.

Надъ крестьянами очень много начальства, которое имѣеть надъ ними большую власть: сельскій староста, волостной старшина и земскій начальникъ могутъ безъ всякаго суда, по своему только усмотрѣнію, посадить подвѣдомственнаго ему мужика йодь арестъ; исправникъ, становой приставъ могутъ приказать старшинѣ или старостѣ подвергнуть крестьянина аресту, и тѣхъ ихъ приказанія исполнять безпрекословно: иначе имѣсто крестьянъ придется самимъ сидѣть подъ арестомъ... И надъ одними только крестьянами тяготѣло тѣлесное наказаніе.

Всѣ эти наказанія тяготѣли только надъ горстью и то самыхъ лучшихъ, болѣе развитыхъ и цѣняющихъ человѣкскую личность крестьянъ. Эта горѣточка знала, что существуютъ такія неблагопріятныя условія для ихъ жизни, гдѣ свой же собратъ—волостной старшина или сельскій староста, не говоря уже про другое вышнее для нихъ начальство, единственно по собственному своему капризу, можетъ лишить ихъ свободы, и вправѣ или не вправѣ они это сдѣлаютъ, жаловаться, за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, совсѣмъ нельзя. Что же касается порки—то висѣніе надъ ихъ головами такого нозорнаго наказанія, для нихъ было очень унизительно, хотя на дѣлѣ оно очень рѣдко примѣнялось: въ ихъ волости и въ нѣсколько-то лѣтъ развѣ случалось одно, два постановленія волостнаго суда съ примѣненіемъ тѣлесного наказанія; но нерѣдо и эти постановленія отменялись нѣкоторыми земскими начальниками.

Да и самая порка большою частью исполнялась только на бумагѣ: немного находилось людей, которые въ спокойномъ состояніи рѣшились бы наносить мученіе и позоръ тѣмъ, кто лично не причинилъ имъ никакого зла. Надъ нѣкоторыми обвиняемыми происходила только одна процедура порки: наказываемый, спустивъ

съ себя порты, ложился на поль, и десятской слегка хлестать его раза два. „Ну, съ него и этого будетъ,“ — останавливалъ его старшина. Иногда же старшина вызывалъ наказуемаго для порки, тотъ кланялся ему въ ноги и просилъ не подвергать его такому позорному наказанию. Добрый старшина, не приводя въ исполненіе, отмѣчалъ, что приговоръ волостного суда исполненъ.

Да и наказывать жестоко лихихъ людей, отчаянныхъ головъ, часто не смѣть ни волостной судъ, ни старшина, ни десятской — они боялись этихъ людей: въ отместку отъ нихъ можно ожидать себѣ всякаго зла. Для иного, у кого потеряна совѣтъ совѣсть, ничего не стоитъ спалить сѣноваль, даже домъ, или, при удобномъ случаѣ изувѣчить человѣка или прибить его на смерть. Со своимъ же волостнымъ приходится встрѣчаться — и жди отъ него бѣды. Лучше уже не наживать, если есть возможность, себѣ враговъ изъ лихихъ людей: не хуже отъ нихъ оставаться въ сторонѣ.

Большая же часть крестьянъ, какъ народъ сице темный, даже не знали своихъ и должностныхъ лицъ правъ, и мало чувствовали надъ собой тяготѣнія начальства: сельскіе старосты и волостные старшины почти не злоупотребляли своею властью, земскіе же ограничивались сниманіемъ передъ ними шапокъ: только за этимъ они строго следили.

Тяготѣніе же начальства чувствовали одни десятскіе и сотскіе, служившіе безвозмездно, по очереди. Ихъ гоняли съ пакетами урядники, пристава, исправники, которые иногда очень злоупотребляли своею властью, зная, что надъ ними суда нѣть и на беззаконныя ихъ дѣйствія пожаловаться не смѣютъ. Хотя впослѣдствіи и вышелъ циркуляръ ministra внутреннихъ дѣлъ разъясняющій, что десятскіе не могутъ быть посыпаемы съ пакетами урядниками и приставами, но полицейское на-

чальство не обращало вниманія на циркуляръ министра и гоняло съ пакетами десятскихъ. Попадались такие приставы, которые со всей волости безъ всякой надобности собирали къ своему приѣзду въ правленіе десятскихъ и сотскихъ. Какъ-то къ одному приставу явился десятской черезъ пять минутъ послѣ переклички—онъ отлучился недалеко отъ правленія и не успѣлъ поспѣть къ приѣзду пристава—то приставъ приказалъ старничью посадить его подъ арестъ; спустя полчаса, велѣлъ выпустить, и въ сильную мятель послать съ пакетомъ къ уряднику, жившему отъ него за двадцать верстъ; мало этого, еще вызвалъ къ себѣ въ станъ, единственно только за тѣмъ, чтобы посмотретьъ его, изъ-за чего десятскому пришлось тащиться напрасно въ одну сторону около сорока верстъ. Но крестьяне смотрѣли на должность десятского какъ на обязательную и необходимую для нихъ повинность, которую отбыть—и къ сторонѣ: тогда живи спокойно нѣсколько лѣтъ—ни кто-то тебя не потревожитъ.

Крестьяне занимались хлѣбопашествомъ, кормились отъ своихъ трудовъ, платили подати, поставляли солдатъ—и тѣмъ дѣло ограничивалось. И жили многие такъ, что сами не знали, что они завтра, или черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ, или черезъ годъ будуть есть: хлѣбопашество либо у нихъ первобытнымъ порядкомъ и несмотря уже назрѣвшее для нихъ время, они къ культурѣ не стремились—даже они не знали ее, а учителей, которые бы на дѣлѣ показали имъ развитіе полевого хозяйства, покамѣстъ еще не видать.

IX.

Приближался храмовой праздникъ, лѣтній Кузьмовъ

день—1-е Июля. Во всѣхъ деревняхъ приготавлялись къ встрѣчѣ этого праздника. Въ Житьевѣ сообща варили пиво: сбирали съ каждого дома известное количество ржи, загружали ее въ воду и держали тамъ до тѣхъ порть, пока она не дасть большихъ ростковъ; затѣмъ рожь сушили и мололи—и получался солодъ. Часть мужиковъ, на которыхъ въ этомъ году надала очередь, притащили на рѣчку, протекавшую вблизи деревни, большій котель и два громадныхъ чана. Повѣсили котель на перекладинѣ, наполнили его водой, развели подъ нимъ огонь, вскипятили воду, всыпали въ него положенное количество солоду, потомъ долго кипятили. Когда солодъ весь выирѣль, то сусло черезъ солому, вложенную въ кадушку съ дырой на днѣ, перегоняли въ чаны: на соломѣ оставались отброски солода, а въ чаны протекало чистое сусло. Такъ кипятили иѣсколько котловъ, пока сусломъ не наполнились оба чана. Сусло ведрами дѣлили между собою; дома каждый ужъ по своему приготавлять пиво: клать въ сусло хмѣлю, давать суслу съ хмѣлемъ бродить не одинъ сутки, потомъ процѣживать въ бочки, которые плотно закупоривать и ставить на погребъ, а если его не было, то въ сѣнникъ. Осадки отъ пива сливали въ бутылки и на нихъ, какъ на дрождяхъ, накли пироги.

Наканунѣ праздника иѣкоторая мыли въ избѣ полы и стѣны.

Въ праздникъ поднимались очень рано, наряжались въ лучшую одежду и отправлялись къ заутренѣ и къ обѣднѣ. Дома оставались одинъ обряжухи, которая пекла пироги и варила похлебку.

При церкви быть одинъ священникъ и одинъ псаломщикъ. На клирость встало иѣсколько мужиковъ и ребятъ. Они на всѣ-то лады, стараясь перекричать другъ друга, подселяли своему дѣячу, глуховатому старичку,

къ тому же еще часто забывавшемуся.

Послѣ молебна народъ высыпалъ на площадь, гдѣ въ этотъ день происходило каждый годъ гулянье.

День былъ ясный и жаркій.

На площади торговцы въ лавкахъ, устроенныхъ полукругомъ, разложили свои товары: ситцы, платки, материи, пряники, конфекты, жестяные чайники; среди площади, на травѣ расположились съ лантями; рядомъ съ ними—съ корзинками и кузовами, а далѣе съ граблями и горшками; съ возовъ продавали косы.

По за лавкамъ тянулся березовый лѣсъ. Березы были въ полной зелени, такъ и манили къ себѣ подъ тѣнь. Далѣе, по дорогѣ, пролегавшей подъ гору, къ рѣчкѣ, тянулись луга, гдѣ выглядывали изъ зеленой травы бѣленъкіе, голубенькіе, красненькіе, желтенькіе цветочки. Къ площади примыкало ржаное поле, красиво колебавшееся при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка.

Одни подошли къ лавкамъ. Они смотрѣли, торговались и покупали товаръ; другіе среди площади сѣли кучками, а большая часть расположились подъ березами и Ѳли пироги принесенные изъ дома хозяйками.

Подкрѣпившись, молодежь стала расхаживать по дорогѣ, начиная по площади и спускаясь къ самой рѣчкѣ.

Видъ гуляющаго народа былъ очень красивый: платья и сарафаны на дѣвкахъ и бабахъ, а на ребятахъ рубахи, подпоясанныя шерстяными съ большими кистями поясами, были самыя разноцвѣтныя: и красная и бѣлая, и голубая, и малиновая, и розовая и другихъ яркихъ цветовъ. Цвѣта пестрѣли, перемѣщались и красиво колебались въ гуляющей толпѣ.

Любимыя цвѣта нашихъ крестьянъ: красный, малиновый, бѣлый, голубой. Эти цвѣта всего болѣе идутъ

къ нимъ, потому что вся природа, окружающая крестьянъ—лѣсь, луга, поля, и дома—носить темный, зеленый, желтый, сѣрий видъ, и постоянное однообразіе цветовъ утомляетъ глазъ, поэтому, при такой природѣ, глазу пріятно видѣть другіе яркіе цветы.

Подъ березами ребята завели „кругъ“—пляску. Парни пригласили себѣ по дѣвкѣ и по парочекѣ встали кругомъ. Ихъ обступили мужики, бабы и ребятишки. Гармоницикъ, поправивъ себѣ на бокъ картузъ, заигралъ плясовую. Выступила одна пара. Дѣвка степенно, прямо держась, притопывала ногами, а парень передъ нею откалывалъ разныя колѣна, начиная мелкой дробью и кончая вспышдку. У него даже руки и плечи двигались подъ тактъ гармони.

Гармоницикъ попался хороший; подъ звуки его гармони и другихъ такъ и подмывало на пляску; некоторые даже пошевеливали плечами и притопывали на мѣстѣ, а но за кругу пьяные мужики пустились даже впри-сядку.

Плясавший парень, подбодряемый криками окружающихъ, совсѣмъ разошелся и своимъ звучнымъ голосомъ подъ гармоню запѣлъ:

Шевелись, коайся,
Въ руки не давайся!

Охъ, рукава кума купила,
Поставушку продала,
Рукомойничекъ разбила
И сама плясать пошла!

Эта пара плясать перестала. Ихъ смѣнила другая пара.

Такихъ круговъ нѣсколько завели; ребята и дѣвки весело въ нихъ наилисьвали.

Въ послѣднее время урядники не дозволяли на гуляньяхъ заводить круги и играть на гармоняхъ: иногда въ кругахъ начинались драки; но драки можно предупреждать мѣрами сельской полиціи—усилить число десятскихъ, которые и безъ того приходятъ на гулянья; поставить бы по десятскому къ каждому кругу, тогда бы они не допустили драки, и народъ не лишился бы единственного своего национального невиннаго развлечения.

Къ часамъ четыремъ стали появляться пьяные мужики и что-то есть мочи затягивали веселыя и протяжныя заунывныя пѣсни; но къ нимъ подходилъ со знакомъ на груди и съ батогомъ въ рукахъ десятскій и предупреждалъ, чтобы пѣсень больше не иѣть, иначе они угадаютъ въ кутузку. Мужики, крѣко выругавшись, переставали пѣть, а другіе заводили съ ними ссоры, такъ что тѣ были не рады, что и сказали.

Нѣкоторые изъ мужиковъ сильно захмѣлѣли, свалились около дороги на лугъ и громко хранили; пользуясь ихъ беззащитнымъ положеніемъ, муhi крутились надъ ними и садились на лицо и на руки.

Народъ началъ расходиться. По дорогѣ, подъ гору, шелъ, попнатываясь, здоровенный большого роста мужикъ и самыемъ отчаяннымъ теноркомъ пѣлъ:

Всѣ пташки канарейки
Такъ жалобно ноютъ.
Съ тобой, мой расхороній,
Разлуку намъ даютъ.

Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто насъ не разлучить,
Какъ мать сыра земля.

И наизъ мужикъ горько заплакалъ. Его расхоро-

шая—баба, сзади толкала его и сердито ворчала:

— Иди, ты, иди, орало, скорѣе домой, вѣдь мнѣ обряжаться надо, а съ тобой пробреденъ цѣлый вечеръ и въ полночь прикатинъ домой.

X.

Къ Тинкѣ пришло много гостей: два зятя съ женами, съ отцами и матерями, братья, сестры и племянники свои и жены и невѣстки. Всѣ гости долго гуляли по деревнѣ, и плотно поужинавъ, улеглись спать на сараѣ—на повети.

Хозяйка Тинки поднялась еще до солнѣника. Она разбудила невѣстку и затопила печку. Невѣстка пошла доить коровъ.

По деревнѣ уже молодой пастухъ на рожкѣ наигрывалъ. Скрипѣли ворота и съ мычаніемъ выходили коровы и телята, а по за нимъ съ блеяніемъ выбѣгали овцы.

Когда выгонили всѣхъ коровъ, пастухъ, похлопывая бичемъ и громко покрикивая, погналъ ихъ на пастбище. Коровы, растянувшись по прогону, или вереницей, и выйдя изъ прогона, разбрелись по лѣсу, перекликаясь другъ съ другомъ. Пастухъ, загородивъ жердями прогонъ, возвратился въ деревню гулять вмѣстѣ съ ребятами—сегодня и ему праздникъ.

Невѣстка Тинки стала подсоблять своей свекрови: приготовлять похлебку и печь пироги.

Одинъ за другимъ поднялись гости. Каждый изъ рукомойника умылся холодной водой, утерся холстиннымъ полотенцемъ и помолился предъ иконами Богу.

Огромный самоваръ уже пыхтѣлъ на повети и надувался. Его внесли въ избу и поставили на столъ. Тинка заваризъ чаю, налила всѣмъ чашки и подала

гостямъ. Гости, откусывая понемногу изъ взятаго изъ сахарницы куска, или изъ блюдечка. За чаемъ закусывали рыбникомъ; рыба изъ него была вывалена на тарелку, а корки разрѣзаны на небольшіе куски. Рыбу брали прямо пальцами—вилокъ не имѣлось. Чаю пили много—чашекъ по пяти, семи и болѣе. Напившись чаю, чашки вверхъ дномъ на блюдечко опрокидывали и клади на дно оставшіеся кусочки сахара.

Немного погодя, завтракали—ѣли нѣсколько теплыхъ, только что вынутыхъ изъ печи налеушекъ.

Около полудня уже собрались обѣдать. Передъ обѣдомъ мыли руки. Тишкѣ усадить въ передній уголъ затевей и сватовей, какъ болѣе почетныхъ гостей. Хозяйка подала на столъ большую кулебяку—рыбникъ, а изъ стаканчика Тишкѣ обносить всѣхъ виномъ поочереди, не пропуская и невзрослыхъ, и пивомъ изъ кружки, въ которую наливать изъ мѣдной „яндовы.“

— Выпей, сватушко,—подсказывалъ Тишкѣ водкой.

— Ну-ко, самъ-то ты на здоровье.

Тишкѣ глонулъ изъ стаканчика водки, долилъ его и подалъ свату. Тотъ осушилъ стаканчикъ.

Послѣ рыбника єли изъ одного блюда и изъ одной чашки деревянными большими ложками мясная ци, жареную картошку, печенную капу, молоко, а потомъ пирогъ съ макомъ и пирогъ съ изюмомъ. Пироги были изрѣзаны на мелкіе четырехугольные кусочки, которые цѣликомъ попадали въ ротъ.

Молодежь послѣ обѣда пошла гулять, а пожилые гости отдыхать. Часовъ около четырехъ познали, около шести пили чай съ пирогами, а около десяти ужнали; єли съ аппетитомъ и всего много. Можно было удивляться, какъ все это могло вмѣщаться въ ихъ брюха.

Вечеромъ молодежь собралась у маховой качели,

стоявшей на краю деревни. Ребята садили девок на беседку и колами непрерывно качали их. Иногда раскачивают выше переклада, так что при опускании слабнут веревки, девка боится, ухает, а ребятам смешно—они выше стараются раскачать ее. Начавши ее вдоль, останавливали колами, подставленными непреклонно веревки; случалось, что девка качается еще въ половинѣ качели, ребята, подмигнувъ другъ другу, схватывали за веревку—девку втягивали, и она чуть не перекувыркивалась черезъ голову.

Всѣмъ надоѣло качаться; ребята и девки въ кругожокъ усѣлись на траву; каждый парень очутился у своей голубушки. Стали пѣть пѣсни.

Катюшкѣ Тинки звучнымъ голосомъ затянула, а къ ней пристали остальные девки и ребята и запѣли:

Охъ, прощай жизнь, радость моя.
Да слышу щедръ милой отъ меня.
Охъ, темная ноченька мнѣ не снится,
Сама я не знаю, право, почему...

Девки обладали сильными голосами; начиная первый куплетъ тихо, онѣ на второмъ брали очень высокія ноты, а потомъ протяжно и не очень громко кончали куплетъ. Изъ души ихъ пѣсни вполнѣ вылились слова поэта:

Что-то слышится родное
Въ долгахъ пѣсняхъ ямщица:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Девки и ребята еще проигрѣли нѣсколько пѣсент.

Вдругъ, неожиданно вскочила Катюшка и, притопывая ногами, весело запѣла:

Я вечеръ молода во нирѣ была,
Во нирѣ была, въ бесѣдункѣ,
Не у батюшки, не у матушки—
У мила дружка, у Иванушки...

Лй-да, Катюшка,—захохотавъ, подбодрили ее ребята и вмѣстѣ съ дѣвками весело подхватили пѣсню. Парень, сидѣшій съ Катюшкой, заигралъ плясовую. Всѣ встали и пошла пляска.

Наплывавшись вдоволь, всѣ усѣлись на лугъ. Любой Катюшки заигралъ на гармоньѣ коротенькія пѣсни частушки, а Катюшка стала припѣвать:

Иѣсни пой, пока поется:
Замужъ выйдешь—какъ придется.
Не придется пѣсенъ иѣть,
Придется горюшко терпѣть.

Кого люблю, тотъ не ходить:
Жалѣеть самоговъ.
Кого душа не принимаетъ,
Только басенъ про любовь.

Говорили—не разстаться,
Какъ шутя разсталася:
Среди полу я на стулѣ
Чуть жива осталася.

Массу перепѣли онѣ частушки.

Парень съ гармонѣй запѣль:

Охъ ты, милая моя,
Сердце камень у тебя—
Сидишь, не взглянешь на меня...

Среди улицы поднялся шумъ—всѣ побѣжали туда. На дорогѣ дрались два пьяныхъ мужика: одинъ изъ нихъ понеремѣнно сидѣлъ на другомъ и почему топало

колотиль его кулакомъ. Когда же онъ уставалъ, то лежавшій его сминалъ—вывертывался изъ подъ низу и его въ свою очередь тузилъ.

Народъ смотрѣлъ на драку и хотя оба они были въ крови, рубашки па нихъ были въ грязи и изорваны, только подемѣвался или подбодрялъ того или другого драчуну. Нѣкоторые хотѣли ихъ растащить, но другіе не дали.

— Что ихъ разнимать-то,—сказали они,—подерутся да отстанутъ. А если намнуть другъ другу бока, того они оба и стоять—оба драчуна; впередъ поменяне будуть на другихъ налѣзать.

Мужики подрались, поустали, хмѣль немножко повинелъ, и оба, розойдясь въ разныя стороны, въ лужѣ стали умываться. На другой день, встрѣтившись между собою, какъ ни въ чёмъ не бывало, любезно поздоровались другъ съ другомъ.

На другой день Тишкѣ унимать гостей еще у него нигостить, но тѣ отказались.

— Нѣть, спасибо, мы тобой довольны,—благодарили они.—Надо и чередъ знать. Теперь сѣнокосъ, время дорого, а мы и то потеряли понапрасну два—дня. Спасибо за угощеніе.

— Неначемъ,—отвѣчалъ Тишкѣ.—Вы меня не обезсудьте—можетъ быть въ чёмъ не угодить вамъ.

— Что ты? Мы у тебя выгостили такъ, что лучшіе не надо. Къ намъ милости просимъ въ Савватіевъ день.

— Ваши гости. Впередъ о праздникѣ приходите къ намъ.

— Куда какъ не къ вамъ. Процай.

— Ну, когда не остаетесь, то счастливо вамъ идти.

— А тебѣ счастливо оставаться.

Проводивъ гостей, Тишкѣ стать наколачивать ко-

су—завтра онъ отиравлялся на сѣнокость.

XI.

Настали святки. Дѣвки гадали. Онѣ собирались въ одну избу, по числу дѣвокъ раскладывали на полу кучки овса. Приносили пѣтуха, кружили его и ставили среди кучекъ; изъ которой кучки онъ начинать клевать, то та дѣвка въ нынѣшнемъ году и выйдетъ замужъ. По вечерамъ дѣвки бѣгали по улицѣ и первого встрѣчнаго спрашивали какъ его имя. Тотъ называлъ. Это имя и должны быть имя жениха. На перекресткахъ же дорогъ онѣ на одномъ мѣстѣ кружились и надали: въ которую сторону дѣвка очутится головой, въ ту сторону она замужъ выйдетъ. Брали изъ полѣнницы первое подвернувшееся подъ руку полѣно. Если оно оказывалось прямымъ, гладкимъ, то и женихъ будетъ красивый, хороший, а если кривымъ, то—худой. Въ избѣ, оставившись однѣ, дѣвки смотрѣлись въ зеркало, поставивъ напротивъ его сзади себя другое, а между ними свѣчки. И суженый въ зеркалѣ имъ показывался. На ночь подъ подушку клали таракана и говорили: „Суженый,“ ряженый, приди ко мнѣ почевать.“ И суженаго онѣ во снѣ видѣли.

Всѣ святки, по очереди лѣвки собирались на посидѣнки другъ къ другу. Даже изъ другихъ деревень къ нимъ приходили съ гармонями ребята, набивались въ избу смотряніе: бабы, ребятишки, мужики, такъ что иногда не было свободнаго мѣста даже на печи и на полатяхъ. На посидѣнкахъ держались всѣ очень свободно. Ребята, за неимѣніемъ мѣста на лавкахъ, садились къ своимъ голубушкамъ на колѣни, а дѣвки къ нимъ. Одинъ изъ ребятъ игралъ на гармониѣ, а другое непрерѣмѣнно по парочкѣ или писали русскую.

Иногда ребята мѣрялись между собой силой. Под-

нимали другъ друга кринкой и мертвцомъ: кринка—одинъ садился на полъ, ноги складывалъ крестъ на крестъ и ухватывался руками за носки, а другой, за подназухи забравъ его спереди, взваливалъ на плечо къ себѣ; а мертвцъ—одинъ ложился въ ростяжку на полъ, а другой, за подъ колѣнки ухвативъ его промежъ своихъ ногъ, ставилъ его на ноги. Нѣкоторые ступу, въ срединѣ выдолбленный толстый комель дерева, зубами ложили на полати; тягались на пальцахъ, одной рукой за ножку поднимали скамейку; выбѣгали на улицу, боролись, ухватившись за воротки или въ охабку. Но вечерамъ осенью и зимою дѣвки собираются въ одну избу съ работой: съ пряслицами, съ кутузами и съ шитьемъ. Вмѣстѣ имъ весело: онѣ поютъ пѣсни, шутятъ между собою, про все разговариваютъ, и кѣ нимъ ходятъ ребята. Но воскресеніемъ и праздникамъ затѣвались носидѣнки.

Послѣ святокъ къ Тиникѣ пришелъ сватунъ. Онъ сѣлъ вдоль половицы и завелъ разговоръ о томъ, что онъ пришелъ сватомъ отъ жениха.

Если женихъ по нраву, то онъ сираширатъ, когда можно прїѣхать смотрѣть невѣstu. Наединѣ въ горницѣ Тиника посовѣтовался со своей бабой, съ отцомъ и спросилъ Катюшку пойдетъ ли она замужъ за этого парня. Катюшка знала парня, онъ былъ ей любъ, и она сослалась на волю родителей: если они этого хотятъ, то она замужъ идти не прочь.

Тиника назначила сватуну день смотрѣть невѣсты.

Къ этому времени онъ запасъ бутылку водки, а баба налила пироговъ.

Прїѣхалъ женихъ съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ, съ сестрой и со сватуномъ.

Невѣста набѣлилась, нарумянилась, нарядилась въ

лучшее платье и вышла къ жениху.

Вся изба наполнилась народомъ.

Сватунъ обратился къ невѣстѣ: „Пройдись-ко, не хромая-ли ты?“ Невѣста прошлась и въ свою очередь заставила жениха прогуляться по избѣ. Потомъ они встали рядомъ. Всѣ сказали, что женихъ да невѣста нара, то есть ростомъ и видомъ подходятъ другъ къ другу. При женихѣ невѣста прыла; смотрѣли ее работу. Мать и сестра жениха пошли въ горницу. Тамъ имъ мать невѣсты показывала всю ея скрутку. Тѣ пересчитали всѣ шубы, кофты, рубанки, полотенца, юбки и прочее ея приданое.

Гости, усѣвшись за столъ пить чай, сказали, что невѣста и приданое ея имъ любо, и если любъ женихъ, то пріѣзжали бы смотрѣть мѣсто у жениха, и назначили бы день, въ который они пріѣдутъ. Тѣ имъ сказали.

Тинка съ бабой, съ Олешкой и съ невѣсткой на двухъ лошадяхъ подъѣхали къ дому жениха. На улицу вышелъ встрѣтить ихъ женихъ.

Отецъ жениха свѣтъ гостей въ хлѣвъ и показалъ имъ лошадей, коровъ, телятъ и овецъ; затѣмъ осматривали хлѣбъ въ амбарѣ и скрутку жениха.

Тинка со своими мѣстомъ остался доволенъ. Онъ стать уговариваться съ отцомъ жениха насчетъ столовъ, насчетъ приданого, насчетъ подарковъ. Послѣ долгихъ споровъ, рѣшили на томъ, что Тинка даетъ за дочерью приданого: деньгами тридцать рублей, на овчинномъ мѣху суконную шубу, шубное одѣяло, всѣ платья и все бѣлье, которое смотрѣли и кое-что необходимое для женского хозяйства: косу, грабли и пр., подарить близкихъ родственниковъ жениха по полотенцу и устроить на другой день свадьбы „хлибины.“

Помолившись Богу, въ знакъ согласья, гости сѣли за столъ, и ихъ усердно стали угощать водкой, чаемъ и пирогами,—это они пропивали невѣсту.

Тинка со своими навеселѣ съ пѣснями подъѣзжалъ къ свему дому. У невѣсты собирались подруги и соседи. Услыхавъ, что ее пропили, невѣста запричитала:

Что ни ключики ли брякнули,
Не замочки ли щелкнули,
Не меня ли запоручили
За поруки за крѣпкія,
За письма за мелкія?
Выручать-то меня—не выручить,
Выкупать-то—не выкупить,
Не златомъ, не серебромъ,
Не всей златой казной.

Вскорѣ сыграли свадбу.

XII.

Весною по рѣкѣ Неченгѣ, протекавшей на протяженіи верстъ около трехсотъ пятидесяти, крупные лѣсопромышленники лѣсь гнали молемъ, то есть, каждое бревно, спущенное въ воду, плыло по теченію само по себѣ внизъ по рѣкѣ. Бревна въ большую воду обыкновенно скатывали съ береговъ: быстрѣе они плывутъ и меныше на мелкихъ мѣстахъ останавливаются и сгруживаются,—но за то массу бревенъ раскидывало по пожнямъ и тамъ они обсыхали.

На гонку лѣса лѣсопромышленники отправляли партии рабочихъ: одни изъ нихъ, начиная съ верховыхъ рѣки, шли на хвостѣ сплава—спускали въ воду раскиданныя по берегамъ бревна, а другие отправлялись впередъ и расчищали заломы—гдѣ лѣсь останавливался, сгруживался и загораживалъ проходъ рѣки. Лѣсу по рѣ-

къ Печенгѣ отправлялось громадное количество, каждое лѣто болѣе миллиона бревенъ, то и народу при сплавѣ работало много.

Каждую весну оба парня Тишки Егорко и Ванька были на сплавѣ лѣса. Они на водѣ были бойкіе ребята: стоя на одномъ бревнѣ съ багромъ въ рукахъ, они умѣли свободно плавать, то имъ, какъ и другимъ нѣкоторымъ лучшимъ работникамъ, платили хорошо: на готовомъ содержаніи въ недѣлю рублей по шести.

И нынѣшней весной они ушли уже на сплавъ зарабатывать деньги. Начиная съ мая и до Петрова дня, иногда такъ и до осени они все время не сходили съ рѣки, гнали бревна.

Жизнь ихъ при сплавѣ лѣса была очень тяжелая. Рѣка протекла большие все иенаселенными мѣстами: иногда случалось, что верстъ по сорока, по пятидесяти они не встрѣчали на пути никакого жилья.

Кормили ихъ худо: крупяникой, щами изъ тухлой говядины, кашей и занѣсѣнѣлымъ хлѣбомъ. Хотя на содержаніе рабочихъ денегъ отъ хозяевъ ило порядочно, но приказчики, управлявшіе сплавомъ лѣса, старались загнать себѣ экономію и кормили рабочихъ чѣмъ попадало. Рабочимъ и сказать имъ ничего было нельзя—сейчасъ прогонять: въ народѣ—нужда, рабочихъ найдется сколько угодно, всѣ рады хоть сколько нибудь заработать денегъ.

Работа ила партіями по полусуткамъ: одна партія работала полусутки, другая въ это время отдыхала, а потомъ смѣняла первую партію.

Егорко и Ванька все время не сходили съ залѣмой: они, стоя на бревнахъ часто среди рѣки, расчищали заломы: выдергивали баграми изъ лѣсу, отпѣхивали и пускали по водѣ передовыя бревна, пока самъ

лѣсь не двигался массой—тогда они на ходу лѣса перескакивали съ бревна на бревно и выходили на берегъ.

Какъ ни искусно наши ребята держались на бревнахъ, но въ рѣдкій день они могли ухраниться отъ воды: между бревнами проскальзывали въ воду и работали часто мокрые. Ноги же до смѣны никогда не просыхали. Иногда же время стояло холодное, дождливое, вѣтряное, вода сильно настывалась, и ребятамъ мокрымъ приходилось работать цѣлые полусутки.

Въ хвостѣ шли харчевки—на длинныхъ плотахъ тесовыя избушки. Въ харчевкахъ жили приказчики и хранили провизію.

Въ мелкую воду харчевки то и дѣло останавливались на каменныхъ и деревянныхъ заѣздкахъ, на камняхъ, на отмеляхъ и на илотинахъ. Иногда какъ съ дубинушкой ни сдвигаютъ ихъ канатомъ, но съ мѣста сдернуть не могутъ,—ребята соскаиваютъ въ воду и тамъ, нерѣдко по часу по поясъ и по плечи работаютъ въ холодной водѣ. Высунуться же до смѣны не придется, приказчики не отпустятся. Уже приидя на отдыхъ, сущись у теплины, сколько тебѣ угодно.

Спали гдѣ попало: въ лѣсныхъ избушкахъ, въ сѣновалахъ на голомъ полу, а чаще у теплины, растянувшись на землѣ и осаждаемые тучами комаровъ и мошекъ.

Если кто заболѣть, то при сплавѣ ему помощи никакой не подадутъ, а разечитаются, и отправляйся домой; хоть помирай на дорогѣ или дома, простудившись на работѣ—лѣсопромышленникамъ-миллионерамъ нужды нѣть: имъ самимъ живется прекрасно.

Нали ребята, еще съ дѣтства закаленные нуждой, холодомъ и голодомъ, все это переносили, ихъ здоровье было желѣзное—ни что на него не дѣйствовало,

и бодрыми и здоровыми возвращались они домой къ лѣтнему Кузьмову дню, и подавали отцу рублей по тридцати пяти своего заработка.

При сплавѣ лѣса иногда сильно материально страдали береговые владѣльцы. Сразу по уходѣ воды земля на берегахъ была мягкая и ногами рабочіе вытоптывали луга: бревна совсѣмъ мало таекали на плечахъ, а болѣе—по пѣскольку человѣкъ ухватывались баграми за бревно, одинъ изъ нихъ запѣвалъ: „О-о-лелеле,” тащили его по землѣ, бороздили лугъ и срывали дерно. Бревна волокли не по одному мѣсту, а по всей пожнѣ, гдѣ находили ближе къ рѣкѣ.

При сплавѣ лѣса добровольно платить за убытки луговъ, лѣсопромышленники не считали нужнымъ, и только волей не волей отдавали деньги тѣмъ владѣльцамъ луговъ, которые посудятся съ ними не одинъ годъ и послѣ разныхъ издержекъ, волокить и потери времени докажутъ размѣръ убытковъ.

Между тѣмъ, эти убытки причиняются владѣльцамъ береговъ почти всецѣло по винѣ самихъ лѣсопромышленниковъ: они считаютъ совсѣмъ липинимъ расходомъ поставить партии рабочихъ на всемъ протяженіи рѣки, чтобы они по мѣрѣ убыли воды спускали въ русло бревна съ береговъ; но богачи-лѣсопромышленники, причиняя постороннимъ небогатымъ крестьянамъ убытки, зиждутъ на горѣ другихъ миллионная состоянія.

XIII.

— Смотрите, ребята, у меня сегодня вы гуляйте тихо, не деритесь,—наказывала Тиника своимъ ребятамъ, собиравшимся въ Ильинъ день къ своей сестрѣ.—Ты, Ванька, нонѣ стала больно потягивать винцо,—это, братъ, нехорошо: пить-то можно, а напиваться нельзя. Да ты

ужъ сталь и черезчуръ боектъ. Вонъ, въ Вознесеньевъ день разодрались наши ребята съ климовскими, то ты къ чему-то сунулся въ драку; ну, тебѣ и попало, поси за бархать: голову тебѣ прошомилъ Ерунда такъ, что съ недѣлю ты провалялся, чуть живъ остался.

— Тягъка, вѣдь тогда климовскіе стали тѣснить нашихъ ребятъ,—замѣтилъ Ванька,—ну, я за нихъ и пристать, хотѣть драку рознятъ; а мнѣ, не за что, не про что Ерунда хлестнуть коломъ по головѣ три раза.

— Ты не лѣзь туда, гдѣ драка, а уходи подальше, тогда цѣлѣ будени.

Ребята ушли. Тамъ у сестры они подвыпили. И опять на улицѣ между климовскими и житѣвскими ребятами завязалась драка. Ванька въ это время сидѣлъ въ избѣ сестры. Съ улицы ему вскричали: „Ванька, климовскіе нашихъ блюютъ!“

Ванька выскочилъ изъ избы и побѣжалъ на шумъ. Тамъ ужъ перекидывались полѣньями и камнями. Между дерущимися было и Ерунда. Ванькѣ сразу блеснуло вѣдь, какъ Ерунда болѣю его коломъ прибылъ, какъ онъ долго, опрягаясь отъ болѣзни, страдалъ... И схвативъ первый подвернувшийся подъ руку коль, побѣжалъ и по головѣ ударилъ имъ Ерунду. Тотъ, какъ снонѣ, слетѣль съ ногъ и не встаетъ. Къ нему побѣжали, стали его трясти,—а онъ и не говорить.

„Ерунду убили!“ пронеслось по деревнѣ и драка сразу прекратилась. Ерунда еще дышать. Его стацали въ избу.

Ванька съ братомъ и со своими ребятами ушелъ домой. Всѣ были заняты дракой, говорили, кто какъ дрался. Всѣхъ интересовало: оживетъ ли Ерунда? Если онъ погреетъ, то ребятамъ было жалко Ваньки.

Ванька невеселый пришелъ домой. На другой же день изъвестили, что Ерунда умеръ. Въ домѣ Тишкы стало невесело. Мать, зная, что недоброе ожидаетъ сына, можетъ-быть придется навсегда разстаться съ нимъ, сильно жалѣла сына, громко причитала, что онъ погубилъ свою и чужую душу. Тишкѣ то-ли ранѣе былъ ни крѣпокъ и тотъ, лежа ночью на повети, ворочался всю ночь съ боку на бокъ, не могъ заснуть, тяжело вздыхалъ и нѣсколько разъ даже прослезился.

Ванька ходилъ какъ самъ не свой: ему жалко было убитого парня. Какъ онъ ударилъ парня, то сразу пожалѣлъ его. „Напрасно я его коломъ колонула, блеснуло у него въ умѣ.“ Онъ радъ былъ тогда же, чтобы этого нѣ случилось, но теперь обратно удара не возьмешь. „Вѣдь парня-то я загубилъ, думалось ему, да и самому придется пострадать. Да я вѣдь не хотѣлъ его убивать, оправдывался онъ самъ съ собою, а только думалъ отплатить ему за нанесенные мнѣ побои. Вѣдь онъ меня коломъ по головѣ на смерть биль, но ничего, не смертная, такъ вынесла, Богъ помиловалъ, живъ остался, а тутъ вотъ случилась такая оказія: съ одного удара Ерунда умеръ... Не надо бы его колотить, отплачивать зломъ за зло, тогда бы Ерунда живъ былъ, да и мнѣ бы не пришлось страдать.“

Прошло дня два. Вся семья обѣдала. Въ избу вошли сотскій. Помолившись предъ иконами, онъ сказъалъ:

- Хлѣбъ да соль.
- Милости просимъ,—отвѣчалъ Тишкѣ.—Садись съ нами обѣдать.
- Нѣть, благодарю, я пообѣдалъ, какъ пошелъ сюда.

Всѣ почувствовали недоброе. Щести уже болѣе не

могли и вышли изъ-за стола, остались одни ребятишки. У Ваньки больно сжалось сердце.

Сотский знать всю семью Тишкы какъ за хорошихъ людей, и какъ ни непріятно ему было, но дѣлать нечего, пришлось объяснить причину своего посѣщенія.

— Ванька,—обратился онъ,—тебя урядникъ велѣть привести въ правленіе. Давай, одѣвайся, да пойдемъ.

— Ладно,—глухо проговорилъ Ванька,—я сейчасъ иду.

Мать заголосила, и у другихъ семейниковъ навернулись слезы.

— Можетъ-быть, его ужъ болѣе домой не отпустятъ,—сказалъ Таганька,—то ты его, Тишкы, благослови; да и ты, мать, чѣмъ ревѣть-то, дай ему свое материнское благословеніе: оно вѣдь на водѣ не тонеть и въ огнѣ не горитъ.

Тишкы дрожащими руками взять съ божницы икону Спасителя, и, благословляя сына, не могъ удержаться, заплакать, а мать, голося на всю избу, едва благословила своего Ваньку; послѣ нея истово благословить дѣдъ.

Ванька расцѣловался со своими родными. „Прощай мать, прощай отецъ, прощай дѣдко, прощай побрратимко, прощайте всѣ добрые люди,—со слезами на глазахъ говорилъ онъ собравшимся въ избу соѣдямъ.—Не поминайте меня лихомъ, простите меня, грѣшнаго: можетъ быть, не видать мнѣ родимыхъ сторонушки.

Ванька помолился предъ иконами Богу, передъ отходомъ присѣсть на лавку, и, нахлобучивъ на глаза картузъ, въ сопровожденіи сотскаго вышелъ изъ избы. Соѣди провожали его за деревню и многіе плакали о немъ какъ о покойникѣ.

Дойдя до зѣсу, Ванька взглянуль въ послѣдній

разъ на родимую деревню, на поля и луга, гдѣ онъ беззаботно жилъ и гдѣ онъ оставлялъ родного отца, родимую мать и своихъ родныхъ, и ему можетъ-быть болѣе ни видать своея родимыя сторонушки,—горько сдѣлалось на душѣ: онъ прослезился, снялъ картузъ, перекрестился... и, встрихнувъ себя, приподнялъ голову и круто зашагалъ по дорогѣ, такъ что сотскій едва за него поспѣвалъ.

Урядникъ, допросивъ его, посадилъ до слѣдователя подъ арестъ. Изъ дома Ванькѣ носили пироговъ и двѣ недѣли онъ былъ на одномъ сухоядѣніи.

Прѣѣхать слѣдователь съ врачемъ и фельдшеромъ. Фельдшеръ вскрылъ трупъ Ерунды. Врачъ опредѣлилъ, что смерть Ерунды послѣдовала отъ нанесенной ему тяжкой раны. Слѣдователь допросилъ свидѣтелей, а потомъ Ваньку, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ съ умысломъ нанесъ Ерундѣ тяжкую рану, отъ которой тотъ и умеръ.

Ванька отвѣтилъ:

— Виноватъ, случился грѣхъ такой, и рассказалъ какъ глѣло было.

Слѣдователь, допросивъ Ваньку, сдѣлалъ постановленіе о заключеніи его до суда подъ стражу въ тюремный замокъ.

Ванька уже помирисился съ новымъ своимъ положеніемъ и безучастно выслушивалъ постановленіе. Онъ наказали домой, что завтра его отиравятъ въ городъ. Родные прѣѣхали и съ плачемъ проводили его.

Съ котомкой за плечами Ванька съ сотскимъ пошагалъ въ городъ. Начевали у десятскаго. Онъ напоилъ ихъ чаемъ и накормилъ ужиномъ. Десятскій и его баба отъ души пожалѣли парня.

Щелкнувъ въ тюрьмѣ замокъ, у Ваньки болѣо

екнуло сердце. Онъ еще свободнымъ взглянуть назадъ на свѣтъ божій—и тотчасъ же перепагнуть черезъ порогъ тюрмы. За нимъ съ шумомъ и грохотомъ хлопнула тяжелая дверь, звякнула болынной замокъ—и прощай свобода.

XIV.

Стоялъ конецъ октября. Къ Житьеву идѣль лѣсомъ ницій-стариченко, свалился и умеръ. Десятскому сказали, что на ихъ землѣ лежить мертвый стариченко. Десятскій собралъ сходъ. На сходѣ мужики порѣшили по очереди караулить трупъ до пріѣзда станового, назначивъ въ очередь на каждыя сутки трехъ человѣкъ. Бросили жеребій, кому съ кѣмъ и когда идти. Два парня и пожилой мужикъ, захвативъ съ собой пироговъ, спичекъ и рогозку, пошли по дорогѣ къ лѣсу. Десятскій же отправился къ становому.

Стариченко, скорчившись, лежать на боку; милостыни у него просыпались. Карапузычики остановились въ нерѣшительности: собрать ли милостыній въ корзинку,—вѣдь грѣхъ хлѣбу взяться по землѣ, или же оставить ихъ на землѣ: если уберуть, то какъ-да станововой ихъ забранить? Потолковавъ между собою, порѣшили, до стариченка не дотрагиваться; прикрыли его рогозкой, натаскали дровъ, развели огонь и стали сидѣть у огня въ ожиданіи себѣ смѣни.

Недѣли черезъ три пріѣхалъ станововой, спросилъ понятыхъ, осмотрѣть стариченка, признаковъ насилиственной смерти не напечь и велѣлъ его похоронить.

Мужики сколотили кое-какъ гробъ, положили въ него стариченка и на дровняхъ свезли его къ церкви. Священникъ отслужилъ панихиду. Два мужика подняли гробъ на плечи и понесли къ могилѣ. Когда гробъ стали

опускать съ плечъ, худо приколоченные къ дну гроба доски отстали, покойникъ вывалился изъ гроба и полетѣлъ въ могилу. Стоявшій у могилы сѣдой старикъ, удивился и серьезно сказалъ:

— Винъ, какъ онъ могилѣ-то обрадѣлъ, даже дно вышибъ!

Гробъ спустили въ могилу, положили въ него покойника и могилу засыпали землей.

Егорко же 15 ноября этого года подлежалъ призываю. Всю осень онъ рекрутился: мало работалъ, все болѣе по посидѣнкамъ ходилъ съ товарищами, наигрывая въ гармонію и притѣвая:

Вы погуляйте-ко, рекрутчики,
Да вы послѣднія минутки...

И другія пѣсни.

Призывной участокъ находился отъ нихъ въ сорока верстахъ. Вмѣстѣ съ отцомъ и матерью Егорко поѣхалъ на призывъ. Цѣлымъ поѣздомъ рекрутаѣхали другъ за другомъ.

Призывной участокъ помѣщался въ правленіи, находившемся въ селѣ. Тамъ собралось много народа. Въ первый день рекрута, по объявлению имъ льготы, вынимали жеребья. Вынувшіе дальняія жеребья, особенно безольготные или имѣвшій второго или третьего разряда льготу, радовались, а иные, съ близкими жеребьями, были печальны, теряли часть надежды, что они останутся дома.

Да другой день по вынутому жеребью начался приемъ. Отцы и матери рекрутятъ, въ ожиданіи участии сыновей, на сѣту простаивали по нѣскольку часовъ. Они прѣѣхали въ катанкахъ, а сѣдалась отцепель, такъ что на дорогѣ появились мужи, и ноги все промочили

нѣкоторые сильно прозябли, но съ улицы не сходили Принятого рекрута съ плачомъ встрѣчали ихъ матеремъ. Рекрута сначала прищечивались, а потомъ ужъ бодрились.

Пришла очередь и до Егорка. Онъ парень быть здоровый: роста средняго, а въ груди вышесть даже лишка на два вершка. Врачъ, не видя въ немъ недостатковъ, спросилъ:

— Здоровъ?

— Всѣмъ здоровъ,—отвѣчалъ Егорко.

— Принять!—крикнулъ предсѣдатель.

Одѣвшиесь накоро, Егорко вышелъ на улицу.

— Ну, какъ?—спросили его сначала чужіе, толпившіеся ближе къ дверямъ.

— Готовъ,—отвѣчалъ онъ.

— Слыши, матка, Егорка нашего забрили,—сказать Тинка.

Мать заревѣла.

— Полно, дура, ревѣть-то,—унимать ее Тинка.—вѣдь не на вѣкъ его поставили. Послужить, дасть Богъ, воротится и домой. Вонъ, прежде служба была и 25 лѣтъ, да и рекрутиться-то, гулять, не давали. Я помню, какъ поставили Сенъку Вагана: онъ жилъ до самого послѣдняго времени, ничего не зная; пріѣхалъ онъ изъ лѣсу, вдругъ ему сказали, что сходить въ солдаты его поставили. Парень опомниться отъ испугу не могъ, какъ его съ десятскимъ отирали въ городъ. Ну, тогда, я понимаю, и поплачать можно было, а нонѣ что? Въ солдатахъ, служа четыре года, они еще тамъ ума наберутся, посмотрятъ свѣту благо, какъ тамъ другое люди-то живутъ. Смотришь—время незамѣтио пролетѣло—на родину иешелъ.

— Меня такъ нисколько даже не повергли,—объяснялъ Егорко:—какъ только сѣряли ростъ и грудь, сразу сказали: „Принять.“

Егорко дома вмѣстѣ съ другими, принятymi на службу рекрутами, гулялъ по посидѣнкамъ.

Насталъ день отъѣзда рекрутовъ. Въ избу Тинки собралась вся деревня. Отецъ, мать и дѣдко благословили Егорка иконой и пожелали ему счастливо служить. Егорко прощался со всѣми, не исключая и сосѣдей. Онъ плакалъ, жаль ему было разставаться съ родимымъ домомъ; вадо было отъ привольной сельской жизни идти подъ строгое начало, и, уѣзжая, онъ не зналъ, вернется ли назадъ. Сердце у него болѣло щемило. Только, когда онъ выѣхалъ съ отцомъ въ поле, когда до его слуха не стали долетать рыданія матери, терявшей надолго, а можетъ-быть и навсегда другого роднаго сына, и когда холодный вѣтеръ опахнулъ разгоряченное его лицо, онъ перекрестился и сталъ спокойнѣе разговаривать съ отцомъ. Отецъ провожалъ его верстъ тридцать, а тутъ Егорко, взваливъ на плечи котомку съ бѣльемъ, пирогами и сухарями, пошагать вмѣстѣ съ другими рекрутами.

Придя въ городъ, первымъ дѣломъ Егорко сиѣшилъ повидаться со своимъ братомъ; но въ тюрьмѣ ему сказали, что на свиданіе съ братомъ нужно разрешеніе слѣдователя. Получивъ разрешеніе, вошелъ въ тюрьму. Онъ взрогнулъ, когда захлопнулась за нимъ дверь и щелкнула замокъ.

Ванька очень обрадовался ему. Онъ былъ такой же, какъ и ранѣе, плечистый парень, только съ лица сошелъ загаръ и замѣнился блѣднотой. На его осадистой фигурѣ сидѣла ловко даже стѣрая куртка.

— О-о, Егорко принесъ. Какими судьбами? Поди

въ солдаты угадаль,—обрадовавшиесь брату, привѣтствовали Ванька.

— Да, братъ, угадаль,—поцѣловавшиесь, сказалъ Егорко.—Какъ ты поживаешь?

— Видишь и самъ какое мое житье: сиди у моря, да жди себѣ погоды.

— Не больно ты здѣсь скучаешь?

— Сначала такъ, братъ, больно скучалъ,—нигдѣ не находилъ себѣ мѣста, не пилось, не ёлось, но потомъ ничего, попривыкъ, поосвоился съ новымъ своимъ положеніемъ. И въ адъ, если кого туда посадятъ, то придется тамъ жить и привыкать... Ты вотъ лучшіе мнѣ разскажи: какъ дома наши-то поживаютъ?

— Вѣстимо житье у нашихъ стало не изъ хорошихъ. Матка по тебѣ больно убивается. Сначала такъ она съ недѣлю не осмѣяла глязъ своихъ, и теперь рѣдкій день не поплачетъ; а какъ меня проводила, то, я думало, ночи не спитъ—все тоскуетъ и плачетъ о насъ. Отецъ хоть крѣпитъ, но видать, что больно жалѣеть тебя.

— Онъ мнѣ писаль письмо, что адвоката найметъ застаивать меня: въ казенномъ-то, винъ, мнѣ отказали, ихъ нѣть; адвокатъ просить семьдесятъ рублей, чтобы только побывать на судѣ и позастаивать меня: сдѣлаетъ ли онъ мнѣ пользу или нѣть, онъ за это не берется, а денежки-то ему вынь да положь; но вѣдь тогда отцу, какъ онъ мнѣ пиняетъ, придется продавать купленную землю. Я ему отвѣчу, чтобы онъ на меня не зорился: пусть—что будетъ, то и будетъ. Можетъ-быть и адвокатъ не выстаратъ меня, меня соплютъ,—тогда всѣмъ намъ придется бѣдствовать: безъ купленной земли мы будемъ плохіе жители.

— Отецъ и матка за послѣднее время сильно устали: совсѣмъ не то стало что прежде: ихъ горе убило

на иѣсколько лѣтъ. Не знаю, какъ они безъ настѣнъ ста-
нутъ жить: теперь, пожалуй, настоящій-то работникъ
одинъ Олешка, а ъдоковъ-то много, пятеро болынихъ да
четверо ребятишекъ; вѣдь девять человѣкъ—немалая
семья.

— Да, жалко ихъ,—тяжело вздохнувъ, сказалъ Вань-
ка,—неладно я сдѣлать, да дѣлать нечего, такова ужъ,
должно-быть, моя судьба... Ну, а какъ нонѣ хлѣбъ уро-
дился?

— Чровое такъ ничего, хорошо, а рожь такъ рѣдко-
вата, едва ли хлѣба хватить на круглый годъ.

— Чего теперь наши работаютъ?

— Вѣстимо чего: что ранѣе, то и теперь дѣлаютъ.
Матка все возится съ ребятишками, обряжается около
печки, по вечерамъ придетъ, а невѣсткѣ дѣла довольно
со скотиной, да надо всѣхъ обмыть, обшить и холстины
наготовить. Отецъ, проводивъ меня, навѣрно съ Олеш-
кой уѣхалъ на вывозку лѣса.

— Ну, а какъ поживаются наши дѣвки?

— Что имъ „диется?“ Ихъ житѣе славное: пряди,
тки, плети, пой пѣсни да пляши—вотъ вся ихъ забо-
та; но твоя Лизка по тебѣ больно скучаетъ, ничто ее
не веселитъ; она велѣла тебѣ передать большой пок-
лонъ и послала со мной четвертакъ.

— Спасибо ей, что она не забыла меня. Поди у нея
ужъ другой „прихихеня“ есть?

Не знаю, что впередъ будетъ, а теперь ей ни до
кого, она не можетъ забыть тебя. Разъ, когда мы вдво-
емъ сидѣли съ ней, она по тебѣ горько плакала. Я
утѣшилъ ее, говорилъ, что, дастъ Богъ, твой Ванька
вортится, его не сошлютъ, а обсудятъ въ тюрьму, онъ
возьметъ тебя замужъ, и тогда ты все горе забудешь.
„Лай то, Богъ,“ отвѣтила она.

— Если ворочусь я домой, то непременно посватаюсь къ Лизкѣ—она мнѣ больно люба. Ну, а какъ ты разставался со своей Людькой?

— Едва, братъ, мы съ ней разошлись съ послѣдней посидѣнки: жаль разставаться другъ съ дружкой—да и только. Она мнѣ подарила на память полотенце.

— Ты возьмешь ее замужъ, какъ воротишся со службы?

— Еще бы. Только бы она дождалась бы меня, не вышла замужъ, то безпремѣнно будетъ моя жена.

— Вотъ за тебя Людьку отдадутъ, а за меня осторожника, если моя Лизка и согласится идти, то ее свои едва ли отдадутъ,—съ сожалѣніемъ сказалъ Ванька.

— Вотъ ужъ про это не знаю,—нерѣшительно проговорилъ Егорко.—Я думаю, если она больно захочетъ, то настоитъ на своемъ, выйдетъ замужъ за тебя... Матка велѣла передать тебѣ пироговъ и сухарей. Вотъ возьми ихъ.

— Онѣ тебѣ самому вѣдь пригодятся.

— Чего тутъ разговаривать, возьми да и все. Она много ихъ наклада мнѣ въ котомку, намъ обоимъ хватить; мнѣ съ большой-то ношней и то таскаться надоѣло, а тебѣ они пригодятся.

— Ладно когда. Оставь. Ты, Егорко, какъ будешь отправляться на службу, зайди ко мнѣ.

— Какъ же, непременно зайду и скажу, куда мѣня назначили служить.

— Ну, вотъ и ладно.

— Процай, побрятимко, мнѣ ужъ въ казарму пора идти.

— Процай. Да, смотри, заходи: какъ поговоришь со своими, то легче дѣлается на дунѣ.

— Сказаль — приду, то приду.

Егорко, выйдя изъ тюрьмы, вздохнулъ полною грудью, и съ него свалилась ровно какая тяжесть.

„Вѣднага, Ванька, подумалъ онъ съ сожалѣніемъ. Плохое ему житѣе: какъ дикій звѣрь живи вотъ въ четырехъ стѣнахъ за крѣпкими замками; а вѣдь и звѣрю въ клѣткѣ тяжело. человѣку же и подавно. Хоть бы выпускали ненадолго посмотрѣть міръ божій, хоть тогда бы можно было изрѣдка свободно вздохнуть. Вѣдь и этого-то нѣть!“

Егорка отиравили служить на прусскую границу.

XV.

Приближался день суда надъ Ванькой. Тинка еще дня за два приплелся въ городъ узнать, чѣмъ рѣшился участъ сына. Отъ нечего дѣлать онъ ходилъ слушать дѣла выездной сессіи окружнаго суда, где разматривались трагедіи мужицкой души.

Сначала дѣла шли безъ присяжныхъ засѣдателей.

Семь дѣль было о нанесеніи легкихъ ранъ и поврежденій въ дракахъ, въ пьяномъ видѣ, иногда изъ-за ничтожнаго случая. Затѣмъ пошли дѣла болѣе серьезные.

Вотъ, мужикъ во время драки, вместо того, чтобы полѣномъ, находящимся у него въ рукахъ, бросить въ нападающихъ на него, во время размаха, наотмашь убить, не замѣтивъ, стоявшую сзади бабу, имѣвшую пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей.

Вотъ, парень, кидая полѣномъ въ своего врага, стоявшего кругомъ въ народѣ, попасть въ совсѣмъ посторонняго парня и выбить у него три переднихъ зуба.

Вотъ, парнишка, лѣтъ семнадцати, напившись пьяными, биль гирькой, надѣтой на ремень на руку, по срубу колодца. Подошелъ къ нему хозяинъ колодца и сказалъ: „Полно тебѣ шалѣть.“ Парень на это—хлесь его по головѣ гирькой: мужика не стало, ребятишки его лишились своего поителя, кормителя отца, а парень очутился на скамье подсудимыхъ. Но вопросъ предсѣдателя: „Для чего вы колотили гирькой по колодцу?“ Парень отвѣчалъ:—Такъ, по пьяному дѣлу.—„Выла ли ранѣе у васъ съ нимъ скора?“ Никогда никакой не бывало.—„За что же его вы такъ ударили, что онъ лишился даже жизни?“—Такъ, по пьяному дѣлу.

— Вотъ, подрядчику на главу церкви нужно было крестъ поднять. Веревка, перекинутая черезъ блокъ и за которую должны были тянуть крестъ, оказалась коротка, сажени на четырѣ. Недолго думая, онъ наставилъ ее отрепной тоненькой веревкой, валявшейся нѣсколько лѣтъ въ краскѣ. Мужики, собравшись на подъемъ креста, предупреждали его, что наставленная веревка ненадежна, не выдержитъ тяжести креста, который былъ пудовъ около одиннадцати, оборвется. „Ничего, успокаивай подрядчика: мы вѣдь подымаемъ крестъ, то намъ Господь поможеть.“ По одну сторону церкви мужики стали оттягивать бечеву, по которой долженъ подыматься крестъ, а по другую сторону тянули, подымая, крестъ, за тонкую наставленную веревку. Крестъ уже приподнялся отъ земли на сажени три... и вдругъ, наставленная веревка оборвалась, крестъ со стремительной силой полетѣлъ книзу по туго натянутой оттяжной бечевѣ и ударилъ по шеѣ первого мужика, стоявшаго ближе ко кресту, такъ что онъ съ ногъ свалился. Концомъ креста мужику разрѣзalo шею. Онь на другой же день умеръ.

Вотъ, отецъ осматривалъ, сидя на лавкѣ, револь-

верь, а около него ходила двухлетняя его дочь. Нечаянно грянула выстрелъ — и дочь отецъ убилъ наполовину. На судѣ отецъ, рассказывая, какъ онъ нечаянно застрѣлилъ свою дочь малютку, не могъ удержаться и плакать навзрыдъ.

Вотъ, девка, живя прислугой у деревенского торговца, забеременѣла и до послѣдняго дня скрывала свою беременность, исполняя всякую тяжелую работу. Наканунѣ праздника зимняго Николина дня, она вымыла во всемъ обширномъ домѣ полы и вдругъ вечеромъ почувствовала, что ей настало время родить. Принесла въ баню, тамъ родила, ребенка задушила, опустила трупъ ребенка въ чугунъ со щелокомъ, и сама, какъ ни въ чемъ не бывало, пришла въ кухню и стала вѣлѣть свое дѣло; но по за себѣ она оставляла слѣды крови, хозяева смекнули въ чемъ дѣло, и напали трупъ ребенка. Девка сказала, что она, когда родила, была вѣдь себя и не помнить, какъ она задушила ребенка.

На второй день начался судъ съ присяжными. Присяжные были большою частью малограмотные мужики, толстые купцы и поджарые чиновники. Въ старину попадать одинъ изъ купцовъ или одинъ изъ чиновниковъ.

Первое дѣло разбиралось объ ограбленіи трехъ погонщиковъ коровъ. Дѣло было такъ:

Зимою большою дорогоюѣхать съ возомъ пьяный извозчикъ. Возъ у него опрокинулся. Какъ онъ ни старался, но возъ отопрокинуть не могъ. Въ это время подошли къ нему три погонщика коровъ, возвращавшіеся уже домой. Они помогли извозчику отопрокинуть возъ. Между тѣмъ къ извозчику подѣхали два его товарища и замѣтили, что одинъ изъ погонщиковъ взялъ изъ передка саней узелокъ товарища, въ которомъ на-

ходились чай, сахаръ, крендели, и побѣжалъ. Они бросились за нимъ, догнали, отняли у него узелокъ и поколотили. Другіе же погонщики убѣжали и смотрѣли издалека.

Придя въ ближайшую деревню, погонщики заявили, что на дорогѣ ихъ товарища ограбили три извозчика: вытащили изъ кармана кошелекъ съ четырмя рублями.

И все три извозчика предстали на судъ, обвиняясь въ грабежѣ. Они говорили, что колотить погонщика колотили, такъ какъ онъ стянуль у товарища узелокъ, а никакого кошелька съ деньгами у него не отнимали; а извозчикъ, у котораго опрокинуло возъ, даже къ погонщику не подходилъ—онъ былъ сильно пьянъ.

Свидѣтелями выступили два товарища потерпѣвшаго, оба погонщика. Они показывали, что у товарища извозчики вытащили кошелекъ съ деньгами.

Прокуроръ настаивалъ на обвиненіе извозчиковъ въ виду того, что показаніями самого потерпѣвшаго и свидѣтелей, погонщиковъ, вполнѣ установленъ фактъ грабежа.

На это обвиняемые, какъ люди малограмотные, ничего не могли возразить; защитника же у нихъ не было. Между тѣмъ, показанія свидѣтелей въ настоящемъ дѣлѣ могли имѣть такую же силу доказательства, какъ и объясненіе обвиняемыхъ, потому что, заяви они напередъ полицію о кражѣ погонщиками у ихъ товарища узелка съ чаемъ, сахаромъ и кренделями, то тогда бы не они, а погонщики были на скамьѣ подсудимыхъ, и они бы могли показывать на тѣхъ, что угодно, и имъ бы была бы безусловная вѣра.

Присяжные удалились для совѣщенія. Старшина, уѣздный молодой торговецъ, посовѣтовалъ обвинить

всѣхъ трехъ извозчиковъ. „Всѣ они буяны,—говорилъ онъ,—это онъ хорошо знаетъ.“ Онъ такъ рѣзко нападать на нихъ, потому что съ однимъ изъ нихъ была у него скора.

Присяжные согласились съ нимъ. „Надо буяновъ учить,—говорили они,—а то не будетъ проѣзду добрымъ людямъ.“ И недолго думая, вынесли обвинительный приговоръ всѣмъ тремъ извозчикамъ.

Судъ постановилъ заключить ихъ въ арестанскія роты каждого по три съ половиной года.

Обвиняемые по году просидѣли въ арестанскихъ ротахъ, и по Высочайшему соизволенію были прощены.

Надо же было случиться такому интересному совпаденію. Торговецъ, старина присяжныхъ по дѣлу извозчиковъ, черезъ годъ самъ попалъ на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, обвиняясь вмѣстѣ съ двумя ворами въ покупкѣ отъ нихъ завѣдомо краденого, похищенного со взломомъ изъ жилого помѣщенія.

Оба вора положительно утверждали, что украденные катанки и щетину они продали торговцу за четвертую часть ихъ стоимости, что онъ зналъ, что эти вещи краденыя, такъ какъ покупать ихъ не въ лавкѣ, а на вышкѣ, гдѣ и платить имъ деньги. Потерпѣвшая, баба и другие свидѣтели показали, что они слыхали, что этотъ торговецъ и ранее занимался покупкой краденого.

Зашитникъ торговца, присяжный повѣренный роспиндался на судѣ, стараясь изъ всѣхъ силъ выгородить своего клиента заработать себѣ лакомый кусочекъ—торговецъ былъ богатый, тысячникъ, попасть ему въ тюрьму не хотѣлось, то онъ обѣщалъ своему адвокату, если онъ выиграетъ дѣло, щедро его наградить. Потер-

пъвнай слушала, слушала адвоката, по временамъ нападавшаго на нее и немнога заикавшагося, не вытерпѣла и обрѣзала его: „Винъ, ты какъ изъ-за рубля-то „тенечься!“ Пристыженный адвокатъ замолчалъ и вышелъ изъ суда.

Приисяжные, изъ которыхъ много было торгорцевъ, не дали вѣры ворамъ и нашего торговца оправдали.

По одному дѣлу бывалый на судахъ воръ самъ хорошо защищалъ себя. Онъ бытъ молодой бойкій парень, уже судившійся нѣсколько разъ за кражи и знакомый не съ одной тюрьмою. Теперь онъ обвинялся въ четырехъ кражахъ, а другой воръ, простой мужиченокъ, попалъ за компанию съ парнемъ: безъ сомнѣнія тотъ сманилъ его на выгодное ремесло. Мужиченокъ больше молчалъ, а парень защищалъ себя не хуже хорошаго адвоката: онъ въ оправданіе себя приводилъ всѣ уловки.

На мѣстѣ преступленія, подъ зѣздомъ была найдена второняхъ забытая ворами котомка съ сырьемъ женскимъ и дѣтскимъ бѣльемъ.

— Эта котомка съ бѣльемъ ваша? — спросилъ предсѣдатель.

— Вонъ, его, — указывалъ рукой на товарища, отвѣчалъ парень: — у него есть баба и ребята, то онъ таскалъ съ собой ихъ бѣлье...

— Полно-ко ты, Спѣшиловъ, вратъ-то, — махнувъ рукой, остановилъ его простой сѣрый мужиченокъ, которому ужъ надоѣло слушать вранье товарища.

Недовольный Спѣшиловъ замолчалъ.

Одного изъ свидѣтелей предсѣдатель спросилъ:

— Чѣмъ занимается Спѣшиловъ?

— Да вотъ, этими самыми дѣлами.

— Какими именно?

— Да оно выходить воровскими.

— Онъ вреть,—оправдывался Спѣшиловъ:—я маляръ.

— Какъ же такъ,—говорилъ предсѣдатель,—онъ объясняется, что онъ маляръ, а вы показываете, что онъ воръ?

— Правда, правда, онъ по лѣтамъ въ церквяхъ стѣны чистить,—размахивая, какъ маляръ, руками, отвѣтилъ свидѣтель.

— Этотъ свидѣтель показываетъ неправду,—обидѣлся Спѣшиловъ,—давечи говорилъ то, а теперь другое.

— Что ты? Я вѣдь теперь поправился,—добродушно отвѣтилъ свидѣтель.

Отецъ Спѣшилова говорилъ:

— Я нѣсколько разъ ругалъ его и толкомъ ему говорилъ, чтобы онъ отсталъ отъ этихъ дѣлъ. Нѣть — ему все неймется. Поживеть недолго дома и вдругъ пропадетъ; тогда знаешь, что парень гдѣ нибудь находитъ. Послѣ этой кражи онъ явился домой невеселый и сказалъ: „Ну, отецъ, въ послѣдній разъ я ходилъ воровать и теперь ужъ отъ меня этого не будетъ.“

— Господа присяжные,—сказалъ въ послѣднемъ своемъ словѣ Спѣшиловъ,—я воровалъ и погибъ изъ-изъ того, что отецъ не далъ мнѣ взять замужъ любую мнѣ дѣвку. Съ этого времени я пришелъ въ отчаяніе, жизнь моя пошла кое-какъ, дома находила на меня тоска, и тогда я шелъ гулять, забыться на опасномъ промыслѣ.

Спѣшилова обсудили въ арестанскія роты, а мужи-ченка въ тюрьму.

Началось третье дѣло. Три молодыхъ парня,

спибъ съ ногъ мужика, топтались на немъ, сломали у него ребра, такъ что онъ вскорѣ же умеръ. Свидѣтели показали, что одинъ изъ парней не топтался на мужикѣ, а только пнулъ его въ ногу. Всѣхъ трехъ парней сослали на четыре года въ каторжныя работы.

На слѣдующій день разборъ начался съ дѣла, по обвиненію неграмотнаго мужика въ подлогѣ.

На волостномъ судѣ истецъ взыскивалъ съ обвиняемаго шесть рублей. Мужикъ заявилъ на судѣ, что онъ деньги истцу уплатилъ, и въ доказательство этого представилъ росписку, выданную истцомъ. Истецъ призналъ росписку подложной. Дѣло перешло въ окружный судъ.

Мужикъ оправдывался тѣмъ, что онъ деньги своему кредитору уплатилъ и въ томъ тотъ выдалъ ему росписку; кто писалъ эту росписку, онъ не знаетъ, такъ какъ онъ человѣкъ неграмотный.

Судъ обсудилъ его въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ.

Всего вѣроятнѣе, что мужикъ, въ избѣженіе платежа денегъ по роспискѣ, по которой можетъ быть и на самомъ дѣлѣ былъ уплаченъ долгъ, обратился за съвѣтомъ въ городѣ къ подпольному адвокату, пьянчугѣ, и тотъ, не иначе, написалъ ему отъ имени истца подложную росписку и посовѣтовалъ представить ее въ судъ. Темный мужикъ, не подозрѣвая, какія могутъ быть отъ этого печальная для него послѣдствія, подалъ росписку, и попалъ въ тюрьму.

Предсталъ на судъ подъ конвоемъ крѣпкій съ просьбою старикъ.

Года два тому назадъ сослали за убийство въ ка-

торжная работы его сына, послѣ котораго осталась молодаia, красавая невѣстка. Старику невѣстка полюбилась и онъ къ ней стала приставать; но невѣстка къ нему не благоволила, и сосѣдямъ жаловалась, что отъ свекра совсѣмъ нѣть житья, хоть налагай на себя руки. Мало этого, свекоръ стала невѣстку ревновать къ молодому настуху и слѣдить за ними.

Въ лѣсу онъ засталъ ихъ въ самый разгарь ихъ любви... пришелъ въ бѣненство и тутъ же на мѣстѣ, не давъ имъ даже подняться, безчеловѣчно ихъ убилъ находившимся у него въ рукахъ топоромъ, а потомъ, уже надъ мертвыми издѣвался: проводилъ, разрѣзывая, по лицамъ и по головамъ ихъ остриемъ топора, затѣмъ, застриль колья и всунулъ имъ въ проходы. Въ преступлениі онъ сознался, говорилъ, что онъ убилъ, но какъ это случилось, онъ не помнить, потому что у него въ то время помрачился умъ. Его присудили на двадцать лѣтъ въ каторжныя работы.

Потомъ обвинялась въ убийствѣ своего мужа девятнадцатилѣтняя красавая его жена. Она объяснила, что мужъ былъ ей не любъ и постоянно ревновалъ ее къ свекру.

Когда онъ, возвращаясь съ праздника, лежалъ пьяный на земль и ругать ее, она схватила подвернувшийся подъ руку камень—онъ оказался семнадцать фунтовъ—и убила мужа. Присяжные ей даже не дали синхожденія. Судъ приговорилъ ее на шесть лѣтъ въ каторжныя работы.

Сейчасъ будешь слушаться дѣло Ивана Тихонова,—объявилъ предсѣдатель.—Приведите сюда подсудимаго.

Застучали сапогами и забрякали ружьями два конвойныхъ и Ванька сѣя на скамью подсудимыхъ.

Ванька признался себѣ виновнымъ въ томъ, что о

Ильинъ днѣ колонулъ Ерунду коломъ по головѣ за то, что тотъ безъ всякой причины его самого поколотилъ въ Вознесеньевъ день: коломъ проломилъ ему голову. Свидѣтели подтвердили его показаніе, а врачъ удостовѣрилъ, что смерть Ерунды послѣдовала отъ нанесенного ему коломъ удара.

Прокуроръ объяснилъ, что сознаніемъ подсудимаго и показаніями свидѣтелей безусловно установлено, что Тихоновъ ударилъ коломъ Ерунду; что смерть его послѣдовала отъ этого удара, удостовѣряетъ врачъ-экспертъ, и что если такимъ тяжелымъ орудіемъ нанести ударъ по головѣ такой добрый молодецъ, то онъ сознаетъ, что причиняетъ тяжкую рану,—почему онъ и надѣется на присяжныхъ засѣдателей, что они признаютъ Тихонова виновнымъ въ приписываемомъ ему преступлѣніи, въ нанесеніи Ерунду съ умысломъ тяжкой раны, отъ которой тотъ умеръ.

Ванька обратился къ присяжнымъ:

— Вѣдь я не хотѣлъ убивать Ерунду, а только думалъ отплатить ему за нанесенные мнѣ въ Вознесеньевъ день побои: онъ тогда хлестнулъ меня три раза по головѣ коломъ, который поувѣсистѣ этого будетъ, такъ что я съ недѣлю не вставалъ съ постели, самъ едва не умеръ,—а я колонулъ его только одинъ разъ, то за nimъ остались еще два удара.

Предсѣдатель замѣтилъ ему, что онъ въ убийствѣ и не обвиняется; а если его Ерунда билъ коломъ по головѣ, онъ долженъ былъ жаловаться суду, а не расправляться съ обидчикомъ своими руками.

Предсѣдатель просилъ присяжныхъ взвѣсить всѣ доказательства, представленныя обѣими сторонами, въ пользу обвиненія и въ защиту обвиняемаго и рѣшить дѣло по убѣждѣнію своей совѣсти.

Присяжнымиъ всѣ доказательства въ пользу обви-
ненія были на лицо, къ тому же противъ дракъ, сильно
распространенныхъ въ ихъ мѣстности, они были сильно
предубѣждены, поэтому они, не задумываясь ни сколько,
вынесли Ванькѣ обвинительный приговоръ, а суды объ-
явили, что онъ ссылается въ каторжную работу на два
года.

Не видя свѣту свѣту, Ванька вышелъ изъ суда—
онъ лишился послѣдней надежды; а сзади, плача, до
тюрьмы провожать его отецъ.

XVI.

Самъ по себѣ судъ съ присяжными засѣдателями
есть судъ хороший. Онъ, сравнительно, дѣлаетъ мало
промаховъ. Каждое дѣло внимательно просматривается
слѣдователемъ, прокуроромъ, судебная палата и окружный
судъ, которые наблюдаютъ, чтобы правосудіе той и дру-
гой стороны не пострадало. При разсмотрѣніи каждого
дѣла участвуютъ суды, люди хорошо подготовленные
къ своей должности, знакомые съ правомъ, и присяж-
ные, хорошо знающіе мѣстныя условія жизни, загляды-
вающіе въ душу преступника и сообразующіе, при
оцѣнкѣ преступленія, съ мѣстными условіями жизни
обвиняемаго.

Этотъ судъ вполнѣ хорошъ для болѣе состоятель-
ныхъ преступниковъ: они могутъ нанять для защиты
себя опытныхъ адвокатовъ, которые при знаніи зако-
новъ являются противосѣсомъ обвинительной власти,
такъ что тогда скалки обвиненія и защиты находятся
въ равновѣсіи, слѣдовательно и правосудіе стоить на
своемъ мѣстѣ. При бѣдномъ же преступникѣ, не имѣю-
щемъ средствъ, чтобы нанять себѣ хорошаго защитни-
ка, стороны нападенія и самозащиты далеко неравны.

Прияжными засѣдателями въ уѣздныхъ городахъ, когда туда временно пріѣзжаетъ окружный судь, являются болѣе простые, малограмотные, обитавшіе ранѣе въ глуши, мужики. Дома же они не смѣютъ что-либо возразить не только приставу, даже уряднику, которые, да же иногда сираведливые доводы мужиковъ останавливаютъ своимъ неизмѣннымъ: „Молчать! Я на тебя составлю протоколь и посажу подъ арестъ!“—то прияжные въ силу привычки или иногда совѣтъ невольно, подчиняются убѣжденію прокурора, такъ краснорѣчиво глаголѣствующаго, который даже вѣрь мелчайшія доказательства обвиненія подчеркнетъ и не только представить имъ на лицо, да еще разукрасить ихъ своими словами,—тогда какъ темный безграмотный преступникъ иногда не можетъ выразить даже двухъ словъ въ пользу своего оправданія.

Большею частью прокуроры сильно налагаются на обвиненіе, хотя имъ по закону и вмѣняется въ обязанность держаться средины; но они сами невольно увлекаются своимъ дѣломъ и даже восторгаются и гордятся, если они почти по вѣдѣмъ дѣламъ запрячутъ преступниковъ въ тюрьму, въ арестанскія роты и въ каторжныя работы. Но если бы прокуроры заглянули въ души преступниковъ, иногда еще хорошихъ людей, случайно впавшихъ въ преступленіе, а единственностью по милости ихъ неоправданныхъ или осужденныхъ болѣе тяжкому наказанію чѣмъ слѣдуетъ, просмотрѣли бы потомъ всю искалѣченную ихъ жизнь, ихъ душевный и тѣлесный страданія, скорби и лишенія,—то пришли бы отъ того не въ восторгъ, а въ горе, пожалѣли бы несчастныхъ обвиняемыхъ, которые, большею частью на самомъ дѣлѣ не такъ преступны, какъ они представаютъ предъ судомъ,—и тогда стали бы хладнокровно разматривать дѣла, стали бы обвинять только то,

что достойно обвиненія, и заботились бы о томъ, чтобы судъ, правда и милость шли рука обь руку и торжествовали бы.

И господъ защитниковъ нельзѧ похвалить: они только въ исключительныхъ случаяхъ возьмутся изъ-за истины защищать человѣка, а требуютъ себѣ отъ него громадного, не по средствамъ преступника, вознагражденія, рублей по пятидесяти по сту за дѣло; иногда они ввергаютъ преступника двойному наказанію: въ дѣлѣ-то не помогутъ своей защитой, да вдобавокъ и раззорятъ его.

Этотъ пробѣль легко бы устранить: назначить бы при каждомъ окружномъ судѣ двухъ или трехъ защитниковъ законовѣдовъ, и вмѣнить имъ въ обязанность—вести уголовное дѣло каждого преступника, обращающагося къ нимъ за защитой. Тогда бы стороны обвиненія и защиты были бы равны. Да и вообще-то, для нашего темнаго народа крайне необходимы общественные добросовѣстные адвокаты, которые бы и советомъ и дѣломъ помогали бы имъ.

Будь защитникъ при дѣлѣ Ваньки, то онъ навѣрно бы не попалъ въ каторжныя работы, а ограничился бы временнымъ исправленіемъ въ арестанскихъ ротахъ или даже въ тюрьмѣ. Это не такой преступникъ, который нетерпимъ обществомъ и вреденъ для него, но онъ былъ бы здоровый сильный хлѣбопашецъ въ потѣ лица добывающій себѣ и другимъ хлѣбъ.

Зашитникъ сумѣлъ бы внушить присяжнымъ, что Ванька, когда наносилъ коломъ ударъ по головѣ Ерудѣ, не могъ находиться въ спокойномъ состояніи, потому что самая драка сильно возбуждаетъ, особенно если человѣкъ находится въ пьяномъ видѣ и если участвуютъ въ дракѣ близкія ему лица товарищи. Ванька же,

которому недавно Ерунда не за что не про что напесъ коломъ три удара по головѣ, чутъ не лишилъ его жизни, причинилъ ему въ теченіе недѣли сильныя страданія, при видѣ своего врага тѣмъ болѣе пріицель въ раздраженіе,—то, принимая во вниманіе все это, по совѣсти осуждать его нужно было за причиненіе тяжкой раны, отъ которой послѣдовала потерпѣвшему смерть, не въ спокойномъ хладнокровномъ личномъ состояніи, а въ запальчивости и раздраженіи, однакоже сознательно, за что законъ наказываетъ гораздо легче: вмѣсто каторжныхъ работъ назначаетъ арестанскія роты или даже тюрьму.

Присяжные, на основаніи приведенныхъ выше доводовъ, исходатайствовали бы предъ судомъ постановки другого вопроса: виновенъ ли Тихоновъ въ нанесеніи тяжкой раны въ запальчивости и раздраженіи, а тогда навѣрно бы по первому не нашли поступка, а по второму бы отвѣтили: да, виновенъ.

Или въ дѣлѣ, гдѣ одинъ ушелъ въ каторжныя работы только за то, что за компанию съ товарищами—пнуль потерпѣвшаго въ ногу, при защитникѣ это едва ли могло случиться: за это есть другое наказаніе—легкіе побои.

XVII.

Не все хозяйство Таганьки и Тиники шло ровнымъ ходомъ, что только они знали, что посѣяли рожь, овесъ, ячмень, пшеницу и ленъ, а потомъ осенью собрали хороший урожай, что хлѣба имъ хватало не только на круглый годъ, а остатокъ еще продавали; но въ теченіе сорока лѣтняго хозяйственія на свободѣ, хозяйство ихъ иногда капризничало, не вознаграждало ихъ труды, ставило ихъ въ тяжелое положеніе; проходилъ же несчастный годъ, удавался урожай, опять жизнь ихъ на-

равлялась на обычный путь и они съ обычной энергией продолжали земледѣліе.

Таганыкѣ и Типикѣ пришлося испытать не одинъ неурожай, когда не приходилось снимать съ полей хлѣба самъ второй, а однажды не сросло даже сѣмѧнъ.

По два года подъ-рядъ еще осенюю всю озимь выѣхъ червякъ, такъ что все ихъ труды при обработкѣ озимого поля пропали бесполезно. Весною кое-какъ сбившись на сѣмена, на голое черное озимое поле сѣяли ячмень и овесъ. Тогда весь годъ приходилось пытаться овсянымъ и ячменнымъ хлѣбомъ.

Въ одно лѣто градомъ, падавшимъ цѣлыми кусками льда, во время цвета выбило рожь до основанія. Тяжело было хозяевамъ, такъ недавно видѣвшимъ свое прекрасное, волнующееся, въ ростъ человѣка, ржаное поле съ длинными колосьями, смотрѣть透过 какихъ нибудь часа два, какъ вся ихъ надежда, все ихъ богатство, отъ которого зависѣло благосостояніе цѣлаго года, погибло!

Поле представляло безотрадный видъ. Такъ еще недавно гордо подымавшися колосья печально растянулись по землѣ, словно войско, сраженное невидимой рукой; торчали въ полуаршинѣ отъ земли одни стебли, лишенные колосьевъ и половины соломы. Вотъ, наклонившись до самой земли своей головой, колосомъ, изгибается переломленная на нѣсколько колѣнъ солома.

Метелька, почувствовавъ свободу, тянется кверху, заглушила поверженную во прахъ свою сосѣдку. Голубенькие васильки тамъ и здѣсь съ любопытствомъ выглядываютъ на поле. Далеко-далеко другъ отъ друга, какъ сиротки, уныло качаются слабые молоденькие колоски. Они еще болѣе своимъ видомъ наводятъ уныніе на душу, напоминая, что еще недавно тутъ было цвѣ-

тущее поле, кормилицъ цѣлой деревни, а теперь его нѣть.

Далѣе картина еще безотраднѣе. Тутъ градъ шель и разрушалъ все съ какимъ-то сильнымъ ожесточеніемъ: вся растительность на полосахъ была перебита, перекъята, лежала кое-какъ на землѣ, такъ что трудно было понять, что тутъ такое и есть: была какая-то безформенная, безвременно-лишенія жизни масса.

Поле черезъ нѣсколько дней послѣ града приняло желтый безжизненный видъ.

Таганька и Тиника, выйдя въ поле, долго грустно и молча смотрѣли на него. Имъ было больно и обидно, что они честно, неутомимо работали, положили на обработку поля столько силъ и набросали въ землю хлѣба, и вотъ, въ какія-нибудь часа два всѣ ихъ труды прошли безслѣдно! Невольно изъ глазъ ихъ вывернулись слезы.

„Видно такъ Богу угодно,—проговорилъ Таганька:—видно Онъ за грѣхи наказываетъ насть, чтобы мы въ нихъ покаялись.“

Бабы нѣсколько дней не осушали глазъ своихъ и безъ слезъ не могли пройти мимо погибшаго поля.

Не по одно лѣто стояла засуха. Рожь уродилась сама четвертая, а у иныхъ сама вторая. Половинѣ деревни пришлось съ Рождества покупать хлѣбъ.

Ранніе осенніе и поздніе весення заморозки вредили хлѣбу, истощали его. При частыхъ проливныхъ весеннихъ дождяхъ хлѣбъ вымокалъ, а при лѣтнихъ почти безпрерывныхъ дождяхъ, болѣе сильная и частая рожь и яровое ложились на землю и гнили. Дожди иногда вредили и при уборкѣ хлѣба: нерѣдко отъ сырости зерно въ суслонахъ и грудахъ разбухало и пропростало. У нѣкоторыхъ хозяевъ не имѣлось гумени-

ковъ, хлѣбъ складывался въ груды; тамъ въ дождливую осень его промачивало, и груды проростали.

Погода во время цвета хлѣба сильно влияла на урожай: самая благопріятная для урожая была ясная и тихая погода, когда хлѣбъ процвѣталь въ какихъ-нибудь днія три, четыре; сильный вѣтеръ и дождь вредили урожаю: колосья выходиль неполный зернами; жаркая сухая погода во время налива хлѣба вредно отражалась на урожаѣ, зерно было мелкое, тогда какъ при сѣрой или ясной съ перспадавшими дождями погодѣ, зерно наливалось крупное. Наливъ во время ясной погоды давалъ болѣе бѣлый хлѣбъ, а въ сѣрую погоду болѣе темный.

Въ посѣвѣ даже самый опытный хозяинъ не могъ точно сообразоваться—онъ не знаетъ, какая будетъ осень, весна и лѣто. Если простоять онѣ холодныя или сильно сухія, то лучшее посѣять почаше, такъ какъ тогда меныши зерень взойдетъ, многіе ростки погибнутъ отъ заморозковъ, отъ засухи—и посѣвъ выйдетъ настоящій. Случись же теплая дождливая погода, этотъ же посѣвъ будетъ плохимъ, на худой землѣ хлѣбъ взойдетъ частымъ, слабымъ, мало колосистымъ и брунистымъ, а на хорошо-удобренной землѣ онъ весь изляжетъ, подопрѣтъ, мѣстами изростетъ, появится новый всходъ и тогда получится плохой урожай. Хороший опытный хозяинъ сѣть по среднему, сообразуясь съ качествомъ земли и количествомъ удобрения: гдѣ земля плодородна и хорошо удобрена, онъ сѣть по рѣже, а гдѣ плоха, почаше. Пожилой хозяинъ въ теченіе своей жизни изучить каждый аршинъ своей земли и знать, гдѣ и какъ сѣять.

Обработка земли производилась, какъ и прежде, тѣми же сохами, боронами, серпами, молотилами, граблями и метлами.

Въ послѣднее время, у зажиточныхъ крестьянъ ~~стали~~ проворгиваться плуги. Одни хвалили ихъ, а другие не могли присноровиться къ пашинѣ плугомъ съ колесикомъ, съ которымъ пахать гораздо легче; у нихъ, когда колесико вѣдеть на бугорокъ, то плугъ почему-то не захватывалъ земли. Изъ-за этого нѣкоторые колесики съ плуговъ сняли, а безъ нихъ пахарю тяжело: на поворотѣ пахарю надо почти весь плугъ тащить на своихъ рукахъ. Да въ ихъ мѣстности не было хорошихъ кузнецovъ, такъ что если поломается плугъ—то и починить его некому. Лошади же у многихъ крестьянъ слабосильны, заморены, то плуги при пашинѣ имъ были тяжелы; нѣкоторымъ же не позволяла пахать плугомъ черезъ-чуръ каменистая почва. На глинистой землѣ крестьяне признали плуги для пашни негодными, такъ какъ плуги не разрыхляли землю, цѣликомъ переворачивали пластъ. Борона же не могла разрыхлить эту пластъ. Хлѣбъ родился плохъ. Нѣкоторые опять возвращались къ своимъ сохамъ. И хлѣбъ, по словамъ крестьянъ, родился лучшіе.

Всего большие заботы у крестьянъ было при уборкѣ сѣна: и уродится трава хорошая, не знаешь, какое выставишь сѣно. Иногда только подкосять пожни, какъ пойдутъ дожди; сѣно недѣлю, двѣ лежить подъ дождемъ: его и посушить и помочить нѣсколько разъ, оно темнѣеть, а потомъ сгниваетъ, только и остается, что стлать его въ наземъ. Или, придутъ на сѣнокосъ, находившійся отъ деревни въ пяти, десяти, у нѣкоторыхъ пятнадцати верстахъ, скосить траву, а тутъ пойдутъ все дожди и дожди. Нолежать тамъ день, два, иногда съ недѣлю, въ ожиданіи хорошей погоды, сѣдѣть весь запасъ пищи, а дождь не унимается, и поплѣтется домой, чтобы въ другой разъ опять прийти на такой дальний сѣнокосъ.

При неурожаѣ сѣна, по одну позднюю весну многим пришлось за безцѣнокъ продавать коровъ, лошадей, овецъ, необходимыхъ для хозяйства, платить за сѣно по сорока, по пятидесяти копеекъ за пудъ, да и то достать было негдѣ, тогда какъ въ другое время, даже съ осени этого года, пудъ сѣна стоилъ отъ десяти, до двадцати копеекъ. Нѣкоторые скормили съ крыши даже всю солому. Коровы весною до того обезсилѣли, что валялись и не могли вставать, такъ что иногда приходилось ихъ подымать.

Не по одно лѣто было надежь скота—свиѳствовала сибирская язва: въ одно лѣто унесла болѣе половины всего скота. Ветеринарный фельдшеръ, живший отъ нихъ въ сорока семи верстахъ, постыдился ихъ два раза, отвѣль мѣсто подъ коровье кладбище, велѣлъ огородить его, заставилъ карболовкой побрызгать въ хлѣвахъ, и уѣхалъ на другую эпидемію, а потомъ отдохнуть домой.

Чтобы прекратить язву, дѣвки на себѣ тащили соху, и обвѣли вкругъ деревни канавкой. Мужики пригласили священника, принесли изъ церкви иконы и служили молебны, чтобы Господь прекратилъ язву.

Истиннымъ бичемъ каждымъ лѣтомъ, а особенно осенью, были медвѣди и волки. Они похищали у крестьянъ массу скота: лошадей, коровъ, овецъ, телятъ. По одну осень волки, бѣгая стаями, задавили въ ихъ волости болѣе трехъ сотъ животинъ. И противъ такихъ хищныхъ, крестьяне были безсильны. Они много что сберутся весь вмѣстѣ, возьмутъ съ собой сковороды, гаслонки, походять по поскотинѣ, побрякаютъ, покричатъ, пожгутъ муравейники, чего боятся медвѣди, и тѣмъ дѣло ограничивалось. Еще на медвѣдей, хотя и рѣдко, но находились охотники, стрѣляли ихъ, когда они приходили въ поле юсти овесь: устраивали на деревьяхъ,

близъ поваленной медвѣдемъ животинѣ лобаза и караулили медвѣдей; иногда, если охотники сидѣли тихо, онъ подходилъ, и имъ удавалось его убить; но противъ волковъ, крестьяне были безсильны—волки безпрестанно перебѣгали съ мѣста на мѣсто: сегодня повалять скотину въ этой деревнѣ, а смотринь, завтра ужъ убѣжали верстъ за двѣнадцать и уничтожаютъ скотину въ другой деревнѣ.

Зимою же волки похищали собакъ, кошекъ и за ними забирались нерѣдко въ хлѣвы и на повети, гдѣ ихъ мужики кольями убивали. Изрѣдка зимою ихъ травили и ловили въ клепи. Медвѣдей же зимою били въ берлогахъ.

Деревню Житьево посѣтилъ и пожаръ. Баба вынесла на поветь корчагу съ непогашенными угольями, и, не замѣтивъ, что она со щелью, сама ушла на сѣнокосъ. Поднялся сильный вѣтеръ, раздуль уголья и загорѣлся полъ. Огонь пошелъ все далѣе и далѣе и полѣзъ даже по стѣнамъ двора, подбираясь къ соломенной крыши. Увидали дымъ; но въ деревнѣ были одни беспомощные старики, старухи да малые ребята, такъ что тушить огонь было некому. Пламя вырвалось наружу; его сильно раздувало вѣтромъ. Находившіеся по близости мужики и бабы сбѣжались тогда, когда уже огонь охватилъ весь дворъ и перебрался въ избу; тушить съ ихъ средствами—нечего было и думать. Пожаръ они оставили на произволъ судьбы и стали спасать свое имущество, вытаскивая изъ дома, кто чего успѣвалъ схватить. Подоспѣвшіе мужики и бабы изъ окрестныхъ деревень, стали отстаивать отъ огня ближайшіе дома, ломая постройки и заливая ведрами воды огонь, забиравшися на постройки; но помочь ихъ съ сильнымъ огнемъ была ничтоожна.

Да и бороться съ огнемъ въ деревняхъ, гдѣ пост-

ройка вся деревянная, тѣсная, гдѣ крыши у нѣкоторыхъ соломенные, очень трудно: у нихъ кромѣ тяжелыхъ багровъ, ухватовъ, топоровъ, лопатъ, ведеръ—ничего нѣть; а ведромъ съ земли не пленешь воды на крышу—надо все съ водой лазать туда и заливать. Мужики же, непривыкшіе къ пожарамъ, теряются, не знаютъ что дѣлать, безъ толку суетятся; хорошаго руководителя у нихъ нѣть, и при пожарѣ у нѣкоторыхъ такъ просто руки опускались—тутъ воля была огню хозяйствничать.

У Тишкі сгорѣло почти все добро; осталась одна скотина, бывшая на выходу, да что онъ со своей семьей имѣлъ на себѣ.

Послѣ пожара скотину хранили въ огородѣ, гдѣ иоперемѣнно сторожили ее. Наскоро сколотили для себя избушки, склали въ нихъ печки-каменки и жили въ нихъ. Когда управились они съ полевой работой и получили изъ земства страховой преміи по сорока рублей за каждый домъ со всей постройкой, стали осенью и зимою заготовлять лѣсъ на постройку. Больѣ бѣдныя семьи ходили по окрестнымъ деревнямъ сбирать милостынью на погорѣлое мѣсто. Многіе, нуждаясь въ деньгахъ, продавали скотину, а нѣкоторые и купленную землю, отдавая ее за денюжку цѣну—за десятину лѣса по семи рублей, тогда какъ года черезъ четыре за этотъ же лѣсъ платили по двадцати пяти рублей за десятину.

Въ Великій постъ мужики начали строить себѣ избы и дворы; къ концу июня мѣсяца уже было поставлено много построекъ.

XVIII.

Мы теперь просмотримъ жизнь остальныхъ сыновей Таганьки.

Виссарьяка жилъ исправно. Всего было у него до-

вольно, и полный амбаръ насыпанъ хлѣбомъ. Семья у него была небольшая—одна дочь невѣста. Виссарыка и его баба во всемъ скучились, дорожили каждой копѣйкой и приберегали ее. Хотя они работали полегоньку, но такъ какъ семья ихъ не одолѣвала, а вѣс трое они были надобные работники, они не испытали никакого горя и нужды.

Между тѣмъ дочери ихъ минуло двадцать три года, а силы у Виссарыки стали упадать; онъ вздумалъ принять подживотника. Посватался изъ богатаго семейнаго дому женихъ—и вскорѣ сыграли свадьбу. Женихъ принялъ изъ своего дома лошадь, корову, привезъ съ собой еще кое-какое, данное ему отцомъ имущество и поселился у тестя.

Виссарыка съ зятемъ жилье дружно, но зять никакъ не могъ уноровить своей ворчуньѣ, скуной тещѣ: ей все казалось, что зять лѣниво работаетъ, а живеть расхоже, такъ что изведеть на нѣть онъ ихъ имѣніе.

Особенно зарываться на работѣ тестя, зятю не хотѣлось: баба у него была малоздоровая, принесла только одну хилую дѣвченку; помри баба—и его ни съ чѣмъ выгонять изъ тестева дома. Ему ужъ больно надоѣло слушать ругань, ворчаніе и попреки своей тещи, и какъ-то о праздникѣ онъ подвыпилъ и свою тещу потрапалъ.

Теща послѣ этого еще пуще взъѣлась на него, и совѣтъ не стало ему отъ нея житъя. Онъ уговаривалъ свою бабу уйти въ домъ своего отца; но той не хотѣлось разставаться со своимъ домомъ, съ отцомъ, съ матерью; тогда зять, махнувъ на все рукой, ушелъ жить къ своему отцу.

Вскорѣ умерла его баба, и за нею тесть. Осталась во всемъ домѣ одна старая бабушка со внучкой. Став-

руха сама обряжала коровъ и ходила на полевую работу, таская вездѣ съ собой свою внучку, которую она очень любила. Не выrostила она свою внучку и до семи лѣтъ, какъ сама умерла.

Надъ имѣніемъ учредили опеку. Опекуномъ назначили отца малолѣтней. Онъ хотѣлъ онять перебраться въ домъ тестя, но Житьевское общество его въ деревню не приняло, а надѣль земли, оставшійся послѣ Висарыки, передало Глѣбку, у котораго уже скопилась большая семья.

Опекунъ всю скотину, всю сбрую, всѣ экипажи, все платье, весь хлѣбъ постепенно перевезъ, перевезъ въ домъ своего отца и тамъ пользовался ими какъ своею собственностью. Затѣмъ, коровъ, хлѣбъ, а виослѣдствіи домъ съ дворомъ продалъ и деньги постепенно прожилъ.

Сходъ, заранѣе угощенный имъ, при учетѣ принималъ весь выставленный имъ расходъ, не провѣряя, существовалъ или неѣть онъ на самомъ дѣлѣ. При продажѣ имущества опекунъ сильно наживался: напримѣръ, продасть сѣна на пятьдесятъ рублей, а въ приходѣ выставить тридцать, въ карманѣ у него и осталось двадцать рублей. Сходъ же не провѣрялъ продажи имущества: если отецъ не жалѣть имущества своей дочери, то имъ чужого и подавно не жаль.

Родственники малолѣтней по матери пробовали жаловаться земскому начальнику на неправильныя дѣйствія опекуна и схода; но земской прошенія ихъ направлялъ для пересчета на тотъ же сельскій сходъ, который самъ себя не обвинить. Такъ ничего и не вышло. Родственники побились, побились, взяли да и махнули на все рукой.

Къ совершеннолѣтію опекаемой осталось изъ всего

имущества, доставшагося ей послѣ дѣда и бабки, одни обломки отъ экипажей, обрывки отъ сбруи, да тряпки отъ платья.

Третій же сынъ Таганьки, Степка умеръ еще въ молодые годы и оставилъ послѣ себя молодую, здоровую, красивую бабу и пятеро малолѣтнихъ дѣтей: двухъ сыновей и трехъ дочерей. Старшему Федѣкѣ было только десять, а младшему пошелъ второй годъ.

Ногоревала, поплакала баба, да дѣлать нечего— слезамъ горю не поможешь, а ребята-то кормить надо, и стала она править почти всю мужицкую работу. Она сама Ѵздила въ лѣсъ за дровами, сама ихъ рубила и отвозила, сама съ лопатой и съ топоромъ ходила вмѣстѣ съ мужиками чинить дорогу, сама, по возможности, старалась сдѣлать всю, кроме пашни, полевую работу: борошку, сѣнокость, жниву, уборку хлѣба, молоченье; она молотила у себя вмѣстѣ съ мужиками и къ другимъ ходила въ отмолотку. Въ легкой работѣ ей помогалъ Федѣкѣ. По одно лѣто ей совсѣмъ было нечѣмъ заплатить пахарю, то она все лѣто сама пахала, и впослѣдствіи часто выѣзжала на напиню.

Не было отдыху бѣдной бабѣ; цѣлые дни работала она, не покидая руки своихъ; присунется почюю поспать на какіе-нибудь часы нять, шесть—и опять за работу. Бѣется, бѣется, бѣдная, а все нужда забиваетъ ее: надо ребята накормить, обуть, одѣть, обмыть, обѣнить и надо подать заплатить—подать не ждеть: старшина-ужъ описывалъ за подать самоваръ и корову и чуть было ихъ ни продалъ. Помощи же отъ родныхъ совсѣмъ мало; живи сама, какъ хочешь: имъ чередъ поправляться со своей нуждой; у всѣхъ свои больнія семьи и все спѣшатъ напередъ исполнить свою работу.

На грѣхъ, на ее зазрился богатый, пожилой вдо-

вецъ. Онъ стала ее прельять тѣмъ: „Полно тебѣ, баба, биться съ нуждой-то,—постоянно онъ говорилъ ей:—вѣдь трудами праведными не наживешь шалать каменныхъ; а лучшее полюби-ко ты меня, то я тебѣ во всемъ помогу—и ты тогда славно заживешь.“

Вдова сначала его всячески ругала, плевалась, не одинъ разъ молотиломъ па нему сѣдила, но потомъ нужда стала ее совсѣмъ донимать: пошли неурожай—ребятъ не съ голоду будешь морить, а по міру, самой идти—стыдно, ребятъ посыпать—жалко... и вотъ, она, махнувъ на все рукой, загуляла со вдовцемъ.

Словъ не говоря, вдовецъ помогалъ ей деньгами, такъ что жить она стали лучше—въ домѣ ея не было нужды.

Ѳедъкѣ ужъ минуло пятнадцать лѣтъ. Ему обидно и стыдно стало, что къ мамкѣ ходить чужой мужикъ, да и сосѣди напѣвали ему, чтобы онъ прогналъ когда-нибудь вдовца. „Что за стыдъ такой, говорили они: вдовецъ ужъ безъ всякаго стѣсненія ходить къ твоей матери.“

Ѳедъка иолѣномъ прогнали вдовца. Мать разсердилась и прибила Ѣедъку. Но вслѣдъ этого у нихъ пошла между собою постоянная скора.

Вдова забеременѣла; роды произошли неблагополучно—она умерла, оставивъ послѣ себя круглыхъ сиротъ.

Учредили онеку. Но онека не принесла ребятамъ никакой пользы—они были предоставлены самимъ себѣ.

Видя, что надѣятся не на кого, шестнадцатилѣтній Ѣедъка принялъся за хозяйство. Онъ самъ пекъ хлѣбы и пироги, доилъ коровъ, пахалъ, сѣялъ, молотилъ, рубилъ дрова и бревна. Такъ пришлоось кормить семью лѣтъ пять, пока не подросла его сестра, которая и сняла съ него

бабье хозяйство. Сестра года черезъ два вышла замужъ. Федъка стать было оинять доить коровъ, но это ему вскорѣ надоѣло—онъ взялъ, да и женился.

Между тѣмъ, братицо его подросъ. Онъ бытъ тоже нелѣнивый парень и хорошо помогалъ ему во всякой работѣ. И Федъка хозяйствомъ стала заправляться, такъ что у него домъ бытъ исправный, ни въ чёмъ не ощущалось нужды.

Самъ Федъка бытъ толковый парень: онъ самоучкой научился читать и писать. Братицо его уже самъ пахалъ. Видя, что двумъ работникамъ у земли нечего дѣлать, Федъка задумалъ столярничать. Онъ нанялъ столяра на дому работать у него и лѣтъ двадцати пяти стала самъ учиться столярному мастерству. Черезъ годъ онъ уже хорошо исполнялъ деревенскую работу: дѣлать рамы, столы, стулики, инкапы и табуретки, и теперь онъ уже самостоятельно занялся этимъ дѣломъ. За работу онъ брать сходно, то работы у него было довольно. При простой жизни, онъ зарабатывалъ хорошия въ крестьянскомъ быту деньги.

Таганька ужъ стала дряхлый старикъ: онъ совсѣмъ плохо видѣлъ и слышалъ. Силы у него измѣнили: онъ ничего не могъ работать, все болѣе лежалъ на печкѣ и на полатяхъ. За нимъ даже приходилось присматривать, чтобы на повети онъ не оступился бы, куданибудь не свалился и не убился бы.

Такъ какъ семья уже стала большая, фдоковъ было много, а хлѣба иногда не хватало, то, пожалуй, домашніе старикомъ ужъ тяготились. Тинка—еще ничего, не изобиждалъ его и обращался съ нимъ ласково. „Ну, что, старики поработалъ, да меня выростилъ—съ него и довольно, думалъ онъ: хозяйство-то, пожалуй, все поставлено имъ. Смерти Богъ не даетъ, такъ ничего тутъ не по-

дѣлаешь.“ Но старику казалось обиднымъ, что Тишка не во всемъ его спрашивается, съ нимъ не совѣтуетсѧ, а между тѣмъ, все его имѣніе нажито еще имъ же, и онъ ему отецъ. Между тѣмъ умъ у Таганьки стать ужъ не тотъ—слабже, онъ часто забывался; да и Тишкѣ ужъ попрежнему вести хозяйство не приходилось: условія жизни стали другія, гдѣ хлѣбопашество являлось не главнымъ занятіемъ, ужъ выступали на видный планъ посторонніе заработки, поэтому жить попрежнему, поступать по волѣ старика, смотрѣвшаго на міръ старыми глазами—было нельзя.

Невѣстка Таганьки, выведенная изъ терпѣнія недостатками, иногда попрекала его хлѣбомъ, что онъ ужъ болѣно долго зажился, пора бы ему и на тотъ свѣтъ отиравляться, другимъ здѣсь мѣсто опростать. Проходила горячка, она считала себя виноватой и просила у старика прощенія.

Хилый, съ слабыми умственными способностями, съ худыми чувствами, гдѣ ужъ не было для него никакого удовольствія, и видя, что домашніе тяготятся имъ и смотрѣть на него, какъ на лишняго и ненадобного человѣка, который только напрасно Ѳѣсть хлѣбъ, Таганька и самъ не радъ былъ своей жизни, не прочь былъ умереть, да смерть, ровно на зло, не приходила къ нему.

Но вотъ, онъ почувствовалъ, что ему стало тяжело—онъ застональ. Тишка подошелъ къ нему и съ участіемъ спросилъ.

— Что, батюшко, тебѣ не можется? Не сѣѣздить-ли за попомъ.

— Пожалуй... Тишка... сѣѣзди... Что-то меня... прихватило... Кажется... смертоынка приходить.

— Что ты, батюшко, пустяки-то говоришь,—сказалъ

Тишка, которому стало жалко отца.—Еще ты у насъ поживешь. Живи у насъ сколько угодно—мы тебя не переживаемъ.

— Нѣтъ... Чую, Тишка... я не житель.

Тишка запрягъ лошадь и сѣздила за священникомъ. Священникъ исповѣдалъ и причастилъ больного. Тишка отвезъ его домой.

Сосѣди, услыхавъ, что Таганька помираетъ, пришли къ нему прощаться. „Прости меня, грѣшнаго, или грѣшнную,“ то и тѣло говорили они. „Богъ... простить,“ слабымъ голосомъ отвѣчалъ имъ Таганька.

На другой день, утромъ Тишка, заглянувъ на печку и видя, что старикъ не шевелится, окликнулъ его—не отвѣчаетъ, потрогалъ его рукой—онъ уже умеръ.

Тишка съ Олешкой стацали старика съ печи, обмыли его, нарядили въ чистую холстинную рубаху, порты, надѣли на ноги сѣрые катаньки, положили его подъ иконами на лавку, покрыли холстиной, и стали на повети сколачивать новый гробъ.

Въ избѣ собралась вся деревня—проститься со старикомъ. Внесли гробъ въ избу и положили въ него старика. На другой день Тишка, Глѣбко, Олешка и зять подняли гробъ на плечи, снесли его на дровни, въ которыхъ былъ запряженъ свой Каръко. Закрыли крышкой гробъ, привязали его веревкой къ дровнямъ и тронулись къ церкви. Сосѣди провожали до конца деревни, а тутъ за гробомъ осталась одна только близкая умершаго родня.

Привезли гробъ къ церкви. Поставили гробъ въ нее. Приготовили могилу. Тишка сказалъ священнику, что могилу они выкопали и просилъ его отпѣсть панихиду. Пришелъ священникъ, одѣль черную ризу и от-

служиль съ исаломицкомъ по покойникѣ панихиду.

Сыновья, внуки и зять подняли на плечи гробъ, снесли его, спустили въ могилу и засыпали ее землей, а сами пошли въ сторожку поминать покойника: россили тамъ двѣ бутылки водки и закусили пироговъ.

Недѣли чрезъ двѣ Тишкя сдѣлалъ толстый деревянный крестъ и въ воскресеніе поставилъ его на могилѣ отца.

Крестьяне деревни Чернухина совсѣмъ стали жить плохо, что свидѣтельствовала ихъ деревня: дома были худые, крытые кое-какъ на одинъ скатъ, покривившіеся, съ выбитыми въ узкихъ продолговатыхъ рамахъ стеклами. Только человѣка четыре, занявшиесь дѣланіемъ кирпича, жили исправно, ни въ чемъ не нуждались, а остальные перебивались кое-какъ: прожилъ день—и слава Богу, а какъ буду жить завтра—вотъ ужъ не знаю.

Многіе изъ нихъ имѣли по полудуши земли и ту обрабатывали плохо, назыму возили мало, такъ какъ держали больные по одной клячѣ лошадкѣ, да по худенькой коровенкѣ. Истощенная земля давала имъ постоянные неурожай. Чернухинцы удивлялись: тогда какъ у ихъ сестрѣй, у Ёктьевскихъ мужиковъ въ это лѣто урожай озимого и ярового былъ хороший, а у нихъ плохой, хлѣбъ уродился низенький, слабосильный, рѣдкій.

„Вѣрно земля у насть худа, положились они на этомъ. Наша земля наземъ любить, а много взять его намъ негдѣ.“

Покосы ихъ заросли кустарникомъ. Лѣсъ они весь вырубили, остались въ поскотинѣ далеко другъ отъ друга небольшія елки, которыми пользовались только для отопленія своихъ избъ; они были тонки, для продажи

не годились.

Чернухинцы увидѣли, что дома имъ жить положительно нечѣмъ, то и пошли они изъ своей деревни въ чужѣе люди: маленькихъ дѣвочекъ отдавали въ няньки, а парнишекъ въ настухи; взрослые ребята поступали въ работники, а дѣвки въ работницы, старухи поряжались въ няньки.

Нѣкоторые еще совершиенно здоровые мужики и бабы, видя, что хозяйствомъ имъ не прокормиться, совсѣмъ забросили его; сами шлялись по деревнямъ, выпрашивая, Христа ради, милостыню и посылали за сборомъ своихъ ребятишекъ. Привыкнувъ къ этому легкому промыслу, имъ уже не хотѣлось честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ и идти въ наемную подневольную работу, и они весь вѣкъ свой жили нищенствомъ.

Крестьяне же, зная, что отъ тюрьмы и отъ сумы отказываться никому нельзя, со всякимъ, просияющимъ у нихъ на нужду, дѣлились послѣднимъ кускомъ хлѣба; нищихъ, странниковъ и другихъ проходящихъ бесплатно пускали къ себѣ ночевать, а еще иногда напоять чаемъ и покормлять ихъ вмѣстѣ съ собою ужиномъ.

Какъ ни трудна, ни тяжела, ни полна была иногда разныхъ лишеній и невзгодъ жизнь нашихъ крестьянъ, но они до послѣдней крайности держались своей кормилицы-земли; но оторванные отъ земли, сдачей въ солдаты, или, въ силу необходимости, уходомъ на посторонние заработки, они, возвратившись въ деревню, не такъ охотно принимались за хлѣбопашество—имъ уже казалась тяжела и трудна крестьянская работа. Они не могли вновь свыкнуться съ ихъ жизнью, и нѣкоторые снова уходили на чужую сторону, на болѣе легкие заработки.

Попадались между крестьянъ такіе беспокойные люди, которымъ казалось тѣсно и скучно жить въ деревнѣ, душа ихъ требовала разгулья и простору; они шли на фабрики, на заводы, на дорожныя соруженія, въ города на болѣе кипучую удалую жизнь.

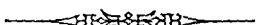
Осѣдлые исправные крестьяне находили много хорошихъ сторонъ въ своей жизни, дорожили и неохотно, даже съ горемъ, разставались съ нею, если ихъ къ тому заставляла нужда.

У исправныхъ крестьянъ есть свои дома, свои огороды, свои поля, свои луга, свои лѣса. Осеню они насыплютъ въ амбаръ хлѣба, которого хватитъ па круглый годъ—и тогда живи безопасно до слѣдующей осени: при хлѣбѣ, на подати и на другіе расходы крестьянину заработать денегъ не очень тяжело. Трудъ ихъ здоровый, полезный и ни отъ кого независимый. Они иютъ, єдятъ добытое своими руками. И грубую пищу—капусту, рѣдьку, крушнику, картошку—они, поработавши физическимъ трудомъ на вольномъ воздухѣ, єдятъ съ такимъ аппетитомъ, что горожанину не приходится съ такимъ удовольствиемъ єсти даже самыя изысканныхъ блюдъ. Угнетеннаго состоянія, тоски, головныхъ болей у крестьянъ, работающихъ большую частью на открытомъ воздухѣ, не существуетъ, и они почти всегда здоровы и довольны своею жизнью.

Но въ послѣднее время число бѣдняковъ и недовольныхъ своею жизнью среди крестьянъ, все прибываетъ и прибываетъ. Многіе работаютъ, бываютъ съ утра и до поздняго вечера, но все живутъ въ нуждѣ, въ горѣ, и какъ ни думаютъ они, но не знаютъ, какъ выбиться имъ, темнымъ людямъ, изъ тяжелого положенія; ждутъ они, но все немогутъ дождаться добрыхъ людей, которые бы подали отъ всего своего сердца руку по-

мощи и повели бы ихъ, радуясь вмѣстѣ съ ними, на
путь счастья, здоровья, благополучія и довольства.

28-го июля 1903 года.

Сельскій Староста

И О В Т С Т Ъ

I.

Домохозяева Пироговскаго сельскаго общества, въ началѣ октября тянулись, какъ муравьи, къ правлению для учета своего старосты и выбора новаго. Сборная изба уже наполнилась народомъ и часть его расположились около дома, па крыльца и на лугу. На крыльца сидѣли три мужика изъ деревни Назаровской: сѣдой стариkъ Софронъ, бойкій лѣтъ сорока солдатъ Макаръ и черноглазый молодой Семенъ, и вели между собою бесѣду:

— Кого-то сегодня выберутъ въ старосты,—обращаясь къ своимъ сосѣдямъ, сказалъ Семенъ.

— А кого, какъ не Рожка,—отвѣчалъ Макаръ:—мужикъ онъ толковый, грамотѣ разумѣть, управить обществомъ, не то, что теперешній завара, который въ дѣлахъ, какъ слѣпой по перегородѣ, бродитъ. Не онъ у насъ староста, а писарь; староста только и знаетъ, что по безграмотству прикладываетъ печать. Отъ него, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

— Такъ-то оно такъ,—началь дѣдъ Софронъ,—но только теперешній староста—кремень, не издержить зря конѣки; небось, вотъ какъ будутъ усчитывать, не много придется за нимъ; а денегъ черезъ его руки прошло—прорва: общество у насъ не маленькое—цѣльыхъ пятьсотъ душъ. Рожокъ вѣдь прость больно, по-

проси у него что—ему не отказать; какъ говорится, послѣднюю рубашку сыметь, да отдать; у старости же постоянно на рукахъ мірскія деньги, чтобы они не скубили его, да и намъ не пришлось бы платить изъ—за его простоты другія деньги.

— Да если онъ и насидитъ, то онъ и отвѣтитъ,—возразилъ Семенъ,—да у него есть чего взять: одной купленной земли рублей на двѣсти будетъ—нани деньги не пропадутъ.

— Тогда какъ хотите: для меня—кого нужно, того и выбирайте, а мнѣ старику не много надо: до учета его мнѣ можетъ быть еще и не дожить...

— Вставай, ребята, да подходи къ избѣ, буду провѣрять!—выйдя на крыльцо, крикнулъ пожилой писарь.

Кряхтя, мужики поднялись и подошли къ избѣ. Писарь громко всѣхъ перекликалъ. Послѣ провѣрки староста предложилъ избрать учетчиковъ.

— Пусть уччитываютъ: волостной старицца Дубовый, Рожокъ и Тихомировъ,—крикнулъ кто—то изъ толпы:—они люди грамотные и смысленные, а Дубовый ранѣе самъ служилъ старостой—то знать эти дѣла!

Всѣ согласились.

Изъ толпы отдѣлились: небольшого роста, еще молодой, плотный, рыжеватый, со свѣтлыми голубыми глазами, Рожокъ, сухощавый длинный Тихомировъ и бородатый Дубовый. Они усѣлись въ переднемъ углу за широкой четырехугольной столъ, на которомъ лежали: толстая денежная книга, щеты, бумага, ручка и стояла изъ подъ лаку бутылка съ чернилами.

Рожокъ сталъ вычитывать статьи прихода и расхода, а два его товарища считали на щетахъ. Писарь и староста сидѣли тутъ же и поясняли недоразумѣнія.

За старостой ни сколько не присчиталось мірскихъ суммъ.

— Спасибо тебѣ, Степанъ,—сказали старики:—ухра-нилъ наши деньги—не пустилъ ихъ по вѣтру. Не хо-чень ли еще послужить.

— Нѣть, братцы, благодарю—послужилъ и будетъ,—говорить староста, кланяясь въ поясъ:—со службой хло-потъ много; въ три-то года некогда было больно за хозяйствомъ присмотрѣть, то надо кое-что исправить: упус-тишь хозяйство, послѣ не вдругъ его по старому пус-тишь.

— Ну, когда спасибо и на этой службѣ.

— Старый не хочетъ болѣе служить,—обратился къ мірянамъ старшина Дубовый,—надо выбирать новаго. Кого хотите?

— Рожка!—закричали всѣ.—Просите, ребята, его!

Рожокъ всталъ и обратился къ мірянамъ:

— Братцы, увольте меня: семья у меня большая—семь человѣкъ, а работникъ я одинъ; общество не малое—много хлопотъ по нему; не управить мнѣ вдругъ и въ обществѣ и въ хозяйствѣ; станешь слѣдить за хозяйствомъ, будетъ упущеніе въ обществѣ. Земскій началь-никъ строгій: то и дѣло будетъ наказывать, штрафо-вать, да подъ арестъ садить. Займешься толкомъ общест-вомъ—хозяйство запустишь, а вѣдь я отъ хозяйства живу, оно меня и семью кормить. Надо, братцы, съ должностю не нарушить его: отволочки по службѣ частвыя, подмоги дома нѣть: и старшему-то сынишкѣ восемь лѣтъ, вѣдь не пошлишь его на пашню. Жалованье двад-цать рублей въ годъ больно не велико: не видаешь, какъ оно между нальцами пройдеть.

— Не упрямься, послужи обществу,—уговаривали мі-ряне.

— Служить обществу я всегда радъ, но и вы то пожалѣйте меня. Вѣдь служба въ конецъ разорить меня.

— Мы тебѣ прибавимъ жалованья—дадимъ вмѣсто двадцати сорокъ рублей. Можно будетъ жить... Ну, полно тебѣ упираться, давай, молись Богу.

— Дѣлать нечего: міръ хочетъ меня—я болыно перечить ему не стану. Сколько я могу, постараюсь для общества.

— Ребята, Рожокъ согласенъ,—сказалъ Дубовый.— Молитесь Богу, чтобы Богъ далъ ему счастливо служить: намъ на пользу, да и ему не на вредъ.

Настала въ избѣ тишина. Всѣ, устремивъ глаза въ нередній уголъ, крестились и говорили: „Дай, Богъ, дай, Богъ, ему счастливо служить.“

— Пиши, писарь, приговоръ,—приказалъ Дубовый.

— Вотъ что, братцы,—обратился къ сходу солдатъ Макаръ:—за учетомъ, да за выборомъ старости у насъ прошелъ цѣлый день; вѣдь мы все проголодались—навѣрно у многихъ брюхо подволокло. Не худо бы чайку съ кренделями попить. Вѣдь старому старостѣ съ благополучнымъ учетомъ, а новому съ выборомъ въ должность, слѣдуетъ насть угостить. Какъ вы думаете. А?

— То не худо бы,—проговорили міряне.

— Ну, какъ, старости, будеть отъ васъ милость?— спросилъ Макаръ.

— Братцы, васть много, а жалованье мнѣ платили невелико—мнѣ не изъ чего вамъ давать,—сказалъ старый староста,—да и отъ начальства за это чего не было бы: узнаеть, такъ придется къ учету, скажеть, за деньги учтѣть произвели, да выбрали нового старосту; тогда вамъ будеть другая волокита, да и намъ чтобы

не влетѣло.

— Мы не на водку просимъ, а на чай и на крендели. Намъ немногого надо: всего два рубля съ братомъ.

— Братцы, мнѣ обидно вамъ давать столько, сколько дасть Рожокъ: ему жалованіе вы дали вдвое больше моего, а служба одна.

— Тогда съ тебя довольно полутора рубля, а съ Рожка за выборъ и за прибавку вдвое—три рубля. Идеть?

— Коли такъ, то я не перечу.

— И я тоже,—согласился Рожокъ.

Раздѣлавшись съ приговоромъ, гдѣ досталось грамотнымъ: иному, кромѣ себя, приходилось расписываться за десять неграмотныхъ,—мужики, шумно разговаривая, довольные покатили въ трактиръ, находившійся неподалеку отъ правленія, пить чай съ кренделями.

II.

Прошла осень. Наступила зима. Рожокъ познакомился со своею должностю. Лѣто было урожайное, то осеннюю половину податей мужики платили исправно и взысканіе ихъ не очень затрудняло.

Около Рождества Рожокъ получилъ изъ правленія извѣщеніе, что его требуетъ для личныхъ объясненій земскій начальникъ. Староста просто не зналъ на что и подумать, зачѣмъ его приглашаетъ земскій начальникъ.

„Кажется, никакихъ у меня по службѣ упущенній нѣть, думалъ онъ, и вины за собой никакой не знаю. На что я ему? Да дѣлать нечего, не самъ большой—надоѣхать.“

Запрягъ онъ свою лошадь въ длинныя лубочныя сани и потащился къ земскому начальнику, который жилъ отъ него за сорокъ верстъ. Въ десять часовъ утра

староста уже былъ въ его камерѣ, дожидаясь пріема своего начальника.

Въ часъ дня вышелъ земскій и обратился къ нему:

— Что тебѣ надо?

— Сельскій староста Нироговскаго общества,—объяснилъ Рожокъ,—явился по вашему приказанію.

— Староста, ты знаешь кто я?—спросилъ земскій.

— Какъ не знать,—мой начальникъ, господинъ земскій начальникъ.

— А какъ же такъ: ты служишь уже три мѣсяца и до сихъ поръ не являлся ко мнѣ, какъ своему непосредственному начальнику?

Этотъ вопросъ удивилъ старосту: онъ все время жилъ, не выползая, въ своей деревнѣ и не знать какъ обращаться съ начальствомъ.

— Дѣла ранѣе къ вамъ не было, то безъ дѣла, я думалъ, зачѣмъѣхать, попусту утруждать васъ,—просто отвѣчалъ староста.

— Ты, какъ мой подчиненный, обязанъ быть сразу, по утвержденіи, явиться ко мнѣ и представиться. А то служить у меня подчиненные и я ихъ не знаю. На первый разъ твой поступокъ я прощаю, а на слѣдующій разъ будь поисправнѣе передъ своимъ начальствомъ. Теперь можешь идти домой.

Выйдя изъ камеры, староста совсѣмъ удивился и не знать, на что приглашали его земскій начальникъ.

„Неужели только посмотретьъ его, думалъ онъ. То изъ-за такихъ пустяковъ не стоило бы тревожить меня: изъ-за поѣздки я потерялъ два дня,—досталъ бы въ это время въ вывозкѣ лѣса полтора рубля, а теперь они съ неба мнѣ не свалятся.“

Весной староста гонялъ плоты внизъ по рѣкѣ. Земскій узналъ про это. Онъ опять вызвалъ его для

личныхъ объясненій.

Во время самаго весеннаго посѣва, староста въ грязь отправился къ нему.

— Какъ ты смѣешь отлучаться безъ моего спросу!— обратился къ нему земскій.— Ты знаешь, что безъ моего разрѣшенія; ни на шагъ не долженъ отлучаться изъ своего общества. Пріѣдешь къ вамъ, нужно дѣло дѣлать, а вѣдь и съ собаками не сыщешь.

— Да какъ же, баринъ, быть: я вѣдь не жалованіемъ, а отъ своихъ рукъ живу; а если на сторонѣ не добуду, то мнѣ совсѣмъ нечѣмъ жить,—жалованье сорокъ рублей недалеко подернешь.

— Ты обязанъ взять отъ меня разрѣшеніе—тогда можешь отлучаться.

— Баринъ, вѣдь къ вамъ идти надо сорокъ верстъ, потеряешь два дня, да можетъ еще попусту—вѣдь не застанешь дома, а крестьянину дорогъ каждый день...

— Молчать!—крикнула начальница.—Онъ еще вздумать возражать. Знай и напередъ: безъ моего разрѣшенія—ни шагу. Я не позволю, чтобы у меня подчиненные, куда вздумали, туда иѣхали; вы всегда должны быть готовы къ исполненію своихъ обязанностей. А чтобы впередъ ты самовольно такъ не поступалъ, то я тебя штрафую на пять рублей.

Повѣсивъ голову, староста вышелъ отъ земскаго и, тяжело вздохнувъ, сказалъ: „Охъ, баринъ, баринъ, если бы ты знать, каково достались мнѣ эти пять рублей, отъ которыхъ у меня кровяныя мозоли на рукахъ: не поспалъ бы ты за нихъ почти три ночи, да помахалъ бы, работая на плотахъ, тяжелыми веслами, да съ однимъ сухимъ хлѣбомъ и черствыми пирогами номерзъ бы по ночамъ, когда вода стынетъ, да помѣсилъ бы ногамъ грязь, идя обратно сто двадцать верстъ,

то, хотя бы я бытъ тутъ и неправъ, то пожалѣль бы меня и не оштрафовалъ бы на пять рублей, тѣмъ самыи не лишилъ бы меня добытыхъ за все это время денегъ.“

III.

Въ августѣ мѣсяцѣ у Рожка бытъ сельскій сходъ.

Наслѣ окончанія всѣхъ дѣлъ, староста обратился къ міранамъ:

— Братцы, у насъ общество не малое, а далеко отстоитъ отъ села, гдѣ находится школа; большая половина общества расположена за волокомъ, такъ что самыи близкими ребятишкамъ заволочаинъ, надобно бѣжать въ школу болѣе пяти verstъ, поэтому обучать нашихъ ребятъ въ селѣ больно „не сподручно:“ многіе ребятишки изъ-за этого у насъ остаются неучеными; а неученому нынче больно плохо: вѣдь непопусту говорятъ, что ученье—свѣтъ, а неученъе—тьма. Не худо бы намъ завести у се-бя особое училище.

— Мы безъ училищъ, слава Богу, прожили; ребятъ выкормили и внуки безъ нихъ проживутъ,—вразиль изъ толпы дѣдъ Софронъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, дѣдъ Софронъ,—говорилъ староста:—прежде не какъ нынче—было больно просто жить. Вы сидѣли у себя дома на печи; иной во всю свою жизнь даже не повидаетъ своего города; нынче—волей-неволей приходится многимъ жить въ чужихъ людяхъ: одни идутъ на дѣйствительную военную службу, другіе въ ратники, не мало уходятъ на зароботки . Возьми хоть военную службу—спроси любого здѣсь солдата, поступившаго туда неграмотнымъ, каково ему досталась тамъ темнота-то?

— И-и, упаси Богъ на службѣ неграмотному,—сказалъ еще молодой, недавно вернувшийся со службы

солдатъ:— я испыталъ на себѣ и закажу лихому ворогу, чтобы училъ рѣбять. Ну, гимнастику, ружейные пріемы, стрѣльбу и все строевое обученіе можно понять и безъ грамоты, а при словесномъ ученіи неграмотному—чистое наказаніе! Унтеръ тебѣ скажетъ разъ, два, много три—не запомнишь—въ усть да въ рѣло. А гдѣ тутъ запомнить сразу мудреные военные чины, имя, отчество и фамилію своихъ начальниковъ. Иногда и дѣсять разъ унтеръ скажетъ, перепутанъ, изъ терпѣнія его выведеній... и влѣпить онъ тебѣ отъ всего усердія оплеуху, да и ноши ее за бархать; а посмотринъ—грамотные сидятъ одни себѣ, да словесность по книжкѣ и учатъ. Ты болтаешься, такъ бы и поучиль бы свои уроки, да темень—ничего не подѣлаешь. Позавидуешь грамотнымъ, да и ругненіе своего батьку, что оставилъ меня на весь вѣкъ темнымъ человѣкомъ. Про чужую сторону и говорить нечего—неграмотный чертоловъ тамъ: копай за пустяки землю, да таскай ее на себѣ на тачкахъ; а грамотные-то—шатай-валай загребаютъ денежки.

— Что и говорить,—подтвердилъ молодой мужикъ изъ толпы:—грамотному жить полегче. Такъ къ примѣру сказать: служа десяткимъ, иногда набѣгаешься съ приказомъ по всей деревнѣ, чтобы узнать, что въ немъ написано. Да только какъ приступить къ этому дѣлу? Поди съ училищемъ расходовъ много будетъ.

— Если расходовъ избѣгать, тогда намъ ничего не дѣлать.—замѣтилъ староста,—а если требуются деньги и на полезное необходимое дѣло, которое впослѣдствіи сторицю окупится, то почему же намъ не расходовать деньги? Да это дѣло встанетъ не такъ дорого, какъ вы думаете. Мы сейчасъ составимъ приговоръ и станемъ просить будущее земское собраніе, чтобы оно открыло у насъ земс҃кое училище, съ тѣмъ, чтобы оно дало содержаніе учителю, законоучителю и отпускало

бы ежегодно необходимыя книги, учебныя пособія и мебель, а мы съ своей стороны обяжемся дать квартирь, отопленіе и освѣщеніе. Собраніе будетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и просьбу нашу навѣрно удовлетворить.

— Гдѣ же мы возьмемъ вскорѣ домъ подъ училище? — спросили нѣкоторые изъ мужиковъ.

— Какъ собраніе постановить открыть у насъ училище, то на первое время, пока не выстроимъ подъ училище новый домъ, я пущу къ себѣ вверхъ. Въ первый годъ учениковъ будетъ не очень много: помѣщенія для училища и для учителя вполнѣ хватить; а для общества я возьму недорого: за квартиру, за отопленіе и за освѣщеніе—шестъдесять рублей въ годъ; а тамъ, исподвольно станемъ заводить подъ училище новый домъ: лѣсу у насъ много—пусть каждый съ дому привезетъ по бревну; плотники не дороги—немного за срубку возьмутъ; отоплять ничего не стоитъ—дрова больно дешевы: за два рубля привезутъ на мѣсто цѣлую кубическую сажень; а свѣту, не Богъ знаетъ, на сколько уйдетъ.

— Нашему концу домъ строить больно обидно,—замѣтили мужички, живши ближе къ селу,—потому что нашимъ ребятамъ ближе въ село въ школу ходить.

— Однако на сегодняшнемъ же сходѣ было: я издержалъ на покупку для вашей николы—бумаги, карандашей, грифелей и черниль—пять рублей, иначе совсѣмъ не почему было учителю обучать ребятъ,—общество, несмотря, что добрая половина его никогда не посылаетъ своихъ ребятъ въ вашу, школу безпрекословно приняло отъ меня этотъ расходъ и никто ничего мнѣ не сказалъ,—а вы, меньшая половина, начинаете спорить. Если такъ будете разсуждать, то вы можете намъ въ хорошемъ дѣлѣ повредить, да и вы безъ нашего сог-

ласія ничего не сдѣлаете: все-таки большая половина за нами,— и не будетъ у насъ тогда ничего полезнаго. Спорить въ хорошихъ дѣлахъ ни тому, ни другому концу не слѣдуетъ.

Послѣ такихъ вѣскихъ доводовъ и эти противники замолчали.

— Да нечего тутъ долго съ ними и растабаривать,— закричали изъ толпы молодые,— пини приговоръ обь открытии училища.

— Ну, что, братцы, всѣ согласны?— спросилъ староста.

— Согласны,— сказали нѣсколько голосовъ, а остальные не возражали, выказывая тѣмъ свое согласіе.

Приговоръ тотчасъ же староста приготовилъ и представилъ его къ земскому собранію.

Собраніе въ сентябрѣ того же года постановило открыть училище. Съ Новаго года училище помѣстилось въ домѣ Рожка.

Староста обь этомъ извѣстилъ мірянъ, и той же зимы лѣсъ для училища быль готовъ. Ассигновавъ деньги, общество поручило старостѣ устраивать домъ, какъ онъ найдеть лучшее. Староста посовѣтовался съ учителемъ церковно-приходской школы и со священникомъ, и къ первому октября слѣдующаго года выстроилъ для училища шесть оконъ по лицу одноэтажный домъ. Весь передъ дома занимала чистая свѣтлая комната съ шестью окнами по лицу и по три съ каждого боку. Сзади, черезъ теплый коридоръ, была начлежная, которая служила и прихожей, гдѣ раздѣвались ученики; рядомъ съ нею находилась квартира для учителя въ три комнатки: кухня, передняя и небольшая спальня. Мебель, какъ въ классѣ, такъ и у учителя была на видъ хотя простая, но очень чистая, прочная, удобная.

Міряне, принимая работу, остались доволены устройством дома, который обещался имъ сравнительно недорого: деньгами четыреста пятьдесят рублей—расходу легко меньше одного рубля съ души, и благодарили старосту за всѣ хлопоты...

И просвѣщеніе мірянъ Широговскаго общества, сдвинувъ темноту съ мѣста, пошло обычнымъ своимъ ходомъ, который уже никакая сила не задержить: испытавъ на себѣ пользу ученія, ни одинъ грамотный отецъ изъ этого училища уже не оставить на всю жизнь своихъ дѣтей темными людьми, а по мѣрѣ силъ своихъ обучить ихъ грамотѣ.

IV.

Съ половины августа шли почти непрерывные дожди; къ концу сентября и безъ того худыя проселочные дороги совсѣмъ размыло. Ямщики прихватывали съ собой топоры, чтобы мѣстами закидать выбоины, иначе изъ нихъ не выѣхать. Ни о какой Ѣздѣ рѣсью было немыслимо.

Въ такую-то дорогу, да еще въ проливной дождь, волокомъ тройка лошадей едва шагомъ тащила къ правленію тарантасъ съ земскимъ начальникомъ, который со съѣзда Ѣхалъ домой. Станцію въ двадцать верстъ онъ тащился шесть часовъ. Измученный нравственно и физически, онъ едва дотянулся до правленія.

Внѣ себя, онъ вошелъ въ правленіе, гдѣ его, трясясь отъ страха, встрѣтиль робкій старшина.

Приказавъ какъ можно скорѣе послать на станцію за лошадьми, начальникъ грозно обратился къ старшинѣ:

— Старшина, что-же у васъ какіе непорядки! По

вашей волости просто нѣть проѣзду. Станцію двадцать верстъ нужноѣхать цѣлыхъ шесть часовъ, да еще ямщики приходится останавливаться и закидывать выбоины. Что же ты не позаботишься объ исправленіи дорогъ: просто скоро совсѣмъ сюда не попадешь! За такую бездѣятельность я тебя посажу подъ арестъ.

— Да что же мнѣ дѣлать, баринъ,—отвѣчалъ руки по инамъ старшина:—я нѣсколько разъ писалъ старостамъ приказы, чтобы они выгоняли на работу народъ, да народъ не слушается, не идетъ на работу.

— Если не слушаются тебя, то ты ихъ накажи—посади подъ арестъ: впередъ они будутъ знать, какъ противиться начальству.

— Всѣхъ, вѣдь, баринъ не пересадишь,—отвѣчалъ старшина,—ихъ много: волость у насъ большая, девятьсотъ душъ—тутъ немало народу.

— Зачѣмъ всѣхъ садить. Ты подвергай аресту только виноватыхъ.

— Трудно, баринъ, отобрать виноватыхъ отъ невиноватыхъ: одни согласны править, другие нѣть; а которые и согласны, то тѣ безъ несогласныхъ одни на дорогу не идутъ. Какъ хочешь, такъ тутъ и дѣлай.

— Какъ у васъ ранѣе-то правились дороги. Не все однako мужики упрямились: видать стлань мѣстами, да и мосты кто нибудь строилъ?

— Ранѣе народу было меныше, да и народъ посогласнѣе, да послухманѣе былъ. Если начальство велитъ дорогу поправить, вся волость и работаетъ день или два, хотя иногда половина изъ нихъ только числится на работѣ, иочти только пробродить взадъ и впередъ, идти въ другой разъ до худой дороги далеко, инымъ вѣрстъ тридцать будетъ, то много времени у нихъ проходитъ въ дорогѣ. Покопаютъ канавки въ четверть

глубины и ширины, тѣмъ и кончается вся поправка. Да, баринъ, дорогъ-то у насть больно много: волостью двадцать верстъ будетъ, не считая въ сторону, деревню оть деревни, да волоками двадцать пять верстъ. Хоть лѣса-то тутъ купцовъ, они оть нихъ наживаются большія деньги, а дороги править приходится намъ. Однихъ мостовъ надо поправить страшь: даже ихъ не пересчитаешь. Иногда мужики пойдутъ глядѣть дорогу, гдѣ она похуже, чтобы ее поправить, да весь день и проишуть: они не знаютъ съ какого конца приняться; какъ ни посмотрятъ—вездѣ она худа; то и порѣшать, лучшее ужъ поправку не начинать: оть правленаго участка остальная дорога будетъ казаться еще хуже. Такъ и въ прошлую осень ходили они на дороги раза два, да ничего не подѣлали.

— Такъ вотъ что ты, старшина, сдѣлай: собери волостной сходъ и постановите приговоръ о порядкѣ исправленія дорогъ; чтобы всю дорогу, находящуюся въ волости, раздѣлили на участки: сначала по деревнямъ, потомъ каждая деревня по домохозяевамъ, и пусть каждый домохозяинъ править свой участокъ. А если чей участокъ окажется неисправнымъ и урядникъ о томъ составить протоколь и представить мнѣ, то я того подвергну определенному въ законѣ взысканію. Смотри, чтобы это было немедленно исполнено.

— Хорошо, постараюсь исполнить.

— Больше мнѣ съ тобой уже некогда говорить—подали лошадей, нужноѣхать домой; но только предупреждаю тебя: не заставь повторять это—иначе будешь раскаиваться. Прощай!

— До свиданія, баринъ. Счастливаго пути,—говорилъ, усаживая своего начальника, старшина.—Впередъ милости просимъ.

— Понеши! — крикнула земской ямщику.

Натянувшись, по колено въ грязи, лошадки потащили тарантасъ съ грознымъ начальникомъ.

„Чтобы ты къ намъ подольше не Ѵздила,—проверчалъ во слѣдъ старшина,—если бы ты и совсѣмъ не прѣхала, даже нисколько не потужили, даже рады были бы. А то прїдетъ—ровно погода пронесется... и трясись передъ нимъ, какъ осиновый листъ“...

— Давай-ка, писарь, съ проводами начальника розньемъ бутылочку,—обратился онъ еще не къ старому, высокаго роста писарю.

— Слѣдуетъ и выпить: такую тучу благополучно пронесло. Сначала, какъ онъ закричалъ, то я отъ страха не зналъ что и дѣлать: даже поджилки затряслись. Но потомъ все по хорошему обоплюсь.

— Эй, Нестеръ, сходи въ трактиръ, принеси бутылку водки,—крикнула старшина разсыльному.

— Сейчасъ принесу.

Ничто такъ быстро не достается какъ водка, хотя иногда добыть ее довольно трудно; такъ и здѣсь—черезъ полчаса уже бутылка стояла въ совѣщательной комнатѣ передъ старшиной и писаремъ, а черезъ другое полчаса она уже была порожняя.

Черезъ недѣлю собрали волостной сходъ по лично му приказанію земскаго начальника. Но приговора о разверсткѣ дороги на участки, не постановили, а решили дорогу править по старому. Старшина донесъ обѣ этомъ земскому. Тотъ оштрафовалъ за ослушаніе его каждое лицо, участвовавшее на сходѣ и не желавшее разверстки земли, по одному рублю, и велѣлъ снова собрать обѣ этомъ дѣлѣ волостной сходъ. Извившись на сходѣ, мужики долго спорили и кричали, но стояли на своемъ, что они слышали, что дороги, пролегающія

через земли частныхъ владѣльцевъ, должны править сами владѣльцы, а не волости, въ средѣ которыхъ они лежать. Это разъяснилъ имъ староста Рожокъ, который, чтобы избавиться отъ путаницы о дорогахъ, нарочно бѣдиль въ городъ для совѣта съ адвокатами и свѣдѣющими людьми. Тамъ ему сказали, что по закону дорогу должны править владѣльцы земли, гдѣ пролегаетъ она. Поэтому, мужики, несмотря на штрафъ, не соглашались править дорогу черезъ чужія владѣнія, и постановили приговоръ о разверсткѣ дороги, пролегающей только въ ихъ владѣніяхъ.

Старшина немедленно сообщилъ объ этомъ земскому. Узнавъ, что мужики такъ упорствуютъ по наущенію Рожка, земскій подвергнулъ его пятидневному аресту при полицейскихъ камерахъ, и о всѣхъ лицахъ, участвовавшихъ на сходѣ, за сопротивление властямъ, сообщилъ прокурору. Прокуроръ не наисъ въ ихъ дѣствіяхъ проступка закона и всю переписку возвратилъ земскому начальнику.

Староста Рожокъ все-таки понесъ наказаніе: въ грязь по колѣю въ октябрѣ мѣсяцѣ, взявъ въ дорогу мѣниочекъ съ хлѣбомъ и пирогами, онъ пошелся въ уѣздный городъ, находившійся отъ его деревни въ ста двадцати верстахъ, чтобы отбывать тамъ наказаніе за свой поступокъ.

Тамъ для мужиковъ, отбывавшихъ наказаніе по судебнѣмъ приговорамъ земскихъ начальниковъ, выстроены прекрасныя, свѣтлые камеры съ крашенымъ поломъ, такъ что въ такихъ помѣщеніяхъ мужики не только сами не живали, но даже не бывали въ гостяхъ, а этихъ мужиковъ начальству, — старшинамъ, старостамъ и иисарямъ, которое выбирается обыкновенно изъ самыхъ лучшихъ лицъ волости и которые большую частью испадаютъ наказанію по мягкости своего характера, — отведе-

ны грязные, крохотные, въ одно окно, съ желѣзными рѣшетками комнатки, съ покатыми нарами, гдѣ расхаживаютъ кучи клоцовъ и куда сажаютъ только пьяныхъ мужиковъ, которые иногда всю ночь провинивши-
муся начальству, находящемуся отъ нихъ по сосѣдству, не дадутъ покою. О похлебкѣ тутъ и заикаться нечего—
негдѣ сварить: и живеть здѣсь сельское начальство иног-
да по недѣлѣ на одномъ сухояденії.

Въ такомъ-то помѣщеніи съ хлѣбомъ и черствыми „яицкими“ пирогами, Рожку за свою вину и пришлось отсѣживать цѣлыхъ пять сутокъ.

V.

Подходитъ весна—время посѣва ярового, а у доб-
рой половины крестьянъ Пироговскаго общества нѣть сѣмянъ: надѣются они на хлѣбозапасный магазинъ. Приговоръ о выдачѣ хлѣба уже болѣе мѣсяца посланъ земскому начальнiku, но ни отъ него никакихъ увѣ-
домленій, ни отъ управы разрѣшенія нѣть, а посѣвъ уже на носу. Мужики толпами осаждаютъ старосту, чтобы онъ выдавалъ хлѣбъ, иначе поля останутся незасѣянными; къ тому же все озимовое поле выѣлъ чер-
вякъ, его приходилось пересѣвать, и сѣмянъ въ ны-
нѣиній годъ требовалось вдвое.

За разрѣшеніемъ самъ староста отправился въ зем-
скую управу. Тамъ ему отвѣтили, что еще не получены приговора отъ земскаго начальнika, а безъ пригово-
ровъ и его увѣдомленія, управа выдать хлѣба не мо-
жетъ.

Староста такъ ни съ чѣмъ и вернулся домой, а здѣсь, въ ожиданіи его, толпятся мужики и бабы: иные уже попахались, землю не супитъ, надо сѣять. Мужики приступили къ старостѣ: что хочешь дѣлай, а вынь да

положь имъ хлѣба.

Староста сказалъ имъ:

— Безъ разрѣшенія управы я не имѣю права выдавать хлѣба.

Приговоръ давно посланъ земскому начальнику. Земскимъ приговоръ еще не доставленъ въ управу, почему управа разрѣшенія и не даетъ; сомовольно выдать хлѣбъ — я не могу, иначе мнѣ за это попадетъ.

Мужики поклонились въ поясъ, а бабы, какъ стояли, такъ и упали ему въ ноги, сидѣвшіе же покатились съ лавки и завопили:

— Староста, не губи насть, что хочешь дѣлай, а только намъ хлѣба выдай, не разори насть въ корень!

— Да встаньте вы, черти полосатые, — съ сердцемъ сказалъ староста, — что вы тутъ меня на колѣняхъ упрашиваете, ровно Бога!... Понимаете ли, что это не отъ меня зависитъ, а отъ начальства. Начальство разрѣшитъ, то мнѣ не жаль мірскаго хлѣба; если оно велитъ, я хоть весь хлѣбъ вамъ выдамъ.

— Ты вѣдь знаешь наше положеніе, — говорили свое мужики: — мы хлѣбомъ и живемъ-то; а если недѣлю посѣва упустимъ, сымемъ половинный хлѣбъ: весенний день дороже осенней недѣли. И при раннемъ-то посѣвѣ не всегда у насть вызрѣваетъ хлѣбъ, а что будетъ при позднемъ? Побьетъ его морозомъ, да и только. Тогда прошли все наши труды!

— Все это я хорошо знаю, самъ крестьянинъ, но сдѣлать-то самъ собою ничего не могу. Вы займите у соѣдей, а послѣ какъ получите изъ магазина, имъ отдадите, а можетъ быть нѣкоторые подождутъ хлѣбъ и до осени.

— Охъ, староста, — тяжело вздохнувъ, отвѣчали мужики, — у кого займешь-то? Если у нѣкоторыхъ и быть

ранѣе запасный хлѣбъ, ими нынче зимой ироданъ: цѣна на хлѣбъ стояла хорошая, каждый постарался сбыть его по дорогой цѣнѣ, и оставилъ только себѣ на сѣмена... Пожалѣй насъ—у тебя вѣдь ключи: отопри магазинъ и выдай намъ хлѣбъ,—заставь насъ вѣчно за тебя Бога молить...

Староста просто не зналъ что дѣлать: какъ самъ землевладѣлецъ, онъ хорошо зналъ, какія могутъ быть печальные послѣдствія отъ несвоевременного посѣва ярового; ржи нынче ожидать нечего—червякъ выѣхалъ, да какъ еще яровое выдастъ—тогда мужикамъ совсѣмъ корзина; да и выдавать онъ не имѣеть права. Что хочешь, то и дѣлай. Если, не дождавшись разрѣшенія, раздать хлѣбъ, то самому отъ земскаго влетитъ. Какъ-да однимъ арестомъ не отѣлаешься, еще подъ судъ отдастъ? Идти къ нему за приговоромъ, да опять въ управу, время уйдетъ—его не воротишь... „А что будетъ, то и будетъ—выдамъ хлѣбъ. Рѣшилъ онъ, махнувъ на все рукою, если и пострадаю, такъ одинъ, по крайней мѣрѣ, мужики не будутъ бѣдствовать; а меня за это однако не соплютъ: отдуюсь казаматкой, да и ладно—къ ней мнѣ не привыкать... И велѣль мужикамъ на слѣдующій день прїѣзжать за хлѣбомъ.

— Дай тебѣ Богъ доброго здоровья, вѣкъ не забудемъ тебѣ этого добра,—съ чувствомъ говорили ему мужики.

— Давайте, проваливайте, ужъ мнѣ надоѣло слушать ваше канючанье. Накажите своимъ сосѣдямъ, что, если кому нужно хлѣба, щахали бы завтра въ магазинъ.

На другой день; съ самаго ранняго утра, у хлѣбозапаснаго магазина Пироговскаго общества, стоявшаго на краю деревни Пирогова, толпилось множество подводъ и народа, прїѣхавшаго за хлѣбомъ.

Принесть староста, отперь магазинъ, помолился и, взглянувъ на списокъ, находившійся въ рукахъ, крикнулъ:

— Эй вы, дубровинскіе, подходите сюда!

Крестьяне деревни Дубровина съ мѣшками за плечами выдѣлились изъ толпы и вошли за старостой въ хлѣбный магазинъ.

— Авдотья Ванина! — крикнулъ староста.

— Туто-тка!

— Давай мѣшки, да получай восемь мѣръ овса.

— Только восемь мѣръ! — удивилась Ванина: — мнѣ этимъ овсомъ нечего дѣлать — и половины имъ не заѣдешь.

— А кто тебѣ велѣлъ просить въ приговорѣ столько хлѣба; просила бы больше — больше и получила бы, а теперь сверхъ приговора мнѣ отпустить нельзя.

— Батюшко, я думала, что ржи-то хоть частица взойдетъ; вѣдь совсѣмъ не ожидала, что придется все озимовое поле пересѣвать, а приходится: взошло гдѣ-нибудь перышко, на каждой полосѣ ихъ пересчитаешь; ужъ нечего и думать, чтобы хоть сколько нибудь ржи поросло. Отпусти, ради Бога, еще шесть мѣръ овса.

— Что ты за дура! — выругался староста, — говорить тебѣ русскимъ языкомъ, что я безъ приговора и безъ разрѣшенія начальства горсти хлѣба отпустить не могу, а не то мнѣ въ загривокъ за это попадетъ.

— Ничего не попадетъ. Воля твоя — только скажи, живо нагребемъ, — твердила свое Ванина. — Хлѣбъ въ магазинѣ также будетъ гнить, а я осенью тебѣ съ поклономъ свѣжаго привезу. Если хочешь, то даже линній четверикъ всыплю. Казнѣ отъ этого не будетъ убытки, а меня заставили вѣкъ Бога молить: дѣло мое вдовье, на рукахъ пятеро ребятъ, все малъ-мала меньшіе, тутъ не

добудешь на сторонъ сѣмянъ. Не пусти меня, ради истиннаго Христа, по міру: безъ хлѣба-то съ такой семьей что я подѣлаю?

— Да, староста и намъ сѣмянъ по приговору не хватить,—сказали остальные.—Какъ хочешь, а отпусти намъ сверхъ нормы, а то мы останемся безъ хлѣба—безъ хлѣба же мы не жители. Мы все думали, что озимовое что-не-что взойдетъ, а на полосахъ просто черно—ничего ждать, чтобы хоть сколько нибудь поросло. Вѣдь самъ знаешь, что безъ пересѣву нынче не обойтись.

— Охъ, братцы,—тяжело вздохнувъ, отвѣтилъ староста,—хорошо знаю я всю ваши нужду, но не отъ меня зависитъ ее исправить: я больно маленький человѣкъ. Я только дѣлаю то, что велятъ—вѣдь я подначальный человѣкъ; если узнаетъ про это начальство, то сочтетъ самовольную раздачу хлѣба злоупотребленіемъ по службѣ, и взыщетъ съ меня, а не съ васъ.

— Староста, ты пожалѣй и нась-то: вѣдь крайняя нужда заставляетъ нась просить; а осеню только скажи, мы тебѣ хлѣбъ до слова привеземъ. Когда начальство станетъ провѣрять, хлѣбъ будетъ налицо; оно и не узнастъ, что ты столько роздалъ его.

— Само-то оно не узнаетъ, да нынче много лихихъ людей; общество у меня большое—всѣмъ не уворовишь, живо допѣхнутъ до земскаго—тогда моргай глазами-то.

— Будь отецъ родной, не разори,—завопили бабы, утираясь передниками,—не пусти ребятъ по міру, заставь Бога вѣчно молить. Господь тебѣ заплатить...

— Полно вамъ тутъ ревѣть, ровно подъ медведемъ!—крикнулъ на нихъ староста.—Такъ и быть, ужъ отпущу—заодно отвѣтать; что будетъ, то и будетъ...

— Дай Богъ тебѣ за это доброго здоровья,—говорили, кланяясь въ поясъ, мужики и бабы,—вѣкъ мы не

забудемъ тебѣ этого добра!

Глядя на Рожка, выдали хлѣбъ и другіе старости.

Черезъ двѣ недѣли, когда уже красная щетина покрыла всѣ поля, отъ управы пришло разрѣшеніе на выдачу хлѣба.

Волостной писарь давно сердился на сельскихъ старость за то, что онъ просилъ на волостномъ сходѣ прибавки себѣ жалованья, но старости не поддержали его просьбу, благодаря чему волостной сходъ просьбу писаря не удовлетворилъ. Главнымъ виновникомъ этого онъ считалъ старосту Рожка, какъ болѣе имѣвшаго вліяніе на сходѣ. На время онъ притаилъ свою злобу и ждалъ удобнаго случая, чтобы поразсчитаться со старостами. Случай представился: приговора о разрѣшеніи, посланные земской управой, шли черезъ волостное правленіе, поэтому, зная, что старости выдали хлѣбъ до разрѣшенія, онъ дожидался земскаго начальника, чтобы лично передать ему о такихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ старость.

Около Петрова дня земскій былъ у нихъ въ правленіи. Писарь, оставшись съ нимъ наединѣ, сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе, здѣсь у насть старости поступаютъ самовольно: не дождавнись разрѣшенія начальства, роздаютъ изъ магазиновъ хлѣбъ. Они изведутъ его, что послѣ нихъ въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ не останется ни одного зерна.

— Какъ они смѣютъ выдавать хлѣбъ безъ разрѣшенія! — вспыхнулъ начальникъ. — Я имъ покажу, каково самовольно распоряжаться, поступать беззаконно, не знать никакого начальства. Немедленно позвать ихъ сюда!

— Сейчасъ будетъ послано за ними, — сказалъ услужливый писарь.

Онъ мигомъ изготовилъ старостамъ приказы такого содержания:

Сельскому старостѣ—поименовано какого общества.

По личному приказанию его высокоблагородія господина земскаго начальника строго приказываю тебѣ тотчасъ же по полученіи сего явиться въ волостное правленіе для объясненія съ его высокоблагородіемъ земскимъ начальникомъ по весьма важному дѣлу.

Волостной Старшина

Скрѣпивъ эти прикззы, старшина наказалъ разсѣльному, чтобы тотъ какъ можно скорѣе снести ихъ старостамъ.

Босой, въ одной рубашкѣ, разсыльный, еще молодой парнишка, схвативъ картузъ и надѣвая его на дортѣ, бѣгомъ побѣжалъ со своимъ порученіемъ. Только, уже когда не видно стало правленія, пошелъ шагомъ, тяжело отдуваясь отъ одышки и отъ жары.

Въ страхѣ, не зная по какому важному дѣлу требуется земскій, одинъ за другимъ, запыхавшись отъ скорой ходьбы, явились старости и въ сборной избѣ дожидались, когда ихъ потребуютъ.

— Ваше высокоблагородіе, сельскіе старости по вашему приказанію явились всѣ,—объяснилъ писарь.

— А, явились. Хорошо. Позвать ихъ сюда.

Одинъ по за другому вошли пять старость, робко прижимаясь другъ къ другу, какъ будто этимъ хотѣли они защититься отъ начальника.

Рожокъ, какъ посмѣлѣ, очутился впереди. Писарь всталъ къ печкѣ и съ самодовольнымъ видомъ дожидался какъ будеть распекать старость ихъ начальникъ, и со злобою думалъ:

„Узнаете вы, чортовы дѣти, какъ досажать мнѣ;

солено вамъ достнется ваша упрямка о прибавкѣ мнѣ жалованья. Тогда пожалѣли чужихъ денегъ, а теперь и отмигивайтесь.“

— Какъ вы смѣли, недождавшись разрѣшенія, выдавать хлѣбъ изъ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ?—грозно обратился къ старостамъ ихъ начальникъ.

— За разрѣшеніемъ я нарочно ходилъ въ земскую управу,—отвѣчалъ Рожокъ,—тамъ мнѣ сказали, что отъ васъ еще не получены приговора, почему и разрѣшенія выдать они не могутъ,—а мужики, дожидавшись меня съ разрѣшеніемъ, землю вспахали, и приступили ко мнѣ: „Что хошь дѣлай, а хлѣба намъ давай, не сушить намъ землю, да и время уходитъ: поздно посѣніе—хлѣбъ не вызрѣть, половину его не сымени.“

— Если ужъ хлѣбъ такъ скоро нуженъ, ты долженъ былъ обратиться ко мнѣ, а потомъ нарочного послать въ земскую управу.

— Охъ, баринъ, вѣдь въ посѣвѣ время дорого: пока ходишь къ вамъ, да въ управу—пройдетъ болѣе недѣли, а весенній день пуще осенней недѣли. Я подумалъ: ржи нынче и ждать нечего, да еще какъ яровое не вызрѣть, то мужикамъ—бѣда, хоть одѣвай на руку корзину,—то пожалѣль ихъ и выдалъ хлѣбъ. Вотъ, Богъ дастъ, поростетъ яровое, я осеню полностью сберу розданный хлѣбъ—казнѣ не убытокъ, да и мужикамъ польза будетъ.

— Мало ли что ты захотѣлъ самовольно распорядиться для пользы мужиковъ, то все, думаешь и можно? Ты бы еще, [въ виду] неурожая, даже не сталъ бы сбирать подати, да и былъ бы правъ. Такъ, батенька мой, поступать нельзя: если каждый будетъ плясать по

своей дудкѣ, то тутъ никакого толку не будетъ. Вы хорошо знаете, что по закону, безъ разрѣшенія земской управы, хлѣбъ выдавать нельзя, а поступаете противъ него. Вы, какъ принимавшіе присягу, должны соблюдать законъ, а не нарушать его. А чтобы вы на будущее время исполняли законъ, я подвергаю васъ аресту на четыре сутки каждого.

— Мы такъ, баринъ, нисколько не виноваты,—отвѣчалъ за всѣхъ одинъ изъ остальныхъ старостъ:—мы сперва не выдавали хлѣба, говоря, что безъ приказанія начальника выдать нельзя, но мужики подступили къ горлу, да и кричатъ: „Какъ нельзя! Пироговскій староста раздалъ, ужъ половина у него засѣялись, а у насъ такъ нельзя, хошь оставайтесь поля незасѣянными!“ Дѣлать нечего, мы выдали. Рожокъ, баринъ, сперва выдалъ, а не мы, а потому мы не виноваты.

— Если бы онъ убилъ мужика и вы то же бы сдѣлили, да и были бы правы,—возразилъ земскій.—Вы должны знать одно: безъ разрѣшенія начальства не можете ни одного зерна выдать изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ. А за то что пироговскій староста показалъ вамъ примѣръ, я ему прибавляю за это двои сутки... Старшина, на Петровъ день чтобы старосты были отправлены въ полицейскія камеры,—обратился онъ къ старшинѣ.

— Слушаюсь, будть исполнено,—отвѣчалъ тотъ.

— Нельзя ли, баринъ, отсѣживать намъ хоть послѣ сѣнокоса,—чуть не со слезами говорилъ одинъ староста.—Теперь подходитъ самое пущее время—сѣнокосъ, а мы потерянемъ около двухъ недѣль.

— Сами виноваты—жаловаться не на кого. А что я сказаль—должно быть исполнено. Можете идти, а впѣ-

рѣдь такъ не поступайте,—наказать онъ старостамъ въ
слѣдъ.

— У насъ, ваше высокоблагородіе, 1-го іюля храмо-
вой праздникъ, Кузьмовъ день, пива наварятъ,—ска-
залъ писарь, когда старосты вышли:—старостамъ-то
больше отъ праздника не охота идти на выѣздку.

— И самое лучшее, пусть они праздникъ посидѣть
подъ арестомъ,—умнѣе будутъ: впередъ безъ разрѣше-
нія начальства не выдадутъ хлѣба. Я заставлю ихъ
уважать законъ.

— Эхъ, братцы,—выходя изъ правленія, говорилъ
одинъ староста, почесывая въ затылкѣ,—больно отъ
праздника-то идти не охота: люди будутъ гулять, пиво,
вино пить, а мы клоцовъ кормить.

— Да чортъ съ нимъ и съ праздникомъ-то,—съ
сердцемъ сказалъ другой,—у меня пуще косить некому:
въ домѣ я одинъ мужикъ, а баба безъ меня немножко
надѣлаетъ, работа за работу у меня и будетъ забѣ-
гать—арестъ и послѣ поскрипить еще на моей шеѣ...
И все-то ты, Рожокъ, виновать: сунуло же тебя вы-
дать хлѣбъ; не ты бы, не случилось такой оказіи.

— Все я,—возразилъ Рожокъ:—вольно же было вамъ
выдать хлѣбъ: я вѣдь васъ не заставлять. А вотъ изъ-
за васъ придется мнѣ двои сутки отсѣживать—это вѣр-
но. Своимъ наговоромъ себѣ пользы не сдѣлали, а на-
тянули на меня только лишнія двои сутки. Никакой
дьяволъ не толкалъ васъ въ нюю. Лучше, хоть не
досажали бы!

VII.

Осеню подъ окнами изѣтъ крестьянъ деревни Пи-
рогова ходилъ десятскій и стуча о стѣны палкой, вы-
зывалъ хозяевъ.

Отворялось или отодвигалось окно, показывалась голова мужика или бабы и спрашивала:

— Что надо?

— Завтра въ правлениѣ на сходку о дорогахъ,—отвѣчалъ десятскій и шель къ слѣдующей избѣ.

На другой день къ правленію шли трое выборныхъ изъ деревни Назаровской:—Софронъ, Макарь и Семенъ и толковали между собою:

— Вконецъ разорять насть эти дороги—говориль дѣдъ Софронъ своимъ товарицамъ.—Сколько волокить однихъ мы приняли и не пересчитаешь, а все попусту—дороги не подаются. Съ самой этой путаницы никто на дорогѣ даже пальцемъ не пощевелить. Наживемъ мы изъ-за своей упрямки большую бѣду, а, кажется, можно бы поучиться—и безъ того не мало приняли: сколько разъ таскали насть въ правлениѣ, къ земскому, сколько разъ штрафовали—и все неймется. Пора-бы взяться за умъ и править дорогу по старому. Старики не глупье насть были, да всю дорогу правили, которая лежала въ ихъ волости.

— Ранѣе-то, дѣдко, вѣдь менѣе щзокака было,—отвѣчалъ Макаръ,—народъ—то болѣе дома сидѣлъ, а нынѣ, какъ муравьи, только снуютъ взадъ и впередъ—и разбили дорогу, тутъ одного жердя не напасешься, а въ иномъ мѣстѣ его нѣть—надо версты за четыре за нимъ щхать, дорожка, стань ее поправлять и намыливай намъ шею.

— Што намъ попусту руки и ноги ломать, если дорогу волокамъ надо править не намъ, а толстопузымъ купцамъ,—проговорилъ Семень.—У нихъ карманъ потолще: отъ однѣхъ вывозокъ они ишо наживутъ— страсть; а мы за нихъ и ломи... Не за ишо я не стану править ихъ дорогу.

— Ты молодъ, парень, вотъ что я тебѣ скажу,— строго возразилъ дѣдъ.—Худо нашему брату съ купицами тягаться: сожмутъ они насть въ бараній рогъ. Вѣдь старики еще баяли: сила солому ломить. У нихъ вездѣ рука: все начальство у нихъ въ гостяхъ бываетъ—ну и тянуть за нихъ. Худо намъ, маленѣкимъ людямъ, съ ними бороться—накличемъ мы себѣ бѣду.

— Заварили кашу, нечего жалѣть масла,—сказалъ Макаръ.—А тамъ что еще будетъ.

— Чтобы намъ не попасти въ эту кашу. Не больно тогда сладко придется.

— Богъ не допуститъ—свинья не сѣѣтъ,—ввернуль Сементъ.—Вотъ и до правленія дошли.

Сходъ ужъ весь въ сборѣ. Вышелъ при знакѣ старшина и обратился къ сходу:

— Братцы, отъ исправника получена бумага, въ которой онъ пишетъ, что дороги нынче переходятъ на владѣльцевъ, т. е. въ чьемъ владѣніи проходить дорога, тотъ и долженъ ее править. Теперь вы призваны для того, чтобы постановить приговоръ о порядкѣ исправленія дорогъ.

— Слава Тебѣ, Господи,—крестились мужики,—хоть поубавилась наша тягота, вѣдь болѣе трети дороги отошли отъ насть. А шуточное ли это дѣло!.. Свою же дорогу мы согласны править: отъ нея никогда и не отказывались. Дорогу станемъ править такъ: владѣльцы, среди которыхъ проходитъ дорога, пусть сами правятъ ее, какъ хотятъ, а гдѣ дорога лежить въ надѣлѣ, то станеть ладить ее то самое общество, въ какомъ она находится, и пусть каждое общество свою дорогу дробить на участки по домохозяевамъ, нарѣзавъ каждому домохозяину по количеству дунъ владѣемой земли, и пусть каждый домохозяинъ править свой участокъ—это

будеть для всѣхъ лучше: всякий станеть знать только свой участокъ дороги; хорошо или худо онъ будеть править—для себя: онъ уже самъ за себя отвѣчаетъ.

Всѣ согласились на этомъ и составили новый приговоръ. Довольные мужики разошлись по домамъ.

Прошла недѣля: по одной сторонѣ дороги стояли столбы съ надписью на нихъ деревни, къ которой принадлежитъ исправлениѳ, а между столбиками торчали тычки, показывающія границы участковъ, принадлежащихъ отдельнымъ домохозяевамъ. Мужики, парни и бабы съ лопатами и топорами вездѣ копошились на ней: рубили жердье и стлали на дорогу, копали канавы, выбрасывая землю на дорогу, которая принимала со всѣмъ неузнаваемый видъ.

— Давно бы заставилъ насъ править только свою дорогу и давно бы дорога была готова, а то только волочили насть, да попусту тянули время,—говорили мужики, сидя на дорогѣ.

— Да, надо благодарить Господа Бога за то, что снялъ съ насть эту тяготу—исправлениѳ всей дороги,—отвѣчали имъ другіе,—да хоть выѣздили изъ этой путаницы о дорогахъ. Всѣ думали, что не отбыть намъ ея, и никакъ не ожидали, что придется править только свою дорогу.

VII.

По перевопутку въ деревню Назаровскую пріѣхалъ староста Рожокъ съ писаремъ сбирать подати. Онъ остановился у десятскаго. Черезъ часъ мужики одинъ за другимъ стали входить въ избу. Изъ тридцати домохозяевъ только пять, болѣе зажиточные уплатили подать, а остальные, вт. числѣ которыхъ былъ и знакомый намъ солдатъ Макаръ, просили подождать до Срѣтенья娃 дня.

— Мнѣ ждать-то нельзя,—отвѣчалъ староста:—къ Новому году я долженъ очистить всѣ подати; если я къ сроку ихъ не внесу, то меня за это накажутъ.

— Право, староста, теперь намъ взять-то негдѣ,— говорили мужики:—самъ ты знаешь, какое лѣто для насть было несчастливое: всю озимь червякъ выѣлъ— пришлось пересѣвать, другія сѣмена въ землю бросать, а яровое градомъ выбило, такъ что, вмѣсто того, чтобы хлѣбъ на подати продавать, придется съ половины года самимъ на єжу покупать.

— Начальство-то не спрашиваетъ, что у васъ было или нѣтъ урожай, а строго приказываетъ, чтобы къ Новому году подати за вторую половину были внесены въ казначейство, а иначе грозить посадить меня въ кутузку.

— Что хошь ты, староста, съ нами дѣлай, да намъ не извернуться. Только и остается, что продавать по животинѣ; скотины у насть на дворахъ вѣурѣзъ—на двѣ и на три души по двѣ, по три коровы да по лошади. Если убавить скотины, то совсѣмъ намъ придется бѣда: и безъ того мы худо упаземливаемъ поля, оттого и хлѣбъ плохо родится, а какъ пустить въ зиму корову да лошадь, то лѣтомъ почти нечего на поля везти назыム—и останемся мы безъ хлѣба.

— А мнѣ-то что дѣлать?

— Подожди, да и все. На Срѣтеньевъ день мы съ поклономъ тебѣ подати уплатимъ, а начальству объясни, какой урожай у насть былъ. Вѣдь и они люди—повѣрять нашей нуждѣ.

— Ладно, когда попробую обсказать начальству о вашей нуждѣ, но только, чтобы Срѣтеньеву дню подати у меня были приготовлены, и тогда не посмотрю ни на что—въ казаматку васъ посажу, послѣднюю корову

продамъ, да деньги взыщу.

— Объ этомъ и не беспокойся, что на срокъ не внесемъ: вѣдь податей намъ не отбыть--не сегодня такъ завтра придется ихъ платить. Чѣмъ скорѣе уплатимъ—тѣмъ для насть же лучше: меныше волокиты будетъ. Ну, такъ, староста, намъ можно идти?

— Съ Богомъ.

— Славный у насть староста,—говорили мужики на улицѣ,—совсѣмъ добрая душа. Другой бы на его мѣстѣ закричалъ, что звѣры: возьми гдѣ хочь, вынь да положь ему подати. А онъ говорить все похорошему, розерочилъ памъ до Срѣтеневса дая, да и еще обѣщалъ замолвить за насть слово передъ начальствомъ. Не найти такихъ старость! Даи, Богъ, ему доброго здоровья, да душа спасти.

За недѣлю до Николина дня прїехалъ въ правление уѣздный исправникъ, созвалъ старость... и давай ихъ пробирать:

— Всѣхъ я васть подъ арестомъ заморю,—кричали онъ:—смотрите, сколько вы недоимки накопили! За одинъ Нироговскімъ обществомъ числится тысяча триста рублей. Что вы, старости, ничего не дѣлаете, только жалованье получаете—а работать вамъ не охота. Чтобы къ Новому году выкупные платежи были очищены, иначе я васть заморю подъ арестомъ.

— Нынче, баринъ, получка-то болыно плоха,—сказалъ Рожокъ:—озимовое все червякъ выѣль, пришлось въ землю другія сѣмена бросать, а яровое во многихъ деревняхъ градомъ побило. Да и то недоимки за мной числится только четыреста рублей, и я ихъ къ Новому году пополню, а остальные, девяносто, я принялъ отъ стараго старости: онъ накопилъ столько недоимки, и я тутъ никаколько не виноватъ.

— Никакихъ тамъ вашихъ расчетовъ я не знаю. Недоимка числится за Пироговскимъ обществомъ, а ты староста этого общества, то и долженъ эту недоимку пополнить. Смотри въ списокъ: у тебя въ одной деревни Назаровской числится двадцать пять недоимщиковыхъ; видно по всему, что ты ничего не дѣлаешь.

— У Назаровскихъ крестьянъ градъ выбилъ весь хлѣбъ, и имъ, кромѣ лѣсной заготовки, денегъ взять негдѣ. Вотъ, Богъ далъ дорогу, наймутся они у купцовъ вырубать и вывозить лѣсъ, станутъ добывать денежку, исподвольно платить подати и къ Срѣтеньеву дню очистятъ всю недоимку. Вы имъ дайте сроку до этого дня.

— Никакихъ сроковъ, кромѣ установленныхъ закономъ, давать я не могу. Принимайте всѣ мѣры взысканія податей: садите недоимщиковъ подъ арестъ, штрафуйте ихъ, продавайте лишнее имущество—все зависитъ отъ васъ: если толкомъ примитесь за взысканіе, то, небоюсь, живо мужики подати уплатятъ.

— Тогда, баринъ, совсѣмъ придется зорить мужиковъ,—сказалъ Рожокъ,—только и остается продавать у нихъ скотину—а безъ скотины крестьяне не жители. Отъ лишнихъ арестовъ, ужъ, баринъ, хоть избавьте мужиковъ, а то сборъ податей еще пойдетъ хуже: собирая подати, я сажу недоимщиковъ въ казamatку, урядникъ пріѣдетъ—велитъ ихъ задержать подъ арестомъ, пристань какъ налетитъ—то недоимщики ужъ подъ арестомъ; вместо того, чтобы мужикамъ на^и вывозкѣ на подати заработать, а они зря въ казamatку сидятъ...

— Ты еще мнѣ вздумалъ указывать!—крикнулъ на него исправникъ.—Ничего не дѣлаешь, да еще начальству смѣешь возражать. Немедленно же отправляйся на три дня подъ арестъ: впередъ умнѣе будешь—научишь-

ся, какъ обходиться съ начальством!.. Слышите, старосты:—вотъ вамъ мой послѣдній сказъ: чтобы къ Новому году выкупные платежи были уплачены, а то вамъ ареста не миновать.

— Постараемся, баринъ, собрать. Можно идти?

— Ступайте.

Рожокъ подъ арестомъ три дня отсидѣть, выкупные платежи къ Новому году всѣ внесъ и у недоимщиковъ деревни Назаровской не описывалъ и не иродавалъ никакого имущества: онъ деньги, собранныя въ земскій сборъ, помѣстилъ въ выкупные платежи, что практиковалось почти всѣми старостами.

Хотя за отдѣльными лицами переходила изъ года въ годъ масса недоимки выкупныхъ платежей, а за сельскими обществами она не числилась: земскій сборъ сбирался не такъ строго, то старосты, чтобы отдѣлься отъ ареста, собранный окладъ земскаго сбора помѣщали въ недоимку выкупныхъ платежей.

VIII.

Быть въ деревнѣ Пироговѣ у Рожка пріятель торговецъ Максимъ, съ которымъ онъ жилъ, какъ говоритъ, душа въ душу: послѣдній кусокъ они разламывали пополамъ, да дѣлили другъ съ другомъ. Максимъ имѣть своихъ деньженокъ немнога—какихъ нибудь рублей двѣсти. Товаръ для мелочной своей лавки онъ бралъ въ долгъ въ городѣ у купца, исправно ему выплачивая въ сроки платежи, а на свои деньги покупать ленъ, масло, яица, перепродавать сейчасъ же, и опять деньги пускалъ въ оборотъ.

Нынѣшней зимой онъ ленкомъ позабрался: думая нажить деньги, съ осени купилъ много лину; на покупку издержать не только свои деньги, но рублей че-

тыреста, вырученныхъ отъ продажи товара, платежъ которыи былъ весною. Съ осени ему за ленъ давали свои деньги, но, думая получить барышни, льна не продалъ, а къ веснѣ вместо того ему стали давать убытку рублей триста. Приходить время платежа денегъ—и ленъ на рукахъ; а отдать въ убытокъ—значить надо самому оставаться безъ денегъ да и торговлю прекращать: если не уплатить онъ всехъ денегъ, больше ему купецъ не довѣрить. Торговля у него почти единственное занятіе, такъ какъ земли было только на душу, и хлѣба для его семьи, восьми человѣкъ, едва хватало до половины зимы; тутъ совсѣмъ нечего было думать кормиться отъ земли.

Со своимъ горемъ онъ обратился къ пріятелю Рожку.

— Только бы мнѣ уплатить долгъ, хоть рублей триста, опять мнѣ купецъ отпустить товару—ленъ оставилъ бы до проку,—говорилъ Максимъ Рожку, сидя вдвоеемъ въ его избѣ:—такая малая цѣна не все будетъ,—дастъ Богъ, осенью продамъ ленъ хоть по своей цѣнѣ, то опять исправлюсь, заживу по старому. Нѣть такого доброго человѣка, у кого бы занять эти деньги.

— Были бы у меня деньги, я бы тебѣ на нужду дать не только триста, но пятьсотъ рублей,—сказалъ ему Рожокъ.—Да вѣришь, не вѣришь, своихъ денегъ хоть бы копейка за душой, и радъ бы помочь—не чѣмъ.

— Вотъ что, староста, дай мнѣ триста рублей мѣрскихъ денегъ; вѣдь до учету никто не узнаетъ, а къ учету, который у тебя будетъ не раньше какъ въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, я ленъ продамъ, тебѣ деньги съ поклономъ принесу... Не дай погибнуть мнѣ и моей семье,—падая въ ноги, умолялъ Максимъ,—вѣдь если не найду я теперь денегъ, то мнѣ придется весь иѣкъ бѣдствовать,—хоть отправляй своихъ ребятъ по

міру. Не допусти меня до такого позору... Заставь вѣчно Бога молить!

— Невозможнаго ты просишь у меня, Максимъ: какъ же я могу дать тебѣ казенные деньги? Они вѣдь не мои; вѣдь какъ узнаютъ про это—подъ судъ меня отдадутъ.

— Никто не узнаетъ. Видѣть Богъ,—указывая на икону, говорилъ Максимъ,—что я тебѣ деньги на Веденьевъ день уплачю. Будь благодѣтелемъ—не погуби меня и мою семью.

— Не надо бы такъ тебѣ зарываться, ты бы по одежкѣ проглагивалъ ножки, торговалъ бы на свои денежки, довольствовался бы малымъ и быть бы соконечъ; а то, погнавшись за большими барышами, попаль воинъ въ какую бѣду: того гляди—лишишься всего, что и имѣль.

— Охъ, староста, староста, съ кѣмъ не бываетъ бѣды и напасти; если бы знать гдѣ упасти, то соломки подослали бы; вѣдь не худа себѣ я желалъ, а добра; дѣлалъ какъ лучшее, а вышло не то, ничего тутъ не подѣлаешь, на то видно воля Божія.

— Вотъ что, Максимъ, такъ и быть—я тебѣ триста рублей дамъ, но только смотри, на Веденьевъ день мнѣ эти деньги уплати. Если ты обманешь, то погубишь меня.

— Неужели я забуду такое добро—вѣдь Богъ меня накажетъ, если я обману тебя. Но гробъ жизни буду считать тебя моимъ благодѣтелемъ.

Староста отсчиталъ ему триста рублей и отдалъ безъ всякой расписки.

— Возьми хоть съ меня расписку,—говорилъ Максимъ.

— На что мнѣ есѧ: побоишься Бога и не захочешь братъ грѣха на душу — и такъ отданъ.

— Спасибо тебѣ, староста, большое спасибо, — съ чувствомъ благодарилъ Максимъ.

Сѣѣздили Максимъ въ городъ, уплатилъ триста рублей: ему отпустили товару, и живеть онъ, высчитывая, какъ продасть осеню по дорогой цѣнѣ ленъ, какъ разсчитается до копеечки со старостой, какъ онъ заживеть славно съ денежками, а впередъ ужъ въ такой просакъ не попадетъ.

Но не известно по какой причинѣ, самъ ли Максимъ заронилъ въ амбаръ огонь, или подожегъ его лихой человѣкъ, амбаръ со всѣмъ добромъ и лыномъ сгорѣлъ до тла.

Взыпалъ бѣдняга отъ такого несчастья.

„По дѣломъ мнѣ такая бѣда, думалъ онъ самъ съ собою, но старосту то я погубилъ: онъ совсѣмъ напрасно будетъ страдать.“

Пришелъ онъ послѣ пожара къ старостѣ судить да рѣдить о лихой бѣдѣ, а староста сидитъ, голову повѣсили — лицо даже потемнѣло.

— Сгубилъ я тебя, староста, сгубилъ, проклятый, — началъ Максимъ: — все жадность моя виновата — захотѣлъ быть богатымъ. Такъ мнѣ и надо, но только ты то изъ-за меня погибъ.

— Нечего себя винить одного: тутъ я не меныше твоего неправъ. Общество ввѣрило мнѣ деньги, то я и не долженъ бы злоупотреблять его довѣріемъ; большої грѣхъ я сдѣлалъ, что далъ тебѣ деньги, и теперь за свой грѣхъ и приходится страдать: на вѣкъ опозореннымъ я буду передъ обществомъ, скажутъ: „Рожокъ растратилъ мірскія деньги;“ придется и лишиться купленной земли и двухъ коровъ, останется при одной, да

еще вдобавокъ попасть подъ судъ, такъ какъ скоро будетъ сходъ для моего учета, а сейчасъ денегъ взять негдѣ. Пропадетъ моя бѣдная головушка!...

Долго сидѣли друзья, молча обдумывая свою бѣду и не находили даже словъ утѣшить другъ друга.

IX.

Въ сборной избѣ Пироговскаго общества усчитываются старосту Рожка. Въ избѣ душно и жарко; трое учетчиковъ сидятъ въ шубахъ, хотя потъ съ нихъ градомъ такъ и льется. Самъ не свой сидитъ Рожокъ, не знаетъ куда дѣвать свои глаза.

— По провѣркѣ всѣхъ суммъ, числится на рукахъ старосты триста рублей,—сказалъ старшина Дубовый,— признаешь, староста, вѣрность учета и гдѣ начтенные деньги триста рублей?

— Учетъ сдѣланъ вѣрно—противъ этого я не спорю,—отвѣтилъ глухимъ голосомъ староста.—Куда дѣвались у меня эти деньги—не знаю. Мірскихъ денегъ мнѣ не надо, до послѣдней нитки все продамъ, да расплачусь съ обществомъ.

Въ избѣ сдѣлалась тишина: хоть муха пролети—слышно. Всѣхъ озадачили эти слова старосты. Міряне считали Рожка за честнаго человѣка; отъ него никакъ не ожидали, чтобы онъ сталъ пользоваться мірскими суммами.

„И совсѣмъ не куда дѣвать ему эти деньги, думали они: самъ онъ человѣкъ толковый—не могъ про-считаться во время службы; жиль очень скромно; вина не пилъ—потерять не могъ; въ хозяйствѣ прибыли никакой нѣть“... Просто они не знали чemu приписать его растрату.

— Да какъ же такъ,—сказали мужики:—вѣдь съ насть сейчасъ же потребуютъ эти деньги, а съ тебя жди, когда-то ты еще внесешь.

— Какъ хотите, братцы, такъ со мной и поступайте,—обратился къ сходу староста,—виновать я передъ вами, а денегъ взять вскорѣ негдѣ; если же помедлите, то я, погодя, все внесу.

— Ну, какъ, братцы, хотите,—обратился къ мірянамъ Дубовый:—примемъ эти деньги и покажемъ, что они на рукахъ у старосты, или же занесемъ ихъ въ приговоръ какъ растрату, за что и долженъ отвѣтить староста, а себѣ выберемъ новаго?

— Подождемъ, ребята, на старостѣ: онъ мужикъ хороший—уплатить деньги; не станемъ его позорить,—сказали пожилые серьезные мужики.

— Не мы его, а онъ самъ себя позорить,—закричали нѣсколько горлановъ:—онъ растратилъ наши кровные трудовые деньги и правъ, мы и должны его за это миловать, да своимъ бокомъ отдѣлываться! Рожокъ деньги растратилъ, да мы его оиять и въ старостахъ оставимъ, тогда онъ не столько напутается. Нѣть, шалиши, насть не проведешь, что заслужилъ, то и получай!

— Зачѣмъ садить его въ старосты,—сказалъ Дубовый,—мы выберемъ другого, а ему дадимъ только срокъ на уплату недостающей суммы.

— Ого-о, какъ мы каждому старостѣ будемъ прощать, то они у насъ все деньги распроторять,—не унимались горланы.—Вотъ одного старосту проучимъ, то это будетъ и другому наука—увидитъ каково расходовать мірскія деньги. Небось и Рожокъ намъ такъ не давалъ спуску: не хватитъ рубля, такъ, гдѣ хопь возьми, вынь да положь ему деньги, а не то сейчасъ и въ кутузку; а самъ цѣлыхъ триста рублей издержать нашихъ де-

негъ. Въ тюрьму его, подлеца!

— Вы, ребята, дѣло говорите, а нечего его ругать,—остановилъ Дубовый:—если онъ насидѣлъ, онъ и отвѣчаетъ, вѣсъ отвѣчать не заставить, а ругать его подлецомъ не слѣдуетъ.

— Не токмо его ругать, но бить слѣдуетъ—не расходуй мірскія деньги!—высунулся изъ толпы знакомый намъ Макаръ изъ деревни Назаровской, которому дѣлая добро, староста сидѣлъ подъ арестомъ.

— Много будетъ—бить еще выдумаль... возразилъ староста.

— Ты вѣдь и мою рублевку растратилъ, такъ вотъ тебѣ за это, безстыжіе глаза!—крикнулъ Макаръ и плюнулъ въ лицо старостѣ.

Староста утерся рукавомъ шубы и съ болью въ сердцѣ сказалъ:

— Слѣдовало бы тебя, подлеца, посадить подъ арестъ, но видно мнѣ сегодня все нужно потерпѣть за свою вину.

— Ты, Макаръ, языкомъ болтай, а такъ не безобразъ; ты вѣдь сюда для дѣла пришелъ, а не безобразничать. Смотри, у насъ—не шали, а не то, какъ пробка, вылетинъ отсюда!—пригрозили мужики.

— Онъ самъ-то любилъ дома чаекъ попивать, да по гостямъ ходить, то теперь и расплачиваися съ нами,—говорилъ Макаръ, пятясь къ дверямъ и удирая изъ избы, чтобы арестомъ или боками не расплатиться за свою неумѣстную храбрость.

— Нечего тутъ спорить, безъ толку кричать и напрасно тянуть время; пишите приговоръ о томъ, что трехсотъ рублей, собранныхъ старостой мірскихъ денегъ, при учетѣ не оказалось, а тамъ, какъ онъ хочетъ, такъ съ начальствомъ и знайся. Что посѣяль, то и пожнеть,—сказали большая часть мірянъ—и порѣшили на этомъ.

Написали о растратѣ приговоръ и представили его къ земскому начальнику.

Мѣсяца черезъ два Рожокъ нашелъ покупателя и продалъ принадлежащую ему по купчей крѣпости землю за двѣсти пятьдесятъ рублей, двухъ коровъ за тридцать четыре и на шестнадцать рублей овса. Сколотивъ триста рублей, онъ внесъ ихъ въ казначейство въ счетъ недоимки за Пироговское сельское общество и квитанцію представилъ земскому начальнику, который ужъ дѣло направилъ черезъ уѣздный ст҃бзъдъ къ судебному слѣдователю.

Цѣлый годъ жилъ Рожокъ въ ожиданіи суда, не зная какая участь постигнетъ его. Наконецъ онъ получилъ изъ окружнаго суда повѣстку. Склалъ въ котомку пироги, онъ пѣнкомъ покатилъ на судъ.

Начался разборъ дѣла. Предсѣдатель спросилъ его:

— Признаете ли себя виновнымъ въ томъ, что, состоя на службѣ сельскимъ старостой Пироговского сельского общества, вы растратили собранныя вами общественные деньги триста рублей?

— Признаю, — сдавленнымъ голосомъ отвѣчалъ Рожокъ.

— Что скажете въ свое оправданіе?

— Ничего.

— А куда вы дѣвали эти триста рублей?

— И самъ не знаю.

Въ своей обвинительной рѣчи еще молодой прокуроръ говорилъ.

„Пироговское сельское общество, состояще изъ темныхъ людей, избрало изъ среды себя старосту, обвиняемаго Калинина, по прозванию Рожка, какъ человѣка грамотнаго, болѣе ихъ развитого, пользующаго чест-

ностью, и довѣрило ему сбирать свои общественные подати, чтобы вносить за нихъ въ казначейство. Такимъ почетнымъ полномочiemъ общества, Калининъ долженъ бы гордиться. и, какъ человѣкъ честный, обязанъ быть оправдать довѣrie общества, чтобы, выйдя изъ старость, онъ могъ бы съ достоинствомъ сказать: не напрасно избирали меня въ сельскіе старости—довѣrie общества я вполнѣ оправдалъ! Что же мы видимъ? Обвиняемый, сельскій староста Калининъ, при послѣднемъ его учтѣ, заявилъ при всемъ сходѣ, что начтенныхъ на него общественныхъ денегъ, трехсотъ рублей, у него нѣть и вскорѣ заплатить деньги онъ не можетъ. Чтобы при собраніи всего схода пришлось объявить, что я растратилъ триста рублей мірскихъ денегъ, я думаю, ни одинъ староста, сколько нибудь считающій себя за честнаго человѣка, допустить не могъ. Калининъ, признавая себя виновнымъ въ растратѣ общественныхъ суммъ, ни при учетѣ его, ни на предварительномъ слѣдствї, ни здѣсь на судѣ не даетъ намъ указаний, куда дѣвались у него эти деньги. Это служить не въ пользу обвиняемаго, а противъ него: хотя предоставлено ему было посчитить съ себя пятно, наложенное на него растратой, чтобы оно было не такъ темно, но онъ самъ оставляетъ это черное пятно въ томъ видѣ, въ какомъ наложила на него растрата. Фактъ растраты вполнѣ установленъ учетнымъ приговоромъ и признаніемъ обвиняемаго, почему виновность Калинина въ растратѣ вполнѣ доказана. А чтобы сельскіе старости не злоупотребляли даннымъ имъ обществомъ довѣреемъ и чтобы они не могли безнаказанно растрачивать общественные суммы, я просилъ бы судъ, для примѣра другимъ, признать виновнымъ бывшаго сельскаго старосту Калинина въ растратѣ общественныхъ суммъ трехсотъ рублей и подвергнуть его наказанію.

Предсѣдатель еще разъ спросилъ обвиняемаго, что онъ имѣть сказать въ свое оправданіе.

Рожокъ отвѣчалъ свое-- „ничего.“

Судъ, послѣ недолгого совѣщенія, приговорилъ его трехнедѣльному аресту при полиції.

Рожокъ остался рѣшеніемъ суда очень доволенъ: онъ не ожидалъ, что такъ легко его осудятъ.

Отбывъ наказаніе, онъ толкомъ взялся за свою кормилицу-соху, и теперь, обрабатывая землю, беззаботно доживаетъ свой вѣкъ.

20-го ноября 1901 года

Волостной Старшина.

Р а з с к а з ъ.

Изъ себя Петръ Петровичъ,—говорилъ крестьянинъ Назарь,—былъ настоящій старшина: видный, широкоплечій, красивый, съ окладистой на обѣ стороны бородой, волосы у него въ скобку, всегда приглажены на прямой проборъ; носилъ онъ суконный длинный сюртукъ, сапоги со скрипомъ, а въ жилетѣ лежали повышенные черезъ шею на серебряной цѣпочкѣ большіе серебрянныя часы. Ходилъ онъ прямо.... Однимъ словомъ, любо было посмотрѣть на старшину.

Отецъ-то унего былъ богатый, торговалъ, попрожился: такъ что Петру Пртровичу пришлось уйти на чужую сторону—въ Питеръ. Туда онъ уѣхалъ хоть не глупымъ парнемъ, а еще сѣрымъ. Питеръ-то его и поотесалъ: совсѣмъ онъ сталъ походить на городскаго жителя. Возвратившись домой, онъ занялся хозяйствомъ.

Надо намъ было выбрать старосту. Кого? Только грамотныхъ людей у насъ мало, а Петръ Петровичъ толковый мужикъ—мы его и выбрали. Староста удался—хоть куда: дѣло вель исправно, отчеты отдавалъ хорошо, не пьянствовалъ; ну и выбрали мы его въ старшины и дали ему жалованье двѣсти рублей въ годъ.

Въ первое трехлѣтіе и старшина онъ былъ хороший, дѣла дѣлать толково и скоро, обходился съ нами лосково, никого не изобиждалъ. Мы выбрали его на второе трехлѣтіе—думали: онъ для насъ хороший, къ дѣлу попривыкъ, то па что намъ другого.

Но начь Петръ Петровичъ стала позабываться. Правленское дѣло онъ узналь не хуже любого писаря, почему писарями не дорожилъ, а выбиралъ такого, который во всемъ его слушался, чтобы ему одному волостью править. Писарь жиль у него въ на хлѣбахъ. Правленіе старшина перевель къ себѣ въ домъ: самъ помѣстился внизу, а правленіе было вверху. За правленіе онъ стала получать сто пятьдесят рублей въ годъ. Этого мало, онъ станцію на пару лошадей за триста рублей въ годъ взяль за себя; про жалованіе заявилъ на сходѣ, что оно ему мало, и назначили ему двѣсти пятьдесят въ годъ, да отъ канцелярскихъ расходовъ ему оставалась небольшая толика: гдѣ его усчитаешь, сколько онъ издержитъ денегъ на книги, на бумагу и проч., такъ что начь старшина стала получать всего рублей-ковъ семьсотъ съ хвостикомъ въ годъ; а эти деньги въ крестьянскомъ быту большія. Кромѣ того, онъ завелъ большое хозяйство—и отъ него была польза.

Но начь старшина не довольствовался такимъ доходомъ—онъ сталъ брать съ кого возможно взятки. Если дашь ему подарокъ, двигается дѣло, а то—и по-дачи нѣть.

Многіе жаловались на него уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, но все начальство ему было съ руку—онъ отписывался; ему болѣе вѣрили а не намъ, ничего изъ жалобъ не выходило, только еще болѣе сердили старшину, который мстить за жалобы.

Съ начимъ братомъ онъ стала грубъ. Толкомъ

мало съ кѣмъ поговорить, а все болѣе кричить, что то неладно, да другое неладно; съ начальствомъ же, то его ласковѣ, кажется, ни одного старшины въ нашеиъ уѣздѣ не было; а такъ какъ у него всего было довольно, начальство онъ принималъ, какъ слѣдуетъ. Для начальства же онъ и услужливъ былъ: понадобится-ли кому свѣжаго масла, хорошей крупы, картофелю, или чего другого—старшина живо представить начальству. Въ городѣ у начальства вся прислуга ему задолжала, такъ что ему входъ къ начальству всегда былъ открытъ.

Мало стало старшинѣ своей должности, онъ для почета наладилъ дѣло такъ, что его выбрали въ попечители замскаго училища и въ предсѣдатели церковнаго попечительства. Тогда еще выше задралъ свой носъ нашъ старшина: учителю приходилось къ нему по пѣскольку разъ ходить за жалованіемъ за двѣ версты и униженно просить, какъ будто какой нибудь милости, а училищный сторожъ, занимавшійся еще и рыбной ловлей, безъ рыбки не смѣлъ и показаться за жалованіемъ къ старшинѣ.

Всѣхъ старость и весь народъ онъ въ нашей волости забралъ въ свои руки; жилъ онъ у насъ панъ паномъ, всѣ его боялись, почитали, вездѣ былъ онъ у насъ первымъ гостемъ.

Кончилось второе трехлѣтіе. Мы было не хотѣли его снова выбирать. Куда-тутъ--втерся опять въ старшины. Однихъ выборныхъ онъ угостили передъ выборами водочкой, другіе ему были пріятели, для которыхъ онъ былъ хороши, а недовольные не смѣли съ нимъ спорить, чтобы онъ не посадилъ подъ арестъ или чѣмъ нибудь не навредилъ-бы. Нѣкоторые пробовали было на выбора жаловаться, что изъ-за водки выбрали старшину.

Приехалъ членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, остановился онъ у старшины, спросилъ выборныхъ, участвовавшихъ на сходѣ, какихъ нужно было старшинѣ. Выборные показали, что никакого винопитія на сходѣ не было, а болѣе смирные и умные непріятѣли старшины замолчали, чтобы онъ имъ не навредилъ. Старшину утвердили.

За свое усердіе къ службѣ старшина былъ представленъ къ наградѣ и получилъ серебряную медаль, съ которой не разставался.

И хитеръ же быть наше старшина. Развѣ случился лѣсной пожаръ. Онъ собралъ жителей и пошелъ тушить; но не дошелъ до мѣста пожара трехъ верстъ, какъ его иззвѣстили, что мѣстные жители пожаръ ужъ утишили. Онъ возвратился домой, донесъ начальству, какія энергичные мѣры имъ были приняты для тушенія пожара: убранъ былъ лишній хворостъ, окопано мѣсто кругомъ пожара канавой, разставленъ былъ народъ, тушившій пожаръ... И старшинѣ за принятіе энергичныхъ мѣръ при тушеніи пожара, выплю отъ начальства поощреніе.

Ввели земскихъ начальниковъ. Къ намъ назначили добродушнаго начальника изъ офицеровъ. Онъ съ дѣломъ былъ незнакомъ, а старшина наша на дѣлѣ собаку сѣѣлъ—и втерся къ нему въ довѣrie.

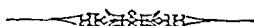
Все сходило ему съ рукъ. И мы выбрали опять на четвертое трехлѣтіе его въ старшины. Терпѣли такъ мы еще года два. Смѣнился этотъ земскій, послали намъ другого, болѣе строгаго.

Съ этимъ старшина не могъ поладить. Смекнули мы, что этотъ земскій болѣе съ руку намъ, чѣмъ старшинѣ—всѣмъ міромъ и навалились на старшину, обвиняя его во взяткахъ и въ растратѣ; да такъ было начали ловко, что насчитали на старшину волостныхъ денегъ

около двухъ тысячъ—и земскій приказалъ у старшины за растраченные волостные деньги описать имущество.

Старшина на учетъ стала жаловаться, пошли учеты да переучеты; не скоро провѣришь старшину за четырнадцать лѣтъ службы, подавай только расходы учетчикамъ; бились, бились, да и свели къ тому, что за старшиной присчиталось только двадцать рублей, да и тѣ признавалъ онъ начтеннымъ неправильно; но учетчики стали ему говорить, чтобы онъ выдалъ эти деньги хотя на расходы имть по учету, да хоть съ дѣломъ-то развязаться. Онъ выкинулъ двадцать рублей—и тѣмъ дѣло покончилось,—закончилъ Назарь свой разсказъ.

5-го октября 1904 года,

ПЕТРУША и ПАРАНЯ.

Р а з с к а з ь.

І.

Рано утромъ на третій день Петрова дня, на берегу извилистой рѣчки косила молодая красивая дѣвушка изъ деревни Бакрыловки. Каріе веселые глаза ея и небольшія ямочки на круглыхъ щекахъ, придавали ей особую миловидность. Высокая грудь ея горой вздымала складки краснаго сарафана, туто стянутаго голубымъ передникомъ; сбоку висѣла пестерекъ съ лопаткой для точенія косы. Изъ-подъ белаго платочка выбивалась длинная коса и змѣй извивалась на стройномъ ея станѣ.

Подъ взмахами острой, какъ бритва, косы, ровными рядами ложилась трава. Но вотъ на бугорочкѣ коса хватила песку, и Параня, такъ звали лѣвушку, выпрямилась, подняла косу кверху, вынула изъ пестерька лопатку и быстро и мѣрно стала водить по той и другой сторонѣ острія. Звучный лязгъ раздался далеко кругомъ.

Взглянувъ виередъ себя, дѣвушка невольно заливалась утромъ.

Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, и пріятно для тѣла его ощущеніе. Край золотистаго солнца выглядывалъ изъ-за лѣса, разсѣивая густой туманъ окутавшій землю и освѣщаю остроконечныя верхушки темнаго, вдали

видиющагося, еловаго лѣса, окаймленаго кужлявымъ олениякомъ. Самые разнообразные цветы усыпали берега рѣчки. Капли росы хрусталимъ блистали въ углубленіяхъ листочекъ.

Дѣвушка съ наслажденiemъ глубоко вдыхала въ себя чистый прохладный воздухъ, и на душѣ у нея было такъ легко, что въ этотъ мигъ она ничего не желала на свѣтѣ....

— Ужо, я тебя... Что ты тутъ стоишь и не косишь!—внезапно раздался недалеко отъ нея громкій мужской голосъ.

Дѣвушка вздрогнула и обернулась назадъ. Къ ней шелъ съ косой на плечѣ, въ красной рубашкѣ ея любой. Петруша, изъ одной съ ней деревни. Это былъ высокій, здоровый, блокурый парень лѣтъ двадцати.

— Виши ты, какъ напугалъ—дани колѣнки затряслась,—сердитымъ голосомъ проговорила дѣвушка, а сама съ любовью такъ и смотрѣть своими смѣюющимися глазами въ открытое лицо парня.

— Ну, не сердись на меня. Здравствуй, Параня,—сказать тотъ, протягивая свою мускулистую руку.—Я вѣдь только пошутилъ съ тобой.

— Здравствуй. Что поздно на сѣнокость идешь?

— Вчера я долго прогулялся въ Заозерьѣ: едва къ двѣнадцати часамъ ночи попалъ домой. Только что въ самолуцию уснулы, какъ тятъка и будить: „Вставай, Петрушка, ужъ разсвѣло.“ Я сквозь сонъ худо и слышу, что онъ мнѣ говоритъ. Думаю: отступится, дасть еще часикъ соснуть... Но вдругъ слышу: „Да вставай же, до чего тебѣ тутъ дрыхнуть; сегодня вѣдь все на Рѣпное отправляются—не послѣдними же мы потащимся туда.“ Какъ услыхалъ я про Рѣпное, то у меня весь сонъ, какъ рукой, сняло. Я вспомнилъ: вчера ты ут-

ромъ говорила, что сегодня будешь косить на Мысу. И думаю самъ съ собою: „Дорога на Рѣпное почти черезъ Мысъ, и привернуть туда ничего не стоитъ; а теперь какъ разъ моя Параняка тамъ косить одна—мати павѣрно еще обряжается. Вотъ бы едакъ застать ее тамъ одну: какъ бы мы хорошо съ ней вдвоемъ потолковали бы... И тотчасъ же я соскочилъ съ постели, плеснувъ на лицо холодной воды и поспѣть сюда...

— Но мнѣ тутъ толковать-то некогда: проговоришь съ тобой, мамка придетъ—заругаетъ меня, что мало накосила.

— Объ этомъ разговаривать не стоитъ: мы сначала поговоримъ, а потомъ я тебѣ подсоблю косить, смотриши, живо вдвоемъ время наверстаешь.—Давай-ка лучше, Параня, посидимъ вонъ на бугорочкѣ подъ березой, вишнѣ, она какая кужлявая—подъ тѣнью ея славно будеть отдохнуть.

— Ну, ладно когда, такъ и быть, посидимъ,—согласилась Параня, и со своимъ любымъ направилась къ березѣ.

Положивъ возлѣ себя косы, они расположились въ тѣни, съ любовью поглядывая другъ на друга.

— Каково погулять вчера?—спросила Параня.—Навѣрно весело было: поди отъ Андронишни не отходи.

— Охъ, Параня, Параня, все-тъ до сихъ порь ты не вѣришь мнѣ.—качая головой, съ сожалѣнiemъ говорилъ парень.—Не разъ ужъ ты слышала отъ меня, что мнѣ только тамъ весело, гдѣ ты есть; а гдѣ тебѣ нѣть, то будь для другихъ хоть того веселѣе, а мнѣ все не по себѣ. Хоть иногда безъ тебя на гулянѣи и затянемъ веселую пѣсню, и въ кругу пойдешь съ девицами откалывать колѣна, но все на душѣ какъ-то неотрадно... И удивительное это дѣло: гуляешь ли ты, на работѣ

ли, ложинься ли спать, встаешь ли утромъ—одна ты у меня на умѣ. Кажется тебя краине и милѣе нѣть нико-го на свѣтѣ... Ты поди не такъ горячо любишь меня?

— Скажу по душѣ: по сердцу и ты, Петруша, при-шелся мнѣ. Въ тотъ день только и отрадно, когда нови-даю тебя; а то брожу какъ сама не своя: все думаю, какъ бы это повстрѣчать моего Петрушу, взглянуть на него хоть бы однимъ глазомъ, тогда гораздо легче сердцу бываетъ, а то все оно печалится и тоскуетъ по тебѣ.

— Да и ты то мнѣ больно люба. Ты для меня ми-лѣ и дороже отца, матери и всѣхъ родныхъ. Если ме-ня дома и бранятъ, что я съ тобой гуляю, то это нис-колько не печалить меня; но если родные, ругая меня, начнутъ хулигъ тебя, или услыхаю, что тебя мати твоя ругаетъ изъ-за меня,—то у меня горько сдѣлается на душѣ и жаль тебя. „Сколько ей, бѣдной, приходится горя изъ-за меня терпѣть, подумашь самъ съ собою,—кажется, всѣмъ бы сердцемъ радъ, чтобы моя Паранька жила въ покой и счастливо и чтобы никто не оскорб-лялъ ея,—но при всемъ своемъ желаніи ничего не можешь сдѣлать.

-- Наши родные косо смотрятъ на нашу съ тобой дружбу и стараются разлучить насъ съ тобою,—прогово-рила съ грустью Параня:—твои наложиваются тебѣ въ невѣсты Андронишну, потому что она невѣста богатая и порода у нея все хорошая, а меня какъ ужъ и ни честять; намедни твоя тетка и нинецей, и потаскуней, и дѣвкиной дочерью обозвала за то, что ты дружень со мною. Какъ когда меня ни ругаютъ, я все терпѣливо переношу, но какъ назовутъ дѣвкиной дочерью, то такъ слезы на глаза и навернутся: мамка моя согрѣшила—она и виновата, а меня попрекать грѣхомъ матери, тогда какъ я ни въ чемъ этомъ неповинна, грѣшино.

Да и передь твоей родней я ни чѣмъ не провинилась: вѣдь я къ себѣ не приманиваю тебя, а ты самъ по доброй волѣ лѣнешь ко мнѣ. Право, тутъ съ моей стороны вины никакой нѣтъ... Моя мамка бранить меня за то, что я дружна съ тобою и что ты только сблазываешь меня, а замужъ никогда не возмешь. Наши родные, да и все сусѣди и знакомые, Богъ знаетъ, что думаютъ про насть. а между тѣмъ мы другъ дружку кромѣ хорошаго слова никогда ничего не пожелаемъ. Не знаю, Петруша, какъ у насъ пойдетъ дальше, а пока мы терпимъ однѣ невзгоды; развѣ впереди увидаемъ когда нибудь счастье, но трудно ожидать его. Теперь я тѣмъ довольна, что когда съ тобой вдвоемъ посижу и поговорю: тогда позабудешь все на свѣтѣ, кажется, сидѣла бы все съ любымъ, да толковала бы.

— Вѣрь, не вѣрь мнѣ,—съ чувствомъ сказать Петруша:—а я Андронишну замужъ не возьму, хотя бы какъ родные ни принуждали бы взять ее. Вѣдь не имъ придется съ ней жить; а мнѣ на что такая рябая терка, да еще косая какъ заяцъ; наплюну я на нее и на ея богатство. Лучше уйду изъ дома въ одной рубашкѣ, а возьму себѣ любую; съ милой же рай и въ шалашѣ. Потомъ, я слышалъ, что къ тебѣ думаетъ свататься изъ Турова вдовецъ; но скажу тебѣ: все равно, если бы ты и пошла за него, а я не дамъ взять тебѣ, и его. жениха, изъ деревни такъ турну, что онъ никогда впередъ носу не покажеть!

— Да я и сама лучше въ чужихъ людахъ буду жить, а за такого старика не пойду; хоть будь онъ того боячѣ, а мнѣ его не надо... Вотъ что, Петруша, мы съ тобой долго засидѣлись: какъ-да мамка скоро придетъ, то заругаетъ меня, что мало накосила.

— Такъ давай-ка вмѣстѣ смахнемъ этотъ уголокъ,—сказать, вставая, Петруша.

Онъ, взявъ косу, крѣпко уперся о землю ногами и ровными широкими взмахами косы, неслышно подрѣзать еще мокрую траву.

Параня, забирая прокосиво не меныше его и не отставал, пошла за нимъ.

Закипѣла работа въ двухъ здоровыхъ привычныхъ рукахъ. Намѣченного уголка почти какъ не бывало: трава лежала рядами....

— Я тебѣ, безпутому, задамъ!—закричала внезапно появившаяся мать Парани, увидавъ возлѣ нея парня.— Люди въ самолучшую косять, а онъ, ровно о праздникѣ, разгуливается по дѣвкамъ. Самъ не работаетъ да и другимъ мѣшаетъ.

— Тетка, вѣдь я попутнымъ дѣломъ—только сейчасъ привернуль сюда,—оправдывался парень.

— Иди, иди, пока я тебя, путаника, граблямъ не отхлестала.

Парень вскинуль косу на плечо и быстро зашагалъ по тропинкѣ, на свистывая веселую пѣсню.

II.

На краю деревни Бакрыловки живеть Агафья со своей дочерью Параней. Ея покривившая старая избенка съ двумя окнами, почти касавшимися земли, крыта соломой, которая стенила и требовала перемѣны; надъ избой возвышается деревянная труба; сзади избушки примыкаетъ дворикъ, гдѣ находилась корова и теленокъ. Внутри избушки тѣсная; черная, безъ трубы, печка, широкая около стѣнъ лавки, надъ ними полки, четырехугольный столъ, глиняный рукомойникъ, широкая деревянная лохань—составляли все убранство избушки и оставляли въ ней одинъ проходъ.

Вечеромъ, около зимиаго Николина дня, сидѣла одна Агафья за прядлицей и много думъ тѣснилось пть ея головѣ,

„Трудно, трудно, одной бабѣ безъ мужика править хозяйствомъ. думала она про свою горькую долю. Что ни сдѣлаютъ—за все подай денежки, а много ли вотъ ихъ добудешь на прядлицѣ? Горемышная я, бѣдное мое житѣе и никто меня не пожалѣеть. Ну, добро бы была бы одна, а то вѣдь дѣвку надо было выпоить, выкормить, да все отъ однѣхъ своихъ бабыихъ рукъ. Хоть эти года четыре полегче—дѣвка стала мнѣ хорошая помощница, но опять не ладно, опять горе: не вѣчно ей жить со мной—надо ее опристраивать. Пока я жива, то и опристроить ее при себѣ, а то помру—не кому будетъ позаботиться обѣ ней: вѣдь пропадаетъ она совсѣмъ безъ меня; а опристроить мнѣ дѣвку—не шутка: съ деньгамъ это легко—дать приданое, накупиль всего—и копченое; у меня же, даже не на что и свадебку сыграть... Тутъ и выдавай дѣвку замужъ“...

Вдругъ отворяются въ избу двери; входить въ избу пожилая баба. Перекрестившись передъ иконами, она садится вдоль половицы. Агафья съ удивленіемъ посмотрѣла на нее. Хотя она и знала бабу, которая была изъ деревни Турова, верстъ за пять отъ нея, но та не бывала въ ея избѣ.

„Значить не спроста пришла гостья, если сѣла вдоль половицы,“ смекнула Агафья и попросила гостью раздѣтся. Та не замедлила.

— Ты ужъ извини меня,—обратилась Агафья:—я тебя здѣсь оставилъ одну, а сама схожу къ сусѣду за самоваромъ. Принесу самоваръ, поставлю его, за чайкомъ мы съ тобой посидимъ и поговорилъ.

— Полно ты обо мнѣ беспокоиться-то: я и такъ гонижу.

— Невелико беспокойство — я живо сбѣгаю.

Агафья мигомъ изготвила самоваръ, поставила его на столъ, собрала посуду и пригласила гостю напить чайку.

— Ну, Агафья, — начала за чаемъ гостья, — я вѣдь къ тебѣ пришла не спроста.

— Не спроста, такъ говори за чѣмъ.

— У тебя есть товаръ, а у меня покупатель, то не хонь ли сбыть съ рукъ свой товаръ.

— Кали покупатель хороший, то отчего не сбыть тогартъ.

— Про покупателя и говорить нечего: человѣкъ онъ трезвый, водки капли въ ротъ не береть, угоды у него много, одной купленной земли болѣе чѣмъ на тысячу будетъ; домъ — какъ гора, хлѣба вдоволь, огромные сусъки такъ и ломятся подъ нимъ; скотины: двѣ лошади, семь коровъ, а мелкаго живота — и не пересчитаешь; по праздникамъ нарядится, что твой купецъ. Ноини у насъ такихъ бѣгатыхъ жениховъ — не найдешь...

— А кто онъ такой есть? — спросила Агафья, хотя сама уже догадывалась, о комъ идетъ рѣчь.

— Женихъ недалъній — съ Дубного вдовецъ Роговъ.

— Роговъ — вонъ кто, — протянула Агафья. — Жениха я не хаю: про самого не слыхала худого, знаю, что и всего у него много. Да и дѣвка-то у меня не изъ послѣднихъ: собой заглядѣнья, здоровая, въ работѣ мужику не уступитъ; напримѣръ, когда жнетъ, то все идетъ впереди всѣхъ; да и славы за ней никакой нѣтъ; небось, никто про мою Нараньку худого не скажеть, — и даромъ, что бѣдна, но на почетѣ у ребятъ, въ кругахъ наперевхать пысать ее беруть.

— Что и говорить, дѣвку не похулишь; если бы не,

хорошина была, то такой женихъ и не подумать бы къ вашему дому подъѣхать: вѣдь одеяки хорошей у твоей дѣвки нѣть, о приданомъ и поминать не стоитъ; по-родой своей ты не похвастаешься—не разгуляется по твоей породѣ твой будущій зять,—вѣдь женихи и это разбираются.... Да время тебѣ, Агафья, дѣвку оиристраивать, болозѣ Богъ такое счастье посыласть.

— Слово не говоря, бѣднота заставить выдать дѣвку и за вдовца. Это-то еще ничего, да больно много речь-то осталось отъ первой бабы: вѣдь легко только сказать—пять человѣкъ, а каково мачихѣ будетъ съ нимъ жить: всего тутъ она напримимается, можетъ быть, не рада будетъ и богатству. Мачихи дѣло плохое: пригрозить ребятъ нельзя—нажалуются отцу, а тотъ подумаетъ, что мачихѣ ребята чужие—ей ихъ не жаль, то избижаетъ ихъ... и пойдутъ въ семьѣ ссоры, да раздоры, въ тягость станеть и самая-то жизнь; особенно, какъ начнутъ копигться свои ребята, то тогда горя вдоволь напримимается. Да нынѣшняя дѣвки и года разбираются, а твоему жениху поди подъ сорокъ стукнуло—уже у него большая пѣтина на головѣ, чего дѣвки больно не любятъ.

— Но, Агафья, еще пѣтина не изъянъ, а напротивъ, нужно смотрѣть на нее какъ на похвалу для человѣка. Вѣдь отъ большого ума волосы лѣзутъ изъ головы; вонъ, ты бы посмотрѣла на секретаря стѣзда: голова, что твой луженый горшокъ, только около ушей какіе-то клочки торчатъ, а между тѣмъ онъ всѣмъ съѣздомъ всрочасть: въ головѣ ума палата. Въ городахъ нынче и все въ года моего жениха женятся: въ это время женихъ весь женихъ, со всѣмъ умомъ, хозяинъ будетъ хороший, не то что наши безусые ребята баломыги: у нихъ въ головѣ еще вѣтеръ ходить, а не жить съ семьей и кормить ее въ потѣ лица. Да и то сказать тебѣ, Агафья:

не будь бы Роговъ вдовыи, не имѣй онъ пятеро ребятъ, да будь годами помоложе, то онъ не подумалъ бы къ твоей дѣвкѣ свататься: за него въ нашей волости любую бы невѣсту отдали.

— Еще у моей Нараньки приданое не готово, и въ нынѣшнюю зиму мнѣ не сбиться на свадьбу.

— Обѣ этомъ-то и толковать не стоитъ; женихъ-то, посылая меня, сказалъ: „Если пойдетъ за меня эта дѣвка, то не только приданого ничего не попрошу, но даже еще отъ себя свадьбу сдѣлаю.“ Посуди ты сама: гдѣ ты лучшіе такого жениха отыщешь? Какого тебѣ еще праха надо? Ты лучше крестись, что за твою бѣдность, да за твое сиротство, къ твоей дочери Богъ такого жениха посыаетъ.

— Твоя правда, только за такого жениха, который ничего не спрашивается, я и могу отдать Нараньку; а то обѣ мы съ ней бьемся, бьемся съ утра до вечера и не можемъ выбиться изъ нужды: вѣдь наше дѣло бабье—отъ своихъ рукъ кормимся; сыты, не на срамъ одѣты—и ладно: бабыми руками не много добудешь. Ну, коли женихъ ничего не просить, то я согласна за него мою Нараньку отдать. Но крайней мѣрѣ, когда умирать стану, то покойна буду, что у меня дѣвка опристроена.

— А когда можно къ вамъ пріѣхать мѣсто смотрѣть?

— Хорошо, какъ бы женихъ нась отъ этой очереди совсѣмъ избавилъ: вѣдь я сказывала, что у моей невѣсты, кромѣ необходимой одежи, еще ничего не приготовлено, такъ што стыдно показывать ея скруту.

— Ну ужъ, этого ты и не говори: нужно очередь испровести какъ слѣдуетъ; мы свадьбу устроимъ не на смѣхъ людямъ. Если у твоей невѣсты скруты мало, такъ сама хороша—не стыдно будетъ ее жениху показывать.

— Што ужъ дѣлать—пусть когда пріѣзжаетъ въ

следующее воскресение; къ этому времени хоть я немногого поприготовлюсь.

— Ладно, когда къ этому времени ты приготовляйся—мы будемъ. Теперь и прощай, Агафья,—подымаясь съ лавки, сказала сватунья:—пора мнѣ идти къ жениху—его вѣсточкой порадовать, а то, поди, сидитъ какъ на угольяхъ, дожидаешься отвѣта, и нигдѣ места себѣ не находить.

Оставшись одна, Агафья раздумались о своемъ горе-горькомъ житьѣ и давай причитать:

„Не думала я, не гадала, что постигнетъ меня такая тяжелая доля: вѣдь до девятнадцати лѣтъ я не знала никакой печали и нужды. Надо было приключиться такому горю—помереть моей мамкѣ; осталась я сиротинушкой безъ матушки своея родимыя. Отецъ день деньской за работою, а ночь, утомившись, спить сномъ непробуднымъ, некому поглядѣть за мной молоденечкой; жила, никого не боясь, я въ полной своей волюнкѣ. Охъ, ужъ воля, эта волюнка, многихъ погубила она досадница; не будь бы этой волюнки, не извѣдала бы я такого горюнка. Надо было подвернуться пучеглазому Митькѣ Сѣрому; полюбился онъ пуще отца родного и родной матери: не могла я на него, краснорожаго, насмотрѣтися и съ нимъ наговоритися. Лукавый попуталъ—я согрѣшила: почувствовала въ себѣ дитятка. Пропали для меня вѣніе дни и настала ненастная осень. И жила я одной надеждунской—взять замужъ мой Митенъка. И не обманулъ бы онъ меня, да угнали его въ службу царскую—и не пришлось ему на мнѣ женитися: тамъ онъ сложилъ свою буйну-головушку. Сколько стыда и сраму напринималась я, вѣдаешь одинъ только Богъ да Пресвятая Богородица. Всѣ смотрѣли на меня, какъ на окаянную, словно душу я загубила человѣческую, и всѣ женихи отъ меня отвер-

нулися. Отецъ билъ меня, не жалѣя руки своихъ, а родня и чужie позорили, што хуже и ненадобно. Думала я, што не перенесу этого горюшка; много разъ хотѣла въ воду броситься или повѣситься, да жаль было загубить себя; на этомъ то свѣтѣ мучилась, да и на томъ еще не будетъ милости; какъ стублю я двѣ душеньки—свою и младенчика, то посадить меня въ огнь къ злымъ дьяволамъ. Вотъ родилась у меня Наранюшка, свѣтъ закрыла глазамъ моимъ отъ людей добрыхъ, не знала я куда и дѣватися. Промучилась я съ годъ въ родной семье со своей Наранюшкой: ифту еще силы моченьки тутъ терпѣть своего горюшка. Сжалася родимый батюшка—выстроилъ мнѣ келейку, и стала я жить въ ней со своей Наранюшкой. Нужды, холоду и голоду напримналася я со своей крохоткой, и никто не пожалѣть меня, бѣдную. „Такъ и надо ей блудницѣ.“ говорили мнѣ люди добрые. Все перетерпѣла я, все вынесла, своимъ горбомъ дочку выкормила, ёй одной утѣшилася, все свое горе забываючи. Приходитъ времѧтико разстасиша съ моимъ непагляднымъ дитяткомъ: не вѣкъ ему сидѣть подъ крыжникомъ матушки, пора свить и свое гнѣздышко. Останусь я одна-одинешенька мыкать жизнь свою горе-горькую. Да и дѣвку держать опасно, какъ бы что съ ней не приключилося, и не пришло бы ей испить мою чашу не сладкую; не перенести мнѣ тогда горюшка, во гробъ вгонить меня кручинука... Да и вотъ идетъ мой умница.“ Услышавъ стукъ, она закончила прічитаніе, и будто сердитымъ голосомъ обратилась къ дочери:

— Што долго гуляла?

— Такъ долго была посидѣнка. Я хотѣла ранніе уйти, да не отпустили. Всѣ сказали: „Што-ты одна пойдешь—уходить лучше вмѣстѣ съ людемъ чѣмъ одной.“ Ну, я и осталась.

— А безъ тебя приходила сватуныя—сватала тебѣ хорошаго богатаго жениха, который никакого придано-го не спраниваетъ; што есть, въ томъ береть, даже свадьбу отъ себя дѣлаеть. Лучше намъ такого жениха не дождаться.

— Кто онъ есть?

— Съ Турова Роговъ.

— Вотъ ужъ я, мамка, за него и не пойду: онъ вдо-вецъ, стариkъ, вѣдь у него пятеро ребятъ—вѣкъ-то и бейся съ ними... Наплюну я на его и на богатство-то его.

— Шаранька, кто же лучше-то тебя возьметъ? Мол-лодые да богатые женихи спраниваютъ приданое, хо-рошую скруту и выбираютъ, чтобы невѣста была изъ хорошиаго дому... А мнѣ даже пѣ шутка свадьбу сы-гратъ.

— Я лучше за бѣднаго, да за молодого пойду, а такой стариkъ мнѣ не надо.

— Дура, какъ у бѣднаго-то ничего, да у тебя столь-ко же, то какъ вы будете жить? Развѣ только нищихъ разводить. Или ты думаешьъ, што къ тебѣ посватается твой любой Петрушка. Ты выкинь изъ головы эту дурь. Если бы онъ самъ-то умомъ и взялъ тебя, то родные ни почемъ не дадутъ взять тебя, нищую.

— Мамка, я кромѣ Петрушки ни за кого замужъ не пойду,—отрѣзала дочь,—а онъ обѣцался жениться на мнѣ.

— Охъ, ты, полоротая!—закричала мать,—онъ толь-ко, пучеглазый, проводить тебя: обманть—а тамъ и хвостъ покажеть; послѣ для него хоть трава не рости. Выкинь-ка лучше вонъ изъ головы всѣхъ вертоплясовъ и выходи за вдовца—славно вѣкъ проживешь... Жен-ниху я наказала въ то воскресеніе прїѣхать мѣсто смо-

трѣть.

— Выходи сама за вдовца, а я не пойду,—стояла на своемъ Нараня.—Хоть ты и мать моя, а у меня воля своя: за кого хочу, за того иду. Если и худо буду жить, то я буду маяться, а не ты, и не на кого не буду жаловаться, что меня погубили.

Агафью взорвало. Она соскочила даже со скамьи и со сжатыми кулаками подступила къ дочери, которая, низко опустивъ голову, съ рѣпинтельнымъ покорнымъ видомъ сидѣла на скамьѣ.

— Што ты стала за самовольница,—кричала во все горло Агафья:—не хочешь родной своей матери слушаться! Вонъ она какую дурь вбила въ свою пустую башку: зарядила одно—не пойду, да не пойду, ровно и словъ у нея другихъ нѣть. Вѣкъ-то шутаться ли что-ли будень со своимъ Петрункой! Меня, да и сама себя опозорить хочешь, чтобы потомъ всю жизнь маяться... Ей Богъ счастье посыаетъ, а она отъ него прочь бѣжитъ—въ такой богатый домъ не хочешь выходить полной хозяйкой... Какого еще тебѣ дьявола—прости меня Господи, согрѣшила я съ тобой грѣшная—еще надо? Вѣдь къ тебѣ не кунецъ въ золоченой каретѣ подѣтъ. Ты и не думай мнѣ перечить... Што велять—ты и должна слушаться: я тебѣ мать—не худа, а добра желаю!

— Иди сама, а я лучше въ чужихъ людяхъ стану жить, а за него замужъ не пойду.—твердила свое Нараня.

— Вотъ еще ты вздумала—не слушаться матери,—свесѣмъ вскипятилась Агафья,—такъ я тебѣ покажу!

И обѣими руками ухватившись за волосы, начала трепать дочь, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Слушайся матери и не досажай ей!

Параня заревѣла не столько отъ боли, сколько отъ обиды и говорила:

— Полно, мамка, отстань, ты вѣдь совсѣмъ напрасно меня бѣешь!

Но Агафья тогда только отстала, когда у нея устали руки, и долго она еще не могла успокоиться, ругая дочь на чёмъ свѣтъ стоитъ.

III.

Въ воскресеніе вечеромъ Роговъ покатилъ къ невѣстѣ смотрѣть мѣсто. Самъ онъѣхалъ впереди, завернувшись въ волчью шубу. Сытый его меринъ, убранный подъ серебро въ сбрую, высоко поднявъ голову,ѣжалъ рысью. Съ женихомъ сидѣла сватунья и пожилой его братъ. Сзадиѣхала сестра со своимъ мужемъ.

— Ноди-ка теперь у невѣсты какъ дожидаются насъ: навѣрно всеѣ глазоньки въ окнахъ присмотрѣли,—обратилась къ жениху сватунья.

— Я думаю, что поджидаютъ,—съ важностью проговорилъ женихъ.

— Ну и надо невѣстѣ и ея матери радоваться, что Богъ имъ такое счастье посыпаетъ: вѣдь изъ тысячного домуѣдетъ женихъ къ ихъ келейкѣ. Видно, за бѣдноту и сиротство ихъ такъ Господь награждаетъ.

— Я хочу осчастливить бѣдную дѣвушку. Думаю самъ съ собой: всего у меня въ домѣ довольно, не за чѣмъ я въ люди не хожу, то, дай, женюсь на бѣдной: по крайней мѣрѣ, жена изъ такой бѣдности въ моемъ домѣ будетъ счастлива и всегда будетъ благодарить меня, что вытянула ее изъ такой бѣдноты.

— Вѣстимо такъ, осчастливить ты хочешь Параню, сдѣлать ей добро.

— Небось, если бы невѣста была уродъ, то и не

подумалъ бы къ ней свататься,—вмѣнился въ разговоръ братъ, которому женитьба его не очень нравилась,—а ты Ѵдень къ невѣстѣ, што будь она немножко побогаче, то любой бы молодой парень къ ней подѣхалъ бы.

Жениху это не понравилось. Онъ сердито уткнулся весь свой носъ въ пунку и предался сладкимъ думамъ о своей женитьбѣ...

— Стой, не смѣй дальше Ѵхать!—внезапно раздался чей-то громкій голосъ.

И схваченная за подудцы лошадь жениха вмигъ остановилась.

„Не разбойники ли напали.“ мелькнуло у Рогова въ умѣ, и весь дрожа отъ страха, онъ взглянулъ впередъ.

Они были въ двухъ верстахъ отъ деревни, въ прогонѣ, заваленномъ снѣгомъ. Глубокія канавы по ту и другую сторону дороги были давно знакомы ему. Какихъ-то трое рослыхъ парней загораживали дорогу; одинъ изъ нихъ держалъ лошадь. Кругомъ ни души.

— Што вамъ надо?—едва отъ страха выговорилъ женихъ.

— Заворачивай обратно, да проваливай туда, откуда прїѣхалъ,—отвѣтилъ державший лошадь.

Роговъ узналъ въ немъ любого невѣсты—Петрунку, и у него отъ души немного поотошло.

— На разбой ли што вы, ребята, вышли,—сказать онъ уже болѣе смѣлымъ голосомъ,—не даете пути проѣзжимъ людямъ.

— Безъ разговоровъ—поѣзжай назадъ,—стоять на своею Петрунку.—Все равно мы далѣе не пропустимъ васъ: мы къ вамъ за невѣстамъ не Ѵздимъ, то и сво-

ихъ девокъ въ люди не отдадимъ.

— Гдѣ вы нашли такое право, чтобы изъ чужой деревни невѣсты нельзя было брать.

— А право-то у насть сѣбой,—показывая свой увѣсистый кулакъ,—отвѣтилъ Петруша.—Если не хочешь, чтобы тебѣ шею намылили, то лучше выбирайся-ка отсюда по добру, по здорову.

— Подь судъ я васть бездѣльниковъ упрячу, въ Сибирь на поселеніе сошлю....

— Полно тутъ сѣ нимъ попусту калякать, я вотъ сейчасъ сѣ озорникамъ раздѣлаюсь,—перебилъ его, вылезая изъ саней, братъ.

— Ну, отпускай лошадь, говорять тебѣ честью!—крикнулъ онъ на Петрушу.

— Забирайся-ка лучше въ сани, да заворачивай отлобли,—спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Такъ я тебѣ, плуту, покажу,—замахнулся братъ на Петрушу, но быль предупреждѣнъ здоровымъ ударомъ кулака по лбу, слетѣль съ дороги въ сторону, завязъ въ снѣгу и запутался въ своеемъ широкомъ туслупѣ.

— Нечего сѣ нимъ большие, ребята, разговаривать—сваливай ихъ въ сторону!—крикнулъ Петруша.

И опрокинутыя сани закрыли жениха и всѣхъ гостей, которые увязнувъ въ снѣгу, на карачкахъ выползали на дорогу. Лошади, сдернутыя съ дороги, обрушились и покойно лежали на снѣгу. Ребята поджавъ бока, отъ души хотели надѣять крушеніемъ поѣзда жениха.

Между тѣмъ женихъ со своими сопротожатыми, ругаясь, сняли шубы и по поясу въ снѣгу, распрыгали лошадей, которыхъ въ упряжи никакъ не могли выбиться

на дорогу. Вытащивъ на себѣ на дорогу сани и заворѣтвъ оглобли домой, женихъ, повѣшивъ ность, поѣхалъ обратно, а ребята со смѣхомъ, шумно разговаривая, пошли къ своей деревнѣ.

IV.

Въ просторной избѣ отца Петруши тускло мерцаетъ въ свѣтцѣ лучина, то вспыхивая яркимъ пламенемъ, то погружая избу въ непроглядную тьму.

— Ну, у насъ Петрушка гуляетъ и мѣры не знаетъ: вотъ уже скоро пѣтухи запоютъ, а его все-тѣ еще нѣть,—проговорилъ съ полатей отецъ, облокотившись на локти своихъ могучихъ рукъ.

У свѣтца сидѣла мать Петруши и прыла лень. Въ ея крѣпкихъ рукахъ веретено жужжало какъ пчела. Она отвѣчала мужу:

— Вѣдь сегодня праздникъ—Крещеніе Господне, то отчего и не погулять. Состарѣется, какъ мы съ тобой, тогда даромъ будешь и гулянка.

— Ты все застунаешься за Петрунику; избалуешь, кажется, его. Что ни праздникъ, что ни воскресеніе Христово, а его до первыхъ, нерѣдко и до вторыхъ пѣтуховъ нѣть. День-то я уработаюсь—не слышу, когда онъ придетъ, а ты и знаешь—мнѣ не скажешь, чтобы я не выругалъ его. Потакаешь ты только ребятамъ.

— Нынѣшнюю еще зиму погуляетъ, а тутъ женит-ся—перемѣнится. Тогда не до гулянки будетъ: пойдутъ ребята, надо ихъ накормить, обуть, одѣть, устроить—и всего съ ребятамъ напринимается. А теперь, вѣгать, пошелъ—все одинъ. Покамѣсть молодъ—и погулять-то ему.

— Это такъ-то-такъ, но нынче ребята гулять-то не

умъютъ. Послушаеній: напыются пьяные, на посидѣнкѣ роздерутся, выпадкаютъ у хозяина посидѣнки окна—только и слышно про ихъ драки. Хоть дрались бы однімъ кулакомъ, то ничего, а то все ладятъ коломъ, ногтѣномъ, камнемъ, ножомъ—долго-ли тутъ до грѣха. Про своего Петрушику я ничего хулоого не скажу: табаку онъ у не насть курить, вина капли въ ротъ не береть и не ссорливъ, но боюсь, какъ-да въ кампаніи съ ребятамъ онъ ко всему пріучится и въ бѣду какую-либо попадетт. Вонт, въ прошлую масляницу въ Сысоихѣ убили мужика. Хоть драку-то началь одинъ Семехинъ, потому что его стали сысоевскіе мужики тѣснить, но за него пристали два его товарища. Мужикъ-то ушелъ въ землю отъ однѣхъ Семехиныхъ рукъ, но его товарищи за кампанію угодили въ каторжную работу. Какъ подумаеній про это, то и взбредетъ на умъ: надо намъ Петрушику женить, пока онъ не догулять до чего худого.

— Ты, пожалуй, правду, старикъ, толкуешь. У меня у самой сердце не на мѣстѣ, когда Петрушки долго нѣть. Если и лягу спать, то только ворочаюсь съ боку на бокъ—не могу уснуть. Не выходить изъ головы моей дума: какъ-то напиши парень гуляетъ, все ли тамъ ладно. Гораздо покойнѣе бы я была, если бы дома онъ побольше сидѣть. Но какъ ни уговариваю его побывать въ празднику дома хоть одинъ вечерокъ—нѣгъ-такъ-нѣть, удереть такъ удереть куданибудь на посидѣнки. А тутъ мати тоскую и горюй, дожидаюсь его.

— Да и твои годы стали ужъ не прежніе, а работы приходится дѣлать много. Вѣдь у насть съ тобой скотины полонъ дворъ: двѣ лошади, восемь коровъ, три теленка, пятнадцать овецъ—надо руки, чтобы обрядить ихъ, и тебѣ ужъ одной становится не подѣ силу.

Съ невѣсткой же все будеть полегче; да и но лѣтамъ, чѣмъ держать работницу и нлатить ей деньги, лучине какъ у насть будеть свой человѣкъ; вѣдь нельзя сравнивать свою и чужую работницу. Чужая—что? Кой-какъ исполнить работу, свалить ее съ рука, а тамъ, хоть для нея и трава не рости; своя же совсѣмъ не то дѣло—все дѣлаеть про себя и ни какъ хуже, а какъ лучше. Чѣмъ долго, старуха, мерекать, подберемъ сегодня Петрункѣ подходящую невѣсту и ионлемъ завтра сватуною. А? Какъ ты думаешьъ?

— Ты больно и крутъ—ужъ завтра. Вѣдь это дѣло не маленькое: надо хорошенъко подумать, поразобрать невѣсту, которая получине, а то возьмени зря, то и напетаешь съ ней. Намъ-то еще ничего, а парню-то каково будетъ съ нетожковой возыкаться. Да ито и говорить: хорошая, умная и для насть любѣе—полегче будеть съ ней житъ.... Ну, а въ невѣсты кого ты ладишь своему Петрункѣ?

— По моему, на ито ему лучше Андронинны—дѣвка хоть куда: собой дородна, работница, изъ хорошаго богатаго дому, и порода то у ней все хорошая, есть гдѣ будеть Петрункѣ погостить—вездѣ примутъ его на славу.

— И я не хаю дѣвку: помыслѣ и мнѣ она. Одного приданого за ней пойдеть— страсть: платьевъ такъ не пересчитаешь, а про бѣлье и говорить нечего... Вотъ подумаемъ немнога, да къ ней сватуною съ легкой руки и ионлемъ, въ это межговеніе свадебку и скрутимъ.

— Тянуть не будемъ: въ обѣихъ сторонахъ за деньги дѣло не встанеть, а намъ даже за невѣстой рубликовъ пятьдесятъ приданого дадутъ.

— Это само собой: у насть вѣдь парень не худой—работяцій, непьющій и собой пригожій, да не кой отъ

какого дому. Въ наиней волости любая дѣвка за него замужъ пойдетъ... Вонъ чуешь—и самъ женихъ напь катить.

Въ двери сѣней раздавался легкій стукъ. Мать положила на лавку прядлицу и съ ворчаніемъ, что долго прогулять, пропустила сына.

— Хошь ести?—спросила она сына, когда тотъ раздѣлся.

— А што есть?

— Еще въ печкѣ стоять ици и каша, да молока я тебѣ принесу—вотъ и хлебай.

— Ладно когда, давай.

Мать живо собрала ему ужинать. Парень съ аппетитомъ сѣѣль всю, поставленную передъ нимъ похлебку. Помолившись послѣ ужина передъ иконами, онъ улегся на полатяхъ рядомъ съ отцомъ и громко хранившиимъ братишкомъ зѣть пятнадцати.

Мать убрала со стола, загасила лучину, долго молилась передъ сномъ и испеча: „Господи, помилуй меня грѣшную,“ легла на печку. Въ избѣ настала тишина.

V.

Черезъ недѣлю отецъ съ матерью рѣшили:—безпрѣмѣнио въ нынѣшнюю зиму Петрунку женить. Отецъ, выбравъ удобный случай, когда они остались втроемъ въ избѣ—онъ, мать и сынъ—обратился къ Петрункѣ:

— Петрунка, знаешь ли што?

— А што?

— Мы съ матерью хотимъ тебя женить.

— Воля ваша, батюшка.

— И невѣсту тебѣ принасли—Андронину. Дѣвка славная: работящая, изъ хорошаго дому и всего много

за ней дадутъ. Лучше невѣсты тебѣ не подыскать.

При одномъ только упоминаніи обѣ Адрониши, упало сердце у патрія. „Какъ же моя-то Парањка останется безъ меня, да и мнѣ жаль ее,“ промелькнуло у него въ умѣ. Вѣдь мнѣ безъ нея не пожить... А ужъ жениться, тамъ на Парањкѣ, а больше ни на комъ“, рѣшилъ онъ.

— Ну, что молчишь? — спросилъ отецъ.

— Да что сказать тебѣ, батюшко. Ты мнѣ отецъ, отецъ хороший,—печальнымъ голосомъ началъ сынъ,— конечно, худа не пожелаешь своему сыну; и я согласенъ съ тобой, что Адропинина дѣвка не худая, но повѣрь мнѣ: кромѣ нашей Парањки я ни на комъ жениться не могу. Одна она люба мнѣ и безъ нея мнѣ жизнь не мила.

Этотъ отвѣтъ сына озадачилъ отца. Онъ ни какъ не ожидалъ, чтобы его сынъ, ранѣе во всемъ безпрекословно повиновавшійся, сталъ бы перечить ему.

— Што ты, Петрушка, съ ума ли што ли спятилъ,— съ удивленіемъ сказалъ отецъ:—хочень жениться на ницей, на нагуляной; да и порода-то у нее все татковская.

— Все это я, батюшко, хорошо знаю, и отъ всего бы сердца радъ исполнить твою волю. Ты самъ знаешь, что ранѣе, если могъ, я слушался тебя, а теперь, не знаю, что со мной дѣлается, и не въ моей волѣ сладить съ самимъ съ собою, потому что Парањка ужъ болѣно мнѣ люба, и она, неговоря о пригожествѣ, ни въ чемъ не хуже Адрониши: въ работѣ не уступитъ любому мужику; за ней нѣть никакой славы; всѣ отъ мала до велика хвалятъ ее; вотъ живетъ она у насъ въ деревнѣ восемнадцать лѣтъ, вѣдь выросла въ ней, а слыхалъ ли ты, чтобы она съ кѣмъ разорилася и

кого чѣмъ нибудь обидѣла; ведеть себя она такъ, что про нее никогда даже муха не пропищить.

— Параньку и я не хулю. Што ты про нее сказали, то нравда. Но только знай: отъ худой породы, нагулянную мнѣ въ домъ, не надо.

— Батюшко, повѣрь мнѣ, что я ни жить, ни быть безъ нея не могу,—говорилъ Петруша.—Будь добрый, дай мнѣ свое родительское благословеніе жениться на ней, сдѣлай для меня такое великое добро, и я вѣкъ не забуду этого.

— Ну, коли такъ—если тебѣ Паранька люба, и дороже отца и матери, то я тебѣ перечить не стану, чтобы ты онося не изобижался на меня, что разстроилъ твоє счастье—бери ты замужъ и Параньку. Не лишу я тебя родительского благословенія, сыграю свадьбу, дамъ Сивка со всей сбруей, корову, теленка, на душу земли, на посѣвъ и на прокормъ до осени хлѣба—и больше вичего. Но только какъ женишься, ступай жить въ теплицу келью, а тамъ устраивай, какъ хочешь, себѣ новый домъ; лѣсу у насъ много—руби сколько хочешь... а больше на меня ни въ чѣмъ не надѣйся.

— Благодарю, батюшко и на этомъ,—съ чувствомъ сказалъ сынъ.

— Ну, старуха, свадьбы тянуть намъ долго не для чего,—обратился отецъ къ женѣ:—завтра ты сходи за своей сестрой и помили ее къ Паранькѣ сватуньеи. Про приданое говорить нечего—поди все у нее въ охабѣ унесень; да мы сами почти все знаемъ: не за сто верстъ невѣstu беремъ, а у себя подъ окномъ.

Съ радостнымъ сердцемъ Петруша легъ спать и веселые думы долго тѣснились въ его головѣ. „Вотъ-то моя Паранька обрадуется, какъ я скажу ей, что бать-

ко согласенъ меня женить на ней“... и съ этой думой наппъ парень крѣпко заснулъ.

На другой день, вечеромъ, провожая Параню съ иосидѣнки, Петруша спѣшилъ подѣлиться съ ней со своею радостью, и обратился къ ней:

— Знаешь ли, Параня,— я тебѣ новенькое хорошенькое скажу?

— Ну, скажи.

— А угадай?

— Да гдѣ угадать: вѣдь я не Анна Пророчица, меня даже зовутъ-то не Анной, а Парасковьей,—пошутила дѣвушка.

— Примѣрно хоть попробуй угадать?

— Не знаю, право, чито тебѣ и сказать... Поди себѣ хорошую шубу заводишь.

— Одни только у васъ, у дѣвокъ, наряды на умѣ, ровно другихъ разговоровъ никакихъ нѣту,—даже изобидился Петруша такому отвѣту.

— Когда чито?

— Отецъ меня хочетъ женить.

— Врешь.

— Ну, вотъ стану тебѣ вратъ.

— Поди къ Андронину онъ хочетъ сватунью посыпать.

— Первоначально онъ ладилъ мнѣ въ невѣсты Андронину, наваливалъ мнѣ ее и ему хотѣлось, чтобы я взялъ ее; но я уперся на свое мѣсто и твержу ему одно: „ни почемъ мнѣ не надо Андронинны и я больше ни на комъ, какъ на Паранѣ, не женюсь.“ Батько сначала заупрямился, стать говорить мнѣ то и се, но я уперся на свое мѣсто—и кончено.

— А чито тебѣ отецъ отвѣтилъ на это?

— Онъ посемалъ, посемалъ, да и говорить: „Коли такъ—если тебѣ Парањка люба, и дороже отца и матери, то я тебѣ не перечу—бери замужъ и Парањку. Не липу я тебя;—онъ говорилъ,—родительскаго благословленія, сыграю свадьбу, дамъ Сивка со всей сбруей, корову, теленка, на одну душу земли, на посѣвъ и на прокормъ до осени хлѣба—и больше ничего. Но только какъ женишься, ступай жить въ теплицу келью. а тамъ устраивай, какъ хочешь, себѣ новый домъ. Лѣсу у насъ много, руби его на домъ, сколько хочешь, и больше на меня ни въ чемъ не надѣйся.“

— Ужли это правда?—съ недовѣріемъ говорила Парања.

— Ну, вотъ, стану я тебя обманывать. Коли раньше про женитьбу никакихъ разговоровъ не было, то я тебѣ ничего не говорилъ, а теперь, когда у насъ въ домѣ это дѣло рѣшеное, то я тебя нарочно и ловилъ, чтобы радостью наединѣ подѣлиться съ тобою.

— Спасибо тебѣ, Петруша, за все большее спасибо,—съ чувствомъ сказала дѣвушка.

— А какъ ты хочешь, Парања, а по слухаю такого счастья тебѣ слѣдуетъ крѣпко поцѣловать меня.

— О-о, ты мой дорогой, за это я тебя десять разъ поцѣлую. Ты вѣдь у меня добрый, хороший, ненаглядный. Ну, цѣлуй же, цѣлуй поскорѣй...

И въ ночной тишинѣ стали звучно раздаваться поцѣлуи влюбленной парочки.

VI.

Вскорѣ сыграли свадьбу Петруши и Парањи. Гости, какъ водится на свадьбахъ, перепились, поругались, некоторые даже подрались между собою и въ концѣ концовъ, ратцѣловавшиесь въ знакъ болшой

дружбы, разъхались по домамъ.

На первой недѣлѣ Великаго поста Петруша со своей молодой перебрался въ келейку тещи.

Петруша сидѣть вдвоемъ съ Нараней и они думаютъ крѣпкую думу, какъ бы получше устроить свое хозяйство.

— Штобы тятъкѣ-то дать со мной изъ дому побольше,—говорить Петруша,—то гораздо бы легче было мнѣ обзаводиться своимъ домкомъ. Я просилъ его взаймы дать мнѣ денегъ и кое-чего на прибавку хозяйства, но онъ наотрѣзъ мнѣ отказалъ; что онъ обѣщалъ, то выдалъ, поэтому и просить у него нечего. Если бы онъ помогъ, большое бы облегченіе мнѣ сдѣлалъ, а я бы ему исподвольно съ благодарностью бы выплатилъ. Теперь вотъ приходится заводиться вдругъ и отъ однѣхъ крестьянскихъ рукъ.

— Ничего, потихоньку Богъ поправитъ,—утѣшила его Нараня.—Шокамъ мы поживемъ здѣсь, у мамки, а тамъ—исподвольно пообзаведемся да поустроимся—переберемся и въ свой дому.

— Какъ ты не мерекай, а ище всего намъ надо свой дому съ дворомъ какъ можно скорѣе заводить: земли у насъ съ тобой довольно—два надѣла, тещинъ и свой, то многого и надо назыム повалить на нее, чтобы получить хороший урожай; худо-худо придется держать пяти коровъ, не считая мелкаго скота, чтобы жить землей по настоящему; здѣсь же во дворъ столько скотины не пустишь: едва вотъ вбили во дворъ лошадь, двухъ коровъ и двухъ теленковъ. Да мнѣ самому больно не охота изъ такого богатаго дому жить въ этой кельешкѣ.

— Теперь еще поправляться намъ легко—ребять нѣть, то мы и будемъ работать, не покидая рука своихъ и

заколачивать деньги.

— Ну, Параня,—тешено вздохнувь, сказалъ Петруша,—трудно придется намъ съ тобой, прежде чѣмъ ито-не-што поустроимся своимъ домкомъ; хватимъ мы нужды, голода и холода, если захотимъ попасть поскорѣе въ свой домъ. Но мы надѣемся на Бога—Онъ поможетъ намъ. Дѣло откладывать мы не станемъ. На-дняхъ я¹ поѣду на вывозку лѣса изъ дачи купца Мирюкова и поработаю тамъ, пока будетъ держаться дорога, и Богъ дастъ здоровья, добуду рублей двадцать. Смотришь—начало и есть. Лѣтомъ, кромѣ своего повытка, станемъ въ свободное время работать въ людяхъ.

— Если Господь да добрые люди не оставятъ, то не погибнемъ мы съ тобой, Петруша. При Божіей помощи устроимся и своимъ домкомъ. Вотъ-то любо будетъ намъ, какъ въ своемъ домѣ заживемъ. Я, право, не знаю какъ дождаться этого времени.

— Живы да здоровы будемъ, скоро заживемъ,—время незамѣтно пролетитъ. Мы дѣло съ тобой откладывать не станемъ: ты завтра сбери меня въ дорогу и я въ ночь поѣду на вывозку, утромъ туда прикачу и стану денежки зарабатывать.

— Ты ужъ больно и скоро хочешь собраться—завтра. Хоть поживи здѣсь немножко, пріосмотрись, поустройся, поуспокойся, а тамъ и за работу принимайся. А то не прожилъ послѣ свадьбы трехъ пѣдѣль и ѿденъ отъ меня на чужую сторону, можетъ быть, на весь постъ,—проговорила чуть не со слезами на глазахъ Параня.

— До тѣхъ поръ я не успокоюсь, пока не попаду въ свой домъ, а теперъ, какъ ни живи, какъ ни работай, все у тебя домъ чужой. Хорошо, если все будетъ по согласию съ тещей, то ничего, а иначе, чуть ишо—стуйай вонъ и живи, гдѣ хочешь. Да ты и ра-

ботай хоть того лютѣе, но все у тебя изба не своя, а чужая; къ чужой же избѣ душа ужъ не такъ лежить какъ къ своей.

— Вѣрно ты толкуюшь: хорошо бы поскорѣе выстроить свой домикъ и забраться въ него.

— Такъ ты и не откладывай дѣла, а лучшіе завтра снаряжай-ка меня въ путь.

— Ну, ладно, когда я и такъ согласна; сегодня вечеромъ растворю пироговъ, а завтра напеку тебѣ подорожниковъ: ты и поѣзжай съ Богомъ.

VII.

Всю слѣдующую зиму Петруша возилъ лѣсъ для своего дома. При заготовкѣ лѣса ему часто помогала Шараня: она въ свободное время привозила домой и сваливала срубленный и очищенный мужемъ бревна. Благодаря этому, у нихъ работа спорилась вдвое скрѣ: Петруша, наваливъ бревно на дровни, успѣвалъ, пока Шараня отвозила, къ ея возвращенію приготовить уже другое бревно.

Около масляницы стояли мятели. Петруша не обрашалъ на нихъ никакого вниманія и каждый день ъезжалъ за бревнами въ свою дачу, находившуюся въ шести верстахъ отъ деревни. Такъ и сегодня далеко до свѣту, еще было совсѣмъ темно, онъ поѣхалъ въ лѣсъ и около одиннадцати часовъ утра привезъ бревно, свалилъ его; не распрягая, дать лошади сѣна и самъ поспѣть обѣдать.

На улицѣ усиливалась страшная мятель. Сыть такъ сверху и валила хлопьями. Сильный вѣтеръ совсѣмъ заметалъ дорогу.

Петруша, несмотря на такую погоду, иослѣ обѣда стать въ другой разъ сбираясь въ лѣсъ.

— Полно, не ъезди болѣе сегодня: виши, какая пурга поднимается—даже зги не видать,—разговаривала его Параня.—Самъ мало отдохнулъ, Сивка худо выкорьмилъ и ъдени въ лѣсъ но бревна въ такую мятель.

— Ничего, Параня, не сдѣлается: я еще засвѣтло успѣю съѣздить. Чего мнѣ дома-то зря сидѣть.

— Ну, когда, какъ хочешь. Поѣзжай съ Богомъ.

Петруша заворотилъ Сивка, сѣль на дровни и легкой рысцой покатилъ въ лѣсъ по узкой лѣсной дорогѣ, замеченной снѣгомъ. Лошадкѣ тяжело было бѣжать и она, пурхая ногами снѣгъ, пошла шагомъ.

Параня, стоя на крыльцѣ въ одномъ сарафанѣ, долго провожала глазами мужа. Но вотъ онъ скрылся въ лѣсу; тяжело вздохнувъ, она вернулась въ избу и сѣла за прядлицу.

Петруша доѣхалъ до мѣста рубки. „Срублю-ка я сегодня то толстое дерево, которое намедни видѣль, когда бродилъ по лѣсу и разыскивалъ для рубки подходящій лѣсъ,“ подумалъ онъ, и по чуть замѣтной дорожкѣ, почти всей засыпанной снѣгомъ, потащился впередъ. Дорожка шла полянкой, боковой вѣтеръ почти стлаживалъ ее, такъ что даже опытный въ тореніи дорогъ Сивко, по временамъ, одной ногой сбивался съ дороги. Съ лѣсной дорожки Петруша свернула въ сторону. Сивко стала кубархаться въ глубокомъ снѣгу и весь мокрый, проторивъ новую дорожку сажень въ сто, добрался до намѣченной хозяиномъ толстой хмурой ели. Чтобы обмять хорошиенько новую дорогу, Сивку пришлось со своимъ хозяиномъ пропутешествовать по ней взадъ и впередъ три раза, такъ что отъ него даже паръ пошелъ.

Петруша, проложивъ дорогу, сняла холстинный сѣрый армякъ, синюю шубенку, и оставшись въ одной коротенькой холдиной поддевочкѣ, обмяль

ногами около ели снѣгъ, взялъ топоръ и, поправивъ на головѣ шапку, сталъ со всего плеча рубить ель.

Глухо стучалъ топоръ: шумъ и свистъ бури заглушилъ стукъ. Щепки далеко отлетали въ сторону. Застонала вѣковая ель, хлопьями полетѣли съ нея слезы на причинявшаго ей горе мужика, такъ что отъ сиѣга да отъ пота смокла спина его рубанки и поддевочки. Подрубленная ель затрецала и съ глухимъ стономъ, ломая по пути сучья и тонкія дерева, грохнулась о землю. Петруша очистилъ дерево отъ сучьевъ, отрубилъ вершину, снялъ кору — и бревно готово.

„Слава Богу, проговорилъ онъ, теперь можно и домойѣхать.“ Подвель Сивка къ бревну, наладилъ слеги, взялъ толстый кольцо, и своими крѣпкими руками мигомъ бревно взвалилъ комлемъ на дровни, а вершиной на подсанки; чтобы оно не скатилось, привязалъ его веревкой къ дровнямъ и къ подсанкамъ.

— Ну, Сивко, не знаю какъ мы съ тобой доберемся до дому: ужъ стемнело, а какая поднялась погодунка! — говорилъ Петруша, глядя на разыгравшуюся мятель.

Да, дѣйствительно, было надѣять чѣмъ и призадуматься. Сильный порывистый со свистомъ вѣтеръ шумѣлъ и гудѣлъ по лѣсу, ломая вѣковыя деревья, и загадилъ совсѣмъ дорогу, такъ что днемъ трудно было ее отличить отъ стороны. Темъ сдѣлалась страшная: въ десяти шагахъ человѣкъ казался какъ тѣнь.

Стряхнувъ съ шубенки и халата снѣгъ, Петруша надѣлъ ихъ, подноясался кушакомъ, заткнулъ за него топоръ, и, ухватившись обѣими руками, мызгнулъ на лошадь. Сивко, натянувшись, сдвинулъ бревно съ места и пошелъ пурхаться въ снѣгу; но пе оттацилъ онъ бревна и пятнадцати сажентъ, остановился: со всѣмъ выбился изъ силъ. Вновь проложенной дороги не знать было: боковой вѣтеръ замелъ ее, пока Петруша возил-

ся съ бревномъ.

Послѣ нѣсколькихъ отдыховъ, Петруша замѣтилъ, что они єдутъ по цѣлому мѣсту. Онъ ишелъ отыскивать проложенную имъ дорогу; но сколько ни бродилъ—не могъ наткнуться на дорогу. Далеко же отлучиться отъ лошади боялся. „Какъ да заплутаю, да потеряю ее изъ виду, то Сивко мой пропадетъ, думалъ онъ: или замѣрзнетъ онъ въ ночь, или волкъ похитить его; да я и самъ безъ лыжъ по такому снѣгу не далеко отсюда подамся.“ Покружившись немного, онъ пришелъ къ Сивку. Видя, что съ бревномъ болѣе немыслимо єхать, онъ развязалъ веревку и освободилъ дровни отъ бревна; сѣлъ на дровни и отпустилъ лошадь, думая не найдеть ли она дорогу. Но сколько она ни кружилась, выбиваясь изо всѣхъ силъ своихъ, но все-таки не могла выбраться на дорогу.

Наконецъ Петруша убѣдился, что покамѣсть погода не успокоится и лошадь, которая уже едва волочила ноги, не отдохнетъ, ему нечего было попусту изнурять ее и себя,—подъѣхалъ къ большой ели, постановилъ лошадь отъ вѣтру, выгребъ изъ подъ ели снѣгъ и усѣлся подъ нея, въ ожиданіи перемѣны погоды.

Въ поискахъ дороги ему было тѣпло: въ движеніи онъ разогрѣвался, но теперь сильная дрожь начала его прохватывать: онъ весь почти былъ мокрый.

„Вотъ бы на этотъ разъ да привелись бы съ собой спички, то славно было бы, думалъ онъ: я бы развелъ теплинку и грѣлся бы около нея; а то, пожалуй, теперь недолго и замерзнуть... Помирать вѣдь еще рано. Ну, хоть бы пожить въ новомъ домѣ, тогда бы и умереть можно; а то бился, бился, напасалъ на постройку дома лѣсу и денегъ—и напрасно: моей Шаранѣ ужъ не по силамъ выстроить новый домъ. Бѣдная она: не пришлое ей пожить въ покой: все, сердешная, мая-

лась въ нуждѣ, въ горѣ, не видала она красныхъ дней... Поди-ка теперь какъ она тревожится обо мнѣ, не зная на што и подумать, што меня такъ долго нѣтъ... Ну, если бы и умереть, то хоть бы своею смертью, но-хри-стіански, съ дару да съ покаянія, а не замерзнуть бы здѣсь, не покаявшись во грѣхахъ своихъ”...

Параня его, сидя у окна, всѣ глаза присмотрѣла, дожи-далась, не єдетъ ли онъ. Стемнalo—Петруши нѣть, а времѧ давнo ему прїѣхать. Нѣсколько разъ она выходила на крыльце и глядѣла—но все его не было видно. „О, Мати, Пресвятая Богородица, спаси его отъ всякихъ бѣ-ды и напасти, молилась она, набожно крестясь, глядя на бушующую мятель. Все ли у него ладно, не приключилось ли што съ нимъ.“ И самыя тяжелыя думы лѣз-ли въ голову: то ей представлялось, что деревомъ уби-ло мужа, то, что запутавшись, онъ замерзъ и лежить теперь гдѣ нибудь въ снѣгу; то, что напали на него волки и растерзали его... И чего ужъ только не пере-думала она, не находя нигдѣ себѣ покоя.

„Нѣть ужъ силы-моченьки мнѣ болѣе ждать, гово-рила она сама съ собою: пойду сама разыскивать его; можетъ быть, что приключилось съ нимъ, а то давно пора прїѣхать ему.“

На всякий случай она взяла съ собою мужу пиро-га и кузовокъ съ сѣномъ для Сивка. „Можетъ быть они ослабли,“ думала она,—и пошла одна въ лѣсъ въ такую-то мятель!

Она знала около котораго мѣста мужъ рубить брев-на, и, но колѣнo въ снѣгу, направилась туда. Не дохо-дя до заготовки лѣса, она останавливалась, едва переводила духъ отъ усталости и громко кричала своего мужа. Но никто не откликался ей; одинъ только вѣ-теръ бушевалъ и выль по лѣсу.—Параня подвигалась все дальше и дальше въ лѣсъ...

„Што это такое, ровно мнѣ почудилось, что кто-то кричить, очнувшись отъ дремоты, сказалъ Петруша. Да не блазнить ли мнѣ?... Што-то болыше не слыхать“... Порывъ вѣтра опять донесъ до него крикъ. „И впрямъ, да еще никакъ моя Параня это кричить; дай-ка я отклиknусь сїй“... съ радостью промелькнуло у него въ умѣ. И выйдя изъ-подъ ели, онъ крикнулъ, что есть духу:

— „Эге-ей! Параня, это ты?!

— Э-е-е-ей! — слабо донеслось до него.

Петруша сѣть на дровни и, крикнувъ на лошадь, поѣхалъ на голосъ. Сивко, весь продрогшій, услышавъ бодрое понуканіе хозяина, напрягая послѣднія свои силы, пурхался въ снѣгу, медленно иодвигаясь впередъ. Черезъ нѣсколько времени показалось очертаніе человѣка... и Петруша выѣхалъ на дорогу.

— Ну, Параня,—узнавъ ее, съ чувствомъ сказалъ онъ,—какъ бы не ты, то, кажется, замерзъ бы я въ лѣсу. Ни почемъ бы оттуда не выбраться.

— Да и я то вся притужилась, что тебя долго нѣть. Изъ терпѣнія дани выбило дожидаться тебя — я и попыла сама разыскивать.

— Спасибо тебѣ.

— Поди проголодался. Я тебѣ принесла пирога, поѣши его: хоть немножко иодкрѣнишься.

— Пожалуй, давай сюда; ёсти больно охота: едва волоку ноги.

— Теперь мы на дорогѣ, а ты иззябъ, то бѣги домой: на ходьбѣ скрѣе разогреешься, — а я дамъ сѣнца Сивку: винъ, онъ, бѣдный, какъ измучился, дани бока провалились. Онъ перехватить сѣнца и я слѣдомъ притащуясь за тобой.

— Ты одна-то не боишся здѣсь?

-- Что доспѣется? Одна сюда шла, не боялась, а теперь мнѣ съ Сивкомъ будешь весело. А ты вѣдь совсѣмъ замерзней, какъ станешь дожидаться меня. Бѣгги-ка лучшіе съ Богомъ.

Петруша послушался и поплелся домой. Параня отвязала поводъ, спустила черезезѣльникъ, поставила передъ Сивкомъ кузовокъ съ сѣномъ, который, проголодавшись, съ жадностью принялъ хватать сѣно, а сама, вложивъ руки въ рукава надѣтого на нее шубнаго полу-шубка, сѣла преспокойно на дровни.

„Однакоже, жутко здѣсь, думала она, слушая завываніе вѣтра. Говорятъ, что въ эдакую погоду лѣшій болѣе всего пугаетъ; но я буду читать: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, то онъ не посмѣеть подступиться ко мнѣ... Ну, если что и приключится со мной, то хоть закричись, никто не услыхаетъ: кругомъ нѣть живой души... Да и то сказать: гдѣ Господь приведетъ умереть, то тамъ и помреши... Поди Сивко немнога подкрѣпился—надо забираться домой..“

Ионукая Сивка, который и самъ, думая скорѣе добраться до теплого крова, бодро шагалъ, она уже около полуночи дотащилась до своей избы.

Сама распрягла лошадь, пустила ее въ хлѣвъ, принесла изъ колодца воды, положила въ ясли сѣна, и, забравъ сбрую, чтобы она къ утру согрѣлась, вошла въ избу.

— Ты, Параня, поди вся иззябла,—обратился къ ней съ печки мужъ.

— Нѣть, ничего. А ты ужиналь безъ меня?

— Мнѣ хотѣлось быти, да одному невесело сидѣть за столомъ—я и дожидался тебѣ.

— Ладно, когда, я сейчасъ сберу.

Она поставила на столъ блюдо съ постными щами, и наши молодые большими ложками стали дружно

уписывать ихъ. Опорожнивъ еще чашку съ тяпушкой—толокно съ квасомъ—они усердно помолились Богу, легли на раскинутую на иоль солому и вскорѣ уснули безмятежнымъ крѣпкимъ сномъ.

VIII.

Прошло два года. На краю деревни былъ наваленъ огромный костеръ бревенъ: это Петруша все набурилъ своими руками и вывезъ въ двѣ зимы на свое Сивкѣ. Много труда было положено, много поту было пролито, много нужды было принято имъ при заготовкѣ этого лѣса; но онъ переносилъ все это съ терпѣніемъ, видя, какъ быстро подвигается дѣло къ постройкѣ дома.

У него было скоплено на постройку деньгами двѣсти рублей. Оба лѣта онъ вставалъ съ Нараней еще до солнышка, а ложился, когда оно уже закатывалось, работая, какъ говорится, не покладая рукъ своихъ. Не то что каждымъ днемъ, но каждымъ часомъ дорожили они, чтобы задаромъ время не пропадало. Только одни воскресные и праздничные дни служили отдыхомъ: они считали грѣхомъ работать въ эти дни. Отъ работы они оба даже осунулись: на самомъ дѣлѣ, чтобы въ крестьянскомъ быту, а особенно въ такомъ положеніи, въ какомъ находились наши молодые, гдѣ приходилось заводиться все вновь, заработать мужику и бабѣ въ два года двѣсти рублей кромѣ содержанія и необходимыхъ расходовъ, то нужно имѣть желѣзные—энергію, мускулы и выносливость. Солоны достались нашимъ молодымъ эти деньги, но они съ радостью клали въ свою кассу каждую, трудомъ добытую копейку.

Благодаря вотъ такимъ ихъ трудамъ, къ осени того же года ими и былъ выстросенъ на краю деревни пять оконъ по лицу двухъэтажный домъ съ примыкающимъ

къ нему длиннымъ дворомъ, а на Воздвиженіевъ день они перебрались уже въ свой новый домъ.

Прошло семь лѣтъ. Въ Покровъ Петруша проснулся рано, умылъ лицо холодной водой, усердно помолился передъ иконами Богу и отправился къ заутрени къ своей приходской церкви, находившейся въ восьми верстахъ отъ его деревни.

Параня затопила печку, обрядила скотину, напекла пироговъ и приготовила для мужа самоваръ. Когда Петруша возвратился отъ обѣдни, они сѣли за столъ пить чай и закусывать горячихъ пшеничныхъ пироговъ, испеченныхъ изъ своей муки.

За послѣднее время оба они пополнѣли—здоровѣемъ такъ и дышали ихъ загорѣлыя смуглыя лица. По полу уже бѣгали въ однѣхъ длинныхъ рубашенкахъ два босоногихъ бѣленыхъ мальчика. Старшій изъ нихъ таскаль на ниткѣ бумажку, за которой прыгалъ котенокъ, а младшій бѣгалъ сзади и отъ радости хохоталъ, прыгалъ и хлопалъ рученками по своимъ бокамъ. Такъ они занялись игрой, что даже забыли про чай и горячіе пшеничные пироги, поставленные на столъ.

— Вы што, ребята, развѣ не хотитѣ юсти?—спросилъ ихъ отецъ.

— Хотимъ,—оба вдругъ отвѣтили они.

— А хотите, такъ нечего тутъ баловаться: помолитесь Богу и садитесь за столъ.

Ребята, устремивъ глаза на иконы, перекрестили себя нѣсколько разъ, низко при этомъ кланяясь, усѣлись за столъ и съ аппетитомъ стали уписывать мягкие пироги.

— Смотри-ка, Параня, до какого мы житъ съ тобой дожили,—обратился къ женѣ Петруша:—всего у насъ довольно: домъ хороший, двѣ лошади, шесть коровъ, три теленка, семь овецъ; хлѣба нонѣ намолотили

много: ржи десять, овса пятнадцать, пшеницы три четверти; подати уплачены — никто насть не потревожитт; въ домѣ сами хозяева — сами больниe, сами маленькие; когда хотимъ — поработаемъ, устали — отдохнемъ, въ праздникъ — погуляемъ, никто намъ не укажетъ и насть не забранитъ, потому что мы все дѣлаемъ для себя, а себѣ, при умѣ, никто худа не пожелаетъ... Право, мнѣ кажется, что нашего житья съ тобой нѣть лучшее на свѣтѣ!

— Хоть мы теперь, Петруша, немного вздохнемъ, а то работали, не видя свѣту Божіяго,— говорила Параня.— Вѣдь нелегко все это намъ съ тобой досталось: все нажито трудомъ, отъ своихъ крестьянскихъ рукъ. Помнишь-ка: сколько разъ мы безъ ужина ложились спать, закусивъ одного хлѣба послѣ тяжелой работы; мы берегли каждую конечку, боясь ее израсходовать на линній ириварокъ, сколько ночей подъ рядъ мы для прилику ложились: только забуденія немногого, надо вставать на работу. Иногда ночью лягешь, долго руки не можешь успокоить: такъ и ноютъ они отъ непосильной работы... Но все пережили, все перенесли, все вытерпѣли — и теперь ровно ничего никогда не бывало. Остается намъ съ тобой, Петруша, благодарить Господа Бога за посланное намъ добро, — съ чувствомъ закончилъ разговоръ Параня.

IX.

Такъ жили счастливо Петруша со своей Параней вполнѣ довольные своею жизнью. Въ сѣнокосѣ, неизвѣстно отъ какой причины, загорѣлся домъ, сосѣдній съ Григорьевмъ... и двѣ трети деревни выгорѣли. Григорій Бакаевъ съ женой были на сѣнокосѣ, находившемся далеко отъ деревни. Когда они прибѣжали домой, то напили отъ всего добра только горяція

головни да уgli. Домъ же Петруши, какъ находившійся на краю деревни и не близко отъ строеній, уцѣлѣль. Петруша отъ души благодарила Господа Бога, что Онъ сохранилъ его добро.

— Батюшко,—обратился Петруша къ отцу, который безпомощно, низко опустивъ голову, стоялъ и глядѣль, какъ догораетъ его тяжелымъ трудомъ добытое имущество,—на то видно воля Божья: Онъ далъ тебѣ добро. Онъ и взялъ,—утѣшалъ сына,—Ты не горой, переходи съ мамкой—брать былъ въ солдатахъ—ко мнѣ въ домъ и живи съ Богомъ, мы тебя не обидимъ. Богъ дастъ здоровье—сыты будемъ.

— Да, Петруша, не думай я что придется мнѣ садиться на твою шею,—тяжело вздохнувъ, проговорилъ Бакаевъ,—но впередъ не узнаешь, какъ проживешь. Если бы я зналъ это, то при отѣлѣ не обидилъ бы тебя; можетъ-быть за это мнѣ и приходится терпѣть такое несчастье. А теперь ужъ дѣлать нечего: я тебя обидѣль—мнѣ старого не воротить, ты же меня въ несчастьи пріюти.

— Чего тутъ, батюшко, толковать-то; переходи къ намъ въ домъ безъ всякихъ разговоровъ—поть и все,—проговорила Параня.—Ты вѣдь намъ не чужой, а свой; мы вотъ на время и сусѣдей пустимъ пожить, а неужели тебя, своего, мы на улицѣ оставимъ. Вѣдь грѣхино намъ будетъ за это.

— Если мы всей семѣй станемъ жить вмѣстѣ, то намъ еще будетъ веселѣе,—говорилъ Петруша.—Къ тому же вы стали работники плохіе—уже устарѣли, надо все обрабатывать черезъ чужія руки, а чужія руки—не свои; вмѣстѣ-то, всей семѣй, дѣло скорѣе пойдетъ у насъ—у всѣхъ-то у насъ работа будетъ спориться, смотринъ, своими-то руками мы и поправимся съ обоими новыtkами. У насъ до брата и не будетъ въ

хозяйствѣ ни какого упущенія—все пойдетъ своимъ чередомъ. Ты этого и не дѣлай, чтобы не идти ко мнѣ.

И стариkъ со старухой поселились у сына. Старуха вскорѣ умерла, а стариkъ спустя лѣтъ пять заболѣлъ, и вогь уже восьмую недѣлю лежитъ на лавкѣ подъ шубой, не вставая съ постели.

Еще съ утра Петруша уѣхалъ за сѣномъ. Нараня возится около печки, гдѣ у нея нагревается въ огромныхъ чугунахъ для скотины вода. Четверо ребятишекъ кричатъ, играя на полу. Подъ поломъ блеютъ овцы и мычать телята. Старика прихватило; онъ стонетъ, надрывая грудь.

— Не надо ли тебѣ, батюшко, испить,—ласково обращается къ нему Нараня.

— Дай—въ горлѣ болно пересохло, —слабымъ голосомъ сказалъ стариkъ.

— Ты, поди давно хочешь, а мнѣ не скажешь,—подавая ковши воды, говорила невѣстка.—Тебѣ какъ захочется, то попроси, я тебѣ сейчасъ принесу; а то я не знаю, чего тебѣ и надо.

— И то ужь я часто тебя тревожу, а у тебя не только работы, что возиться со мной: вѣдь ребята, скотина у тебя на рукахъ—будеть хлопотъ и съ нимъ... На одно горе я тебѣ навязался. Помирать мнѣ пора: по крайней мѣрѣ розвязалъ бы тебя.

— Што ты, батюшко, Богъ съ тобой, и не говори этого. Ты вѣдь намъ не чужой, а родной, то какъ мнѣ за тобой, за больнымъ и не походить-то. Живи съ Богомъ, да поправляйся въ добрый часъ: ты у насть вѣ лишній.

— Ну ужь я не чаялъ, что Богъ пошлетъ мнѣ такую невѣстку: вѣдь лучине ты для меня родной дочери... А я еще тебя ранѣе-то обидѣлъ... Бить меня, старого, надо, да и по дѣломъ...

— И-и, батюшко, прежняго ты и не поминай,—остановила его невѣстка.—Што было, то прошло,—того не воротить. И за то тебѣ большое спасибо, што не разстроилъ наше счастье: дать сыну согласье жениться на мнѣ... Не хошь ли чего поись?

— Нѣть, не надо.

— Што ты ни чего не иси—вѣдь это худо: Ѵинъ больше, то скорѣе поправишься.

— Радъ бы я исти, да не могу.

— Што то оғь тебя дунно, дай-ка я тебя переоболоку.

— Нѣть, не надо; я дождусь Петруши—онъ меня переоболочеть.

— Затвердилъ ты одно: нѣть не надо, да нѣть не надо, будто у тебя другихъ словъ нѣть. Не мокрому же тебѣ лежать до того времени, когда Петруша воротится. Вѣдь такъ, если ты меня не будешь слушаться, то совсѣмъ доведешься,

— Ну, ладно когда, переоболокивай меня.

Параня подостлала подъ старика свѣжей соломы, выбросивъ вонъ старую, накрыла сухую подстилку, сняла со свекра бѣлье, надѣла на него чистую рубашку и порты, поправила подушку, положила поудобнѣе старика, окутала его шубой и сама, какъ ни въ чемъ не бывало, стала продолжать свои обряды.

Въ КАДНИКОВЪ у автора продаются книги

1. Сельскій Учитель 75 коп.
2. Торговцы и Земскій Фельдшеръ 65 коп.
3. Волостной Писарь 25 коп.
4. Что необходимо крестьянину 15 коп.

Цѣна 1 рубль.